

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный университет»

На правах рукописи

Линькова Юлия Игоревна

Посессивные конверсивы в русском и английском языках

10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Милованова Марина Васильевна

Волгоград 2014

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Антиномичность как способ восприятия окружающего мира и проблема его отражения в языке	11
1.1 Понятие антиномии. Конверсивы как средства репрезентации антиномичных характеристик	11
1.2 Моделирование как метод познания изучаемого объекта	18
1.3 Проблематика исследования категории посессивности	24
1.4 Языковые явления с позиций антропоцентризма и лингвокультурологии	29
1.5 Фразеологизмы как языковые единицы с национально-культурным компонентом значения	37
Выводы по первой главе	52
Глава 2 Глаголы-конверсивы как средства выражения посессивных антиномий в русском и английском языках	55
Вводные замечания	55
2.1 Посессивная антиномичная модель «купить – продать»	57
2.2 Посессивная антиномичная модель «наследовать – завещать»	81
2.3 Посессивная антиномичная модель «выигрывать – проигрывать» ...	97
2.4 Посессивная антиномичная модель «собирать – утрачивать»	110
2.5 Посессивная антиномичная модель «взять – дать»	135
Выводы по второй главе	160
Глава 3 Фразеологические единицы как посессивные конверсивы	163
3.1 Особенности репрезентации интравектора антиномичной модели в семантике фразеологизмов	163
3.2 Особенности репрезентации экстравектора антиномичной модели в семантике фразеологизмов	179
Выводы по третьей главе	186
Заключение	188
Список использованной литературы	194
Список источников, словарей и принятые сокращения	209
Приложение	211

Введение

Данная работа выполнена в русле сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии.

Актуальность данной работы обусловлена рядом факторов: 1) посессивность является одной из важнейших универсальных категорий, определяющих взаимодействия субъектов в социуме, вместе с тем развитие посессивных отношений, в частности их антиномичность, еще недостаточно освещено в лингвистической литературе; 2) сопоставительная характеристика особенностей репрезентации посессивных антиномий в семантике языковых единиц русского и английского языков еще не была предметом специального научного анализа; 3) недостаточно разработана проблема классификации посессивных конверсивов в русском и английском языках; 4) перспективным является изучение посессивных отношений с позиций семантического и лингвокультурологического анализов, которые в совокупности позволяют более глубоко осмыслить особенности языковой картины мира, созданной тем или иным этносом.

Степень разработанности проблемы. Категория посессивности исследуется в научной литературе с различных сторон: с точки зрения структуры (Бондарко 1996; Копров 2002; Чинчлей 1996; Heine 1997; Seiler 1983), различных способов выражения (Журинская 1979; Кибрик 2003; Николаева 2000; Селиверстова 1973; Herslund, Baron 2001), характеристики выражающих ее языковых средств, набор которых для каждого языка индивидуален (Бирюкович 1980; Друзина 2005; Мелиг 2004; Циммерлинг 2000; Heine 1997; Seiler 1983). Однако такая релевантная характеристика посессивных отношений как разнонаправленность еще не получила должного освещения в работах ученых.

В процессе познания окружающего мира человек постоянно вступает во взаимодействие с различными объектами, приобретает их, сохраняет, теряет,

отдает и т. д. В центре данных отношений находится субъект, который либо приобщает к себе объект и затем сохраняет его, либо отчуждает объект от себя. В результате отношения между субъектом и объектом могут быть представлены как антиномичные. Понятие антиномии отражает суть многих явлений, в том числе и языковых, выделяя в данном явлении две противоположные стороны. Посессивные антиномии в рамках категории посессивности показывают разные направления осуществления отношений между субъектом и объектом и отражают сущностные признаки начала и окончания посессивных отношений.

Любая культура имеет присущие только ей особенности, которые отражены в языке определенного этноса. Данные культурные значения закрепляются в семантике языковых единиц и особенно ярко проявляют себя в устойчивых сочетаниях, в частности, фразеологических оборотах. В связи с этим особый интерес представляет рассмотрение закономерностей репрезентации посессивных антиномий в семантике языковых единиц с точки зрения отражения в ней национально-культурных особенностей.

Категория посессивности включает в себя атрибутивную и предикативную посессивность (см.: Милованова 2007). Мы считаем, что посессивные антиномии находят яркое выражение в рамках предикативной посессивности. Языковыми средствами, их репрезентирующими, являются глагольные единицы, к другим средствам можно отнести фразеологические единицы с ядерным глагольным компонентом.

Объектом исследования являются антиномии, выражающие отношения посессии. **Предметом** изучения выступают языковые средства репрезентации данных антиномий в русском и английском языках.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: посессивные антиномии моделируются в виде двухкомпонентной структуры, в основе которой лежит разнонаправленность процессов взаимодействия субъекта и объекта – *в сферу*

субъекта / из сферы субъекта, что находит объективацию в семантике посессивных конверсивов и имеет лингвокультурную специфику.

Цель работы – выявить особенности репрезентации посессивных антиномий в семантике языковых единиц русского и английского языков.

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

1) установить структуру антиномий, отражающую разнонаправленность отношений посессии, в сопоставляемых лингвокультурах;

2) систематизировать посессивные конверсивы, выражающие инвариантную и варианты антиномичные модели в русском и английском языках;

3) охарактеризовать закономерности репрезентации интравектора и экстравектора как структурных компонентов антиномичных моделей в семантике глагольных и фразеологических единиц русского и английского языков;

4) определить национально-культурную специфику вербализации разновекторности посессии в сопоставляемых лингвокультурах.

Научная новизна исследования заключается в том, что посессивные отношения рассматриваются в рамках установленных антиномичных моделей; уточняется структура данных моделей, включающих в себя интравектор и экстравектор. Представлена разноуровневая структурно-семантическая характеристика посессивных конверсивов; выявлены лингвокультурные характеристики посессивных антиномий. Установлена специфика отражения в семантике глагольных единиц, а также фразеологизмов русского и английского языков разнонаправленных процессов – приобщения и отчуждения объекта.

В работе использованы следующие **методы** исследования: методы наблюдения и описания, сопоставительный метод, элементы метода компонентного анализа, контекстуального анализа, лингвокультурологического анализа.

Материалом исследования послужило около 3000 случаев употребления глагольных единиц, а также фразеологизмов, репрезентирующих посессивные антиномии, которые были извлечены методом сплошной выборки из текстов русской и английской художественной литературы XIX-XXI вв., «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова, «Англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина, «Фразеологического словаря русского литературного языка» под ред. А.И. Федорова и «Русско-английского фразеологического словаря» Е.Ф. Арсентьевой; использовались также материалы Национального корпуса русского языка и Национального корпуса английского языка. Кроме этого, привлекались материалы этимологических, толковых и современных словарей русского и английского языков.

Теоретическими и методологическими основами исследования послужили работы по лингвокультурологии А. Вежбицкой, Е.М. Верещагина, В.И. Карасика, Н.А. Красавского, О.А. Леонтович, В.А. Масловой, Г.Г. Слышкина, В.Н. Телии, С.Г. Тер-Минасовой, Н.Л. Шамне, В.И. Шаховского и др.; исследования в области универсальной категории посессивности А.В. Бондарко, М.В. Миловановой, О.Н. Селиверстовой, Б. Хайне и др.; моделирования языка А.И. Бочкина, Н.В. Макарова, В.А. Штоффа, И.Т. Исаева и др.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в развитие лингвокультурологии, лексической семантики, в дальнейшее описание русской и английской языковых картин мира, так как содержит анализ семантической структуры посессивных конверсивов, репрезентирующих разнонаправленность отношений посессии в русском и английском языках, в аспекте отражения в ней национально-культурных особенностей, расширяет положение о последовательном отражении в языке универсальных категорий человеческого сознания и культуры. На основе комплексного анализа вербализации структурных компонентов установленных

антиномичных моделей выявлена национально-культурная специфика восприятия такого сложного феномена как посессивная антиномия представителями неблизкородственных языков и культур. Полученные результаты исследования способствуют дальнейшей разработке лингвокультурологического подхода к описанию языковых единиц различных языков.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов в вузовских курсах лексикологии, общего языкознания, теории межкультурной коммуникации, лингвострановедения, в спецкурсах по лингвокультурологии, в лексикографической практике, в практике преподавания языков как иностранных.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Посессивные отношения представляют собой развивающийся во времени разнонаправленный процесс, что находит отражение в посессивных антиномиях. Базовой антиномией выступает «приобщение – отчуждение», которая в самом общем виде выражает начало и окончание посессии.

2. Структура посессивных антиномий может быть представлена в виде модели, включающей интравектор и экстравектор. Интравектор представлен следующими структурными компонентами: субъект приобщающий; объект приобщаемый; действие-, процесс-, отношение-приобщение; конситуация осуществления приобщения; экстравектор – субъект отчуждающий; объект отчуждаемый; действие-, процесс-, отношение-отчуждение; конситуация осуществления отчуждения. В рамках инвариантной модели посессивной антиномии выделяются следующие варианты: *купить – продать, наследовать – завещать, выиграть – проиграть, собирать – утрачивать, взять – дать*. Интравектор и экстравектор могут быть выражены несимметрично в сравниваемых языках: интравектор получает наибольшую квалификацию в рамках моделей *собирать – утрачивать* (русский язык), *выиграть – проиграть*

(английский язык), экстравектор – в рамках моделей *купить – продать* (русский язык), *собирать – утрачивать* (английский язык).

3. Ядерными репрезентантами выделенных антиномичных вариантных моделей выступают глаголы, которые с точки зрения семантической структуры и выполняемых ими функций в контексте являются конверсивами; неядерные средства представлены фразеологизмами. В семантической структуре глагольных конверсивов сопоставляемых языков находят выражение сходства и различия в репрезентации установленной структуры инвариантной модели посессивных антиномий. В русском языке отмечается сужение и расширение определенных классов объектов, изменение субъекта с позиций гендера в аспекте диахронии (*купить – продать*); квалификация характера, интенсивности отношений посессии (*собирать – утрачивать*); в английском языке – вербально выраженное разграничение объектов движимого и недвижимого имущества (*наследовать – завещать*); подробная квалификация характера объекта (*выиграть – проиграть, собирать – утрачивать*); квалификация характера отношений, количественных параметров посессии (*собирать – утрачивать*). Сходство при передаче отношений посессии в большей степени демонстрируют конверсивы *взять – дать* в сопоставляемых языках.

4. В процессе репрезентации структурного компонента установленной модели посессивных антиномий «конситуация осуществления отношения» в семантике глагольных конверсивов актуализируются следующие лингвокультурные характеристики: **обстоятельства**: предательство (*продать*), зависимость от субъекта (*to bequeath*), наличие права (*to inherit*), усилия, трудности (*to spend*), результативность (*to sell*), помощь другого субъекта (*to win*); **сопровожающие эмоции**: страдание (горе) (*купить*), повышенная эмоциональность (*продать*), равнодушие, негативные эмоции (*проиграть*), удовольствие, разочарование (*утрачивать*), позитивные, радость (*to buy, to sell*), безэмоциональность (*to lose*); **внутреннее состояние**: мечта

(*купить*), счастье, обреченность (*наследовать*), скрытность (*собирать*), надежда, озабоченность (*выиграть*), слабость, глупость, неумения (*утрачивать*); **темпоральность**: долго (*собирать*), постепенно (*to save*); разнообразные **причины** (*выиграть, утрачивать*). Лингвокультурные характеристики посессивной антиномии *взять – дать* в сопоставляемых языках достаточно разнообразны и зависят от конкретной обозначаемой ситуации.

5. В семантике конверсивов-фразеологизмов интравектор модели посессивных антиномий структурирован более детально и представлен двумя фазами: начало посессии и собственно посессия; экстравектор представлен одной фазой: окончание посессии. В рамках фазы начала посессии в русском языке отмечено активное использование соматических образов (*руки, голова, сердце*); в рамках фазы собственно посессии для русской лингвокультуры релевантны сам процесс сохранения объекта, его ценность; для английской – умеренное использование объекта, рациональность; фаза окончания посессии демонстрирует актуализацию в русском языке сознательного или случайного отчуждения объекта, в английском – сознательного отчуждения. В качестве национально-культурно маркированных единиц в русском языке выступают *кубышка, копейка, грош*, в английском языке, соответственно, – *mattress, money, penny*.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования представлены в виде докладов на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: «Коммуникативные аспекты лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2013), «Мир человека на гранях языка» (Самара, 2013); на ежегодных внутривузовских конференциях (Волгоград, 2009 – 2014 гг.). По теме диссертации опубликовано 10 работ общим объемом 3,7 п.л., в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка источников, словарей и принятых сокращений, приложения.

Глава 1. Антиномичность как способ восприятия окружающего мира и проблема его отражения в языке

1.1 Понятие антиномии. Конверсивы как средства репрезентации антиномичных характеристик

Язык – система живая, и как средству межкультурной коммуникации языку присущи такие качества, как спонтанность и антиномичность. Живой язык антиномичен по природе, искусственные же языки, полагает П.А. Флоренский, не антиномичны, так как они созданы по строгим правилам логики. С точки зрения П.А. Флоренского, само строение языка противоречиво, оно слагается из антиномий (Флоренский 2000).

Диалектическое развитие языка обуславливает закон антиномий. По мнению М.В. Панова, заложенное в языке единство противоположностей служит неиссякаемым источником процессов самоорганизации и при этом отличается качественным своеобразием. Природа такого своеобразия, однако, как правило, не получает отдельного освещения в лингвистической литературе, хотя и связывается со спецификой системы языка в форме оговорки. Вместе с тем обращение к вопросам этой специфики в целях более глубокого осмысления истоков языковой антиномичности представляется не только плодотворным, но и необходимым (Панов 2004).

По общему признанию исследователей, одним из онтологических параметров, выделяющих язык среди многих других систем, служит его предназначение (ведущая цель) быть средством общения в социуме. Являясь первостепенным аспектом языка, коммуникативная функция предопределяет принципиальный антропоцентрический характер языковой системы и в большой мере направляет её поведение в ходе исторического развития и речевого функционирования. Так, в проекции на универсальные антиномии языка можно вести речь о том, что их разрешение в ту или иную сторону представляет собой результат обратной связи, или реакции, «отклика»

языковой системы на условия внешней среды, которые, так или иначе, влияют на реализацию его основной – коммуникативной – функции (Яковлева 2012). Участвуя в стабилизирующем процессе наряду с другими параметрами, антиномии позволяют языку долговременно сохранять оптимальное состояние, необходимое для коммуникации между людьми. В свою очередь, принадлежность компонентов воздействующей среды субъекту-человеку служит дополнительным основанием антропоцентричности рассматриваемых антиномий, придавая им «не асоциальный» статус (Панов 1968: 28). Имеющийся в науке опыт их осмысления даёт возможность заключить, что связанные с ними «пределы оптимальности» значительно детерминированы онтологическими свойствами участников языкового коллектива, существенными в информационном процессе. Весьма примечательными с этой точки зрения видятся выраженные в явном или неявном виде попытки разных авторов учесть указанные свойства при изложении основных положений теории информации, которая, опираясь на работу американского математика Клода Шеннона, «устанавливает границы возможностей систем передачи информации, задает исходные принципы их разработки и практического воплощения» (БСЭ 1978: 325). Результаты этих попыток содержат ценные наблюдения, могущие быть полезными в русле исследования сущности и функционирования языковых антиномий, в особенности таких из них, как антиномия говорящего и слушающего, двух функций, кода – текста, а также узуса – возможностей языковой системы.

Одним из первых об антиномиях заговорил Иммануил Кант, с чьим именем неразрывно связано это понятие. Четыре основополагающие антиномии Канта: конечности/бесконечности во времени и в пространстве, членимости/нечленимости (простоты/сложности), свободы/необходимости (причинности/спонтанности), обусловленности/случайности всего сущего и происходящего – обусловили общую направленность и характер развития теории познания в целом и науки как таковой.

Сформулированные В. фон Гумбольдтом антиномии языка как деятельности и как продукта деятельности (динамики – статики языка), языка – речи, объективного – субъективного, общего – частного в языке, понимания – непонимания и др. создали философское языкознание и определили вектор развития лингвистики на столетия. В так называемых «точных» науках принцип антиномии коррелирует с вероятностными построениями, нежесткими суждениями, вариативностью ответов, итогов, выводов (ср., например, принцип дополнительности Н. Бора).

П.А. Флоренский, в свою очередь, в труде «Столп и утверждение истины» высказывает следующую мысль: «Истина есть такое суждение, которое содержит в себе предел всех отменений его, или, иначе, истина есть суждение “самопротиворечивое” <...> Тезис и антитезис вместе образуют выражение истины. Другими словами, истина есть антиномия и не может не быть таковою». Итак, по П.А. Флоренскому, истина всегда антиномична (Флоренский 1990: 146).

Под антиномией обычно понимается сочетание двух взаимопротиворечащих суждений об одном и том же объекте, каждое из которых истинно относительно этого объекта и каждое из которых допускает одинаково убедительное логическое обоснование. Подчеркнем, что антиномичное суждение есть результат особого осмысления, особого взгляда на объект и мир в целом – как на единство, гармонию противоположностей, как на целое, целостность которого не только не разрушается, а, напротив, обеспечивается взаимодействием противоположных составляющих. Антиномичность сопрягается с нетривиальностью, нестандартностью восприятия, осмысления и оценивания всего окружающего, антиномия всегда есть разрушение стереотипа, она парадоксальна по своей сути.

В народном творчестве (в частности, в малых фольклорных жанрах) антиномичность мировосприятия отразилась с исключительной яркостью, ср.: *Нет худа без добра; Клин клином вышибают; Отъелась в лебёжью [лебяжью]*

кость; На Бога надейся, а сам не плошай; У семи нянек дитя без глазу; Сапожник – без сапог; Муж и жена – одна сатана; Благими намерениями путь в ад вымощен и т.п. Антиномичность сообщает особенную емкость, афористичность авторским высказываниям. Приведем несколько примеров: *«Когда мы скажем, что никогда не будем господами, тогда мы покончим с рабством»* (Б. Шоу); *«Война – такое же наказание для победителя, как и для побежденного»* (Т. Джефферсон); *«Твои взгляды мне ненавистны, но всю жизнь я буду бороться за твое право отстаивать их»* (Вольтер); *«Мы то всего вернее губим, что сердцу нашему милей»* (Ф. Тютчев) и т. д. (Грузберг 2002).

С другой же стороны, именно художественное осмысление мира, воплощенное в литературном творчестве, и постижение лингвистикой многих языковых явлений и процессов обнаруживают антиномичность в подходе к анализируемым сущностям.

Если говорить об общей теории, о философии языка, то антиномичный подход оказывается наиболее адекватным самому объекту изучения (языку) и обеспечивающим надлежащую эффективность исследования и надежность его результатов. Вся так называемая динамическая лингвистика, все исследования функционирования языка, несомненно, коррелируют с принципами антиномии. Изучение явлений, относящихся к фатическому полю языка, наиболее плодотворно именно в рамках антиномичного подхода, ибо здесь нежесткие решения и вероятностные суждения единственно возможны. Антиномичные суждения обладают особой энергетикой, природа и своеобразие которой, будучи изученными языкознанием, откроют новые потенции, свойственные языку. Наконец, проникновению в лингвистические исследования «логики антиномии» способствовало обращение к исследованию культурных концептов. Внутреннее содержание концепта, представляющее собой своеобразно организованную совокупность смыслов, выработанных в контексте национальной и мировой культуры, динамично совмещает,

гармонизирует противоположные, на первый взгляд, смыслы, т.е. концепт является антиномичным по своей природе и сущности (Грузберг 2002).

Лингвистические и – шире – филологические разыскания способны предоставить наглядно-яркие подтверждения философского положения о том, что антиномия есть категория гносеологическая: это особый принцип и прием познания, и сегодня, думается, это основной способ приближения к истине.

Явление антиномии, антиномичность – одна из основополагающих черт бытия. Явление противоположности различных, в первую очередь схожих явлений стало предметом исследования философов очень давно. Анализ таких антиномий как «материальное и духовное», «добро и зло», «духовное и плотское», «естественное и искусственное», «теория и практика», «Запад и Восток», «всеобщее и единичное» и других составляют основу всех философских учений с древнейших времён.

Антиномии в языке – противопоставленное положение языковых единиц, фактов, законов, отношений. Основы изучения антиномий языка заложили В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, П.А. Флоренский. Как отмечает Е.Б. Егорова, «в области языка предметом исследования Флоренского являются полюса речи, антиномичность всего, в чём состоит специфика слова, с одной стороны, а с другой – его значение как некоего символа, как одной из символических форм» (Егорова 2006: 256). Изучение антиномий в современной лингвистике начинает подчиняться требованиям прагматики, в частности, появились исследования антиномической структуры художественного текста (Мельникова 2009), лингвометодические исследования, опирающиеся на антиномичность языка (Татаринцева 2010), предпринимаются попытки оценить с позиций антиномичности социальные явления, связанные с языком и т. д. (Шемчук 2013).

Итак, антиномии играют большую роль в развитии языка, являются его движущей силой. Благодаря взаимодействию противоположных понятий, явлений, составляющих антиномии, во многом и происходит развитие языка.

Это явление является частью общего философского закона единства и борьбы противоположностей. Характер языка таков, что количество антиномий практически неисчислимо.

Несомненно, что антиномии – важнейшее условие развития языка, его гибкости, пластичности и живучести; им свойственен диалектический характер. Антиномии объединяют языковые явления, имеющие больше черт сходства, чем черт различия. Именно благодаря антиномиям происходит движение языка вперёд, из противоречий рождается истина, которая в данном случае есть поступательное развитие каждого естественного языка мира.

Антиномии в основном своем значении существуют вне языка. Языковым понятием, непосредственно связанным с понятием антиномии, является «конверсив».

Конверсия в грамматике и лексике (от лат. *conversio* – изменение, превращение) – выражение одного и того же действия или отношения субъекта и объекта, агента и контрагента и т. п. в разных, обратных направлениях – от одного участника ситуации к другому и наоборот – в эквивалентных по смыслу высказываниях (Апресян 1995: 152).

Лексические конверсивы в отличие от грамматических выражаются не формами одного и того же слова (охранять – охраняться), а разными словами: *Студент сдаёт экзамен профессору – Профессор принимает экзамен у студента (сдавать - принимать)*. По своей природе и функциям лексические конверсивы разнообразнее грамматических: они выражают отношения не только субъекта и объекта (*Башня опирается на фундамент – Фундамент поддерживает башню; Штора пропускает свет – Свет проходит сквозь штору*), но и агента и контрагента того или иного действия (*Молодой шахматист выигрывает у мастера – Мастер проигрывает молодому шахматисту; Он продаёт картину товарищу – Товарищ покупает картину у него*), членов определённой ситуации (*Профессиональные клубы превосходят любительские – Любительские клубы уступают профессиональным; Он*

старше её – Она моложе его) и др., то есть участников ситуации, замещающих соответственно позиции подлежащего и дополнения (Белошапкова 1989).

Конверсив выступает как конструктивный принцип различной организации высказывания с точки зрения разных, но взаимодействующих участников одной и той же ситуации. Преобразование связано с меной не только конверсивов, но и самих актантов (субъекта и объекта, агента и контрагента).

Лексические конверсивы в примере «*Спартак выигрывает у «Зенита» – «Зенит проигрывает «Спартаку»*» должны иметь как минимум две валентности, так как они выражают двусторонние отношения участников обозначаемой ситуации. Одно и то же действие (отношение) представлено в двух направлениях – от одного участника ситуации А (Спартак) к другому В (Зенит) (прямые отношения R) и , наоборот, от В к А (обратные отношения R). В синтаксическом отношении конверсивы характеризуются наличием прямой и обратной (обращенной) ролевых структур. При преобразовании участники ситуации меняются синтаксическими ролями: подлежащее исходного высказывания становится дополнением обращенного, дополнение исходного высказывания – подлежащим обращенного, а слово, выражающее отношения членов обозначаемой ситуации, заменяется в обращенном предложении на свой конверсив. В семантическом плане конверсивы имеют одинаковую предметную соотнесённость, представляя один и тот же смысл в разных направлениях: что касается А, то он выигрывает, что касается В, то он проигрывает и т. п. Обозначая в составе высказываний одно и то же, соотносительные конверсивы обладают разными значениями: *выигрывать – побеждать, одерживать победу; победа – успех в чём-либо; проигрывать – терпеть неудачу; неудача – неуспех* (такие конверсивы отрицают друг друга) (Белошапкова 1989).

Конверсивы как лексическая категория – это семантическое отношение обратных по своему значению слов в прямых и обращенных высказываниях, которые обозначают одну и ту же ситуацию (Белошапкина 1989).

При классификации конверсивов выделяют их структурные и семантические типы. Структурные типы определяются принадлежностью к частям речи: конверсивы-глаголы (*строить – строиться, пугать – бояться*), существительные (*предшественник – последователь, муж – жена*), прилагательные (в формах сравнительной степени: *выше – ниже, тяжелее – легче*), наречия (*стоит дороже – дешевле*), предлоги (*над – под, за – перед*). Семантические типы конверсивов выделяются по общности их значения, например, передачи (*передавать – получать, сдавать – принимать*), заполнения чего-л. (*вмещать – входить, занимать – уходить: Сборы заняли весь вечер – Весь вечер ушёл на сборы*), зависимости (*определять – зависеть, начальник – подчинённый*) и др. (Белошапкина 1989).

В отличие от синонимов и антонимов, один из конверсивов употребляется в тексте, другой остаётся за его пределами, но всегда подразумевается. Введение обоих конверсивов в текст представляет собой приём двустороннего экспрессивного подчёркивания мысли: *В борьбе враждебной выигрывает одного есть проигрывает другого.*

Таким образом, конверсивы составляют весьма значительный пласт языка. Несмотря на то, что в научной литературе, как показал наш обзор, выделяются семантические типы конверсивов, однако отсутствуют их подробные классификации применительно к такой важной универсальной категории, как посессивность.

1.2 Моделирование как метод познания изучаемого объекта

Модели используют по-разному: для получения неких абстракций, имеющих практическую ценность в принципиальном плане; для исследования

явления в миниатюре, то есть как действующую копию постигаемого объекта. Модели применяют одновременно с объектом для достижения наиболее эффективного управления.

Моделирование как процесс подготовки модели и как процесс работы (экспериментирования) с моделью является неотъемлемой частью любого процесса использования моделей. Как показывает опыт, для отражения реальности сами модели, как правило, должны постоянно изменяться, а процесс моделирования – проявлять свои обе стороны: и формировать модель, и экспериментировать с ней.

Метод моделирования имеет давнюю историю: от подражания движениям животных и птиц – до мысленных моделей атомов Демокрита, Эпикура, Лукреция и др. древних мудрецов; от моделей из песка, глины и камня ваятелей храмов древнего Египта – до моделей каналов и вертолетов Леонардо да Винчи; от геоцентрической до гелиоцентрической модели Вселенной; от идей сходства древних мыслителей – до учения Аристотеля об аналогиях (установления сходства нетождественных предметов). В истории развития науки считают, что теоретические исследования Ньютона, Бертрана и Максвелла явились основой для мировоззренческой оценки метода моделирования, получив достойное обобщение в работах Томсона (Кельвина) в конце прошлого века. Моделирование используется повсеместно в точных (технических) и гуманитарных направлениях, являясь признанным методом познания и принося впечатляющие результаты практически во всех разделах естествознания (Ревзин 1962).

В научной литературе понятие «модель» употреблялось в различных смыслах: аналога, метода, системы, образца, описания, частично или полностью формализованной теории и т. д. В связи с этим были сомнения в возможности говорить о моделях и моделировании вообще, а не о моделях и моделировании в определенной науке. Хотя в лингвистике особые требования по употреблению термина «модель» не формулировались, дебаты между

теоретиками моделирования были связаны с выбором базового значения термина «модель» (Цейтин 1982).

Существует несколько определений понятия «модель»: по мнению А.И. Бочкина, под моделью понимается «система, неотличимая от моделируемого объекта в отношении некоторых свойств, полагаемых существенными, и отличимая по всем остальным свойствам, которые полагаются несущественными; при этом отсутствие в модели несущественных элементов не менее важно, чем присутствие в ней существенных» (Бочкин 1998: 23). В отличие от концепции обучения моделированию предлагаемой А.И. Бочкиным, Н.В. Макарова понимает под моделью «...все многообразие моделей отличает нечто общее, а именно моделью может стать искусственно созданный человеком абстрактный или материальный объект» (Макарова 2000: 12). Поэтому, модель – упрощенное представление о реальном объекте, процессе или явлении.

По мнению профессора В.А. Штоффа под моделью следует понимать такую мысленно представляемую или материально реализованную систему, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение даст новую информацию об этом объекте (Штофф 1966: 6).

Многие исследователи выделяют общее в понятии модели: модель – это система, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе (см.: Уемов 1971: 11).

По мнению Д. Аптера, под моделью понимается нечто, обладающее следующими свойствами:

1. Быть общим эвристическим средством (модель-аппарат, модель-программа, модель – описание и т.п.).

2. Являться системой – заменителем. Поскольку знание ограничено лишь тем, насколько верно наше исходное положение, и сходство между моделью и реальной системой достаточно тесное, то можно, работая с моделью, делать

заклучения о свойствах реальной системы. В этом смысле основное назначение модели – сделать возможным обобщение путем аналогии между разными системами.

3. Использоваться с целью демонстрации: модель является конкретным воплощением того общего принципа, который она демонстрирует.

4. Объяснять. Модели используются как для получения более общих выводов, так и для демонстрации уже сделанных выводов. Применяемые при этом фактические модели могут быть как одинаковыми, так и разными. Таким образом, модель служит посредником между слишком общим и слишком частным, слишком простым и слишком сложным, абстрактным и конкретным. Идеи Д. Аптера составили основу современных представлений о моделях и моделировании (Apter 1996: 376).

Так, с точки зрения Г.Н. Исаева:

1. Модель есть результат и продукт активной, преобразующей теоретико-практической деятельности человека. А потому модель – это не просто какой-либо объект природы, а объект, преобразованный человеком для определенных познавательных целей.

2. Модель – это материально-вещественный объект или система, выступающие как промежуточное звено между исследователем и исследуемым объектом, который часто именуется как объект-оригинал. Модель не замещает и в принципе не может заместить оригинал. Модель выступает как метод опосредованного исследования оригинала.

3. Существует диалектическое соотношение между представлением и моделью, предполагающее как их общность, так и различие. В представлении в идеальной форме реализуется образное отражение действительности. Представление выступает как непосредственная гносеологическая основа формирования модели. А модель – это как бы субстратно-вещественное воплощение представления.

4. Исследование модельных закономерностей используется для более глубокого познания изучаемого объекта-оригинала. Моделирование – это метод исследования объективно существующих явлений, основанный на использовании моделей. В таком случае акт выбора моделей предопределяет уровень и характер знаний, получаемых в процессе моделирования (модельных знаний) (Исаев 2006).

Перед тем, как выбрать модель, человек получает определенные знания о явлении и формирует свои представления. В представлении реализуется образное отражение действительности. Представление выступает как непосредственная познавательная основа формирования модели. А модель, в свою очередь, является неким воплощением представления. Поэтому в цепочке «представления – модель (моделирование) – модельные знания – знания об исследуемом явлении» конечный результат определяется исходными представлениями.

Лингвистическое моделирование необходимо предполагает использование абстракции и идеализации. Отображая «релевантные», существенные (с точки зрения исследования) свойства оригинала и отвлекаясь от несущественных, модель выступает как некоторый абстрактный идеализированный объект. Всякая модель строится на основе гипотезы о возможном устройстве оригинала и представляет собой функциональный аналог оригинала, что позволяет переносить знания с модели на оригинал. В идеале всякая модель должна быть формальной (т.е. в ней должны быть в явном виде и однозначно заданы исходные объекты, связывающие их отношения и правила обращения с ними) и обладать объяснительной силой (т.е. не только объяснять факты или данные экспериментов, необъяснимые с точки зрения уже существующей теории, но и предсказывать неизвестное раньше, хотя и принципиально возможное поведение оригинала, которое позднее должно подтверждаться данными наблюдения или новых экспериментов).

Понятие лингвистической модели возникло в структурной лингвистике (К.Л. Бюлер, З.З. Харрис, Ч. Хоккет), но входит в научный обиход в 60-70-е гг. 20 в. с возникновением математической лингвистики и проникновением в языкознание идей и методов кибернетики. Различаются три типа моделей, отличающихся друг от друга по характеру рассматриваемого в них объекта (Апресян 1966): модели речевой деятельности человека, имитирующие конкретные языковые процессы и явления; модели лингвистического исследования, имитирующие те исследовательские процедуры, которые ведут лингвиста к обнаружению того или иного языкового явления; *метамодели*, имитирующие теоретическую и экспериментальную оценку готовых моделей речевой деятельности или лингвистического исследования.

Модель речевой деятельности – важнейший тип собственно лингвистических моделей. По отношению к ним модели лингвистического исследования и метамодели выполняют вспомогательную роль. Модели исследования предназначены для объективного обоснования выбора понятий, которыми лингвисты пользуются при изложении модели речевой деятельности (например, грамматики того или иного языка). В идеале они сводят до минимума роль субъективного фактора в исследовании и являются в некотором смысле мерилем адекватности модели речевой деятельности. В зависимости от объёма исходной информации модели исследования подразделяются на дешифровочные и экспериментальные. При дешифровке в качестве исходной информации используется ограниченный корпус текстов, и все сведения о языке модель должна извлечь исключительно из текстовых данных. В экспериментальных же моделях считается заданным не просто корпус текстов, но и всё множество правильных текстов данного языка. При проведении эксперимента лингвист прибегает к помощи информанта (носителя языка). Информантом может быть и сам лингвист, если он в совершенстве владеет изучаемым языком.

Содержание термина «модель» в современной лингвистике в значительной мере охватывалось ранее (в особенности Л. Ельмслевым) термином «теория». Считается, что наименования «модель» заслуживает лишь такая теория, которая достаточно эксплицитно изложена и в достаточной степени формализована (в идеале всякая модель должна допускать реализацию на ЭВМ) (Ревзин 1962).

Конструирование моделей – не только одно из средств отображения языковых явлений и процессов, но и объективный практический критерий проверки истинности наших знаний о языке. Применяясь в органическом единстве с другими методами изучения языка, моделирование выступает как средство углубления познания языковых явлений.

Мы считаем, что конструирование моделей в рамках категории посессивности позволяет более четко представить субъектно-объектные отношения и установить некоторые новые факты, не выявленные традиционными методами.

1.3 Проблематика исследования категории посессивности

В процессе познания действительности человек, как активный субъект, вступает в определенные отношения с окружающими его объектами, как одушевленными, так и неодушевленными. Многообразие объектов обуславливает различные субъектно-объектные отношения, которые составляют сущность универсальной категории посессивности. Само понятие посессивности является при этом весьма неоднозначным.

По мнению А.В. Бондарко, семантические категории в языке выделяются на основе их наличия в значениях языковых единиц и их разнообразных сочетаний, т.е. они всегда связаны с конкретными средствами данного языка. Независимо от того, что основания для выделения таких категорий, как локативность, темпоральность, квантитативность и др., онтологичны, возможно

также обратное воздействие языка на них. А.В. Бондарко считает, что количество этих категорий около тридцати, но не исключает возможность конкретного вычленения новых категорий в результате лингвистического анализа высказываний и процесса речи (Бондарко 1996: 30).

Одна из этих категорий – это категория посессивности. По мнению А.В. Бондарко «посессивность, как семантическая категория, представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая соотношение части и целого. Поле посессивности охватывает систему взаимодействующих средств языка, служащих для выражения вариантов посессивных отношений» (Бондарко 1996: 99).

Категория посессивности является одной из универсальных понятийных категорий языка, основное значение которой – «определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету...» (Журинская 1990: 388).

В работах лингвистов нет единства и относительно самого термина «посессивность». Так, например, Д. Вайс считает, что «более пригодным представляется термин отношение принадлежности», поскольку ярлыки «посессивный», «посессор», несомненно, неудобны в том смысле, что вызывают ошибочные представления о семантике тех конструкций, которые имеются в виду: их этимологическая связь с латинским глаголом *possidere* придает идее собственности или материального обладания слишком большой вес...» (Вайс 2004: 283). Мы в нашей работе используем термин «посессивные отношения», которые могут быть представлены по-разному – и как отношения обладания (см.: Милованова 2006а).

В зарубежной лингвистике большинством грамматистов и лексикологов посессивность исследуется, прежде всего, с позиций ономаσιологического подхода. При данном подходе посессивность характеризуется, прежде всего, как концепт, причем наполняемость данного концепта весьма объемная: «Семантически посессивность можно отнести к биокультурным концептам. Это

отношение человека с его родственниками, частями тела, материальной собственностью, культурными и интеллектуальными продуктами его деятельности. В более широком смысле – это отношение между организмом в целом и его частями» (Seiler 1983: 4).

В отечественной лингвистической традиции наиболее полное описание посессивности представлено в работах А.В. Бондарко, Г.С. Чинчлей (Бондарко 1996; Чинчлей 1996), где посессивность характеризуется как функционально-семантическое поле. Данное поле имеет бицентрическую структуру, что обусловлено наличием в языках атрибутивных и предикативных посессивных конструкций (Бондарко 1996: 99). Так, некоторые ученые характеризуют посессивность как синтаксический концепт (Копров 2000; 2002), который, в свою очередь, имеет структуру функционально-семантического поля, в рамках которого выделяются микрополя принадлежности и обладания.

Категорию посессивности можно рассматривать в узком и широком смысле, что указывает на ее сложность и неоднозначность. Некоторые ученые относят к этой категории только значения принадлежности, обладания, собственности, владения, т.е. посессивность – это отношение между двумя объектами, связанное с идеей обладания одного из них другим. Обладателя принято называть *посессором*, а обладаемое – *коррелятом* посессивного отношения, или *объектом* обладания. Посессора принято рассматривать вместе с коррелятом, и в этих случаях говорят о *посессивной конструкции* (в которую включаются и все необходимые для установления посессивной связи служебные слова).

Обычно посессором является человек (или люди), поэтому центральным для посессивного отношения является владение человеком каким-либо предметом или, наоборот, принадлежность объекта какому-то лицу, например: *мамин портфель* («портфель, принадлежащий маме»), *дом директора* – *огромный* («дом, владельцем которого является директор») и др.

Другие ученые трактуют категорию посессивности расширенно, как связывающий семантический признак, находящийся в сочетаниях с самой различной семантикой (см.: Чинчлей 1996; Селиверстова 1983; Baron 1997 и др.). Р.М. Гайсина считает, что категория релятивности может включать на синтаксическом уровне отношения принадлежности (*Это – сабля отца*) (Гайсина 1982: 41–42). Подобного мнения придерживаются и другие авторы, считающие, что посессивные отношения близки к реляционным, потому что отражают отношение между двумя сущностями, более близкое, чем соположенность в пространстве (Clark 1978; Hare 1988; Gruber 1976; Volkstein 1983).

И.Б. Долинина предлагает выделять два относительно независимых микрополя в ФСП посессивности: «отношения принадлежности (собственности, родства), с одной стороны, и партитивность – с другой. Первая сфера представлена противопоставлениями типа *человек – дом, деревня, родственники*, а вторая – *человек – руки, голова, живот* и т.п. Таким образом, основное семантическое различие между выделяемыми типами посессивности может касаться не оппозиции «отчуждаемое» – «неотчуждаемое», а оппозиции «партитивность – непартитивность» в прямом физическом смысле. Особое место в данной системе занимают отношения типа «человек – его чувства, мысли, слова, поступки». Последние, с одной стороны, неотделимы от человека и поэтому не относятся к зоне «собственность, связь», а с другой – не являются и постоянными, неизменно присутствующими его составляющими» (Долинина 1996: 130).

В отечественной лингвистической литературе описаны не только конструкции с глаголами обладания *иметь / быть* (Селиверстова 1973 и др.), но и с глаголами аналогической семантики, указывающими на способ приобретения собственности, типа *давать, брать, получать, принимать* (Гончарова 1980, Подлесская 2005; Храковский 1977).

Как было сказано выше, значение посессивности может выступать в качестве доминирующей или недоминирующей семы в рамках лексических или синтаксических единиц (см.: Гайсина 1996: 7). Семантический признак посессивности часто совмещается с другими семантическими признаками, например, посессивная ситуация может сочетаться с бытийной или локативной ситуациями. Будет ли она играть роль доминирующей или второстепенной (периферийной) семы зависит от интенции субъекта речи. Посессивные семы могут занимать любое место в этой иерархии. На этот факт указывает Т.М. Николаева, по мнению которой, посессивная сема выступает в «непосредственной координации с другими содержательными компонентами высказывания, образуя с ними связанные смысловые комбинации» (Николаева 2000: 74).

Категория посессивности включает в себя разнообразные посессивные ситуации. Под посессивной ситуацией А.В. Бондарко понимает типовую содержательную структуру, выражаемую (в том или ином варианте) различными средствами высказываниями и представляющую собой тот аспект передаваемой высказыванием «общей ситуации», который раскрывает посессивные отношения (Бондарко 1996: 99).

Посессивные ситуации весьма разнообразны и могут включать в себя различные действия субъекта; указание на возможное местоположение объекта; второе лицо, от которого субъект отчуждает объект, либо кому объект передает и другие параметры. Иными словами, посессивную ситуацию можно представить следующим образом: существует некий объект, который субъект взял и получил, который расположен в сфере существования субъекта, который может регулярно сопровождать субъекта в определенных случаях и может интерпретироваться как принадлежащий субъекту (см.: Милованова 2007). Помимо термина посессивная ситуация широко используется термин «ситуация обладания». Причем, под общим значением «обладание» могут приводиться различные ситуации: собственно обладания (*у меня есть дом, я имею дом*),

состояния (*у него был жар*), характеристики (*она имеет редкий талант*). При этом за основу берется синтаксическая модель, выражающая значение обладания вне зависимости от содержания ситуации. Р.М. Бирюкович считает, что в основе именованной ситуации обладания лежит ономазиологическая структура, в которой однопредметное понятие находится в отношении взаимодействия с другими предметными понятиями (Бирюкович 1980: 4).

Мы считаем посессивность феноменом, включающим, прежде всего, в свою структуру три компонента: субъект, объект, отношение посессии между ними (см.: Милованова 2007). Центральным для категории посессивности является понятие обладания в самом широком смысле. В нашем исследовании посессивность характеризуется как категориальное явление, отражающее реально существующие связи между субъектами и объектами окружающего мира и имеющее сложную структуру.

Мы считаем, что посессивность, разворачиваясь в определенном пространстве и времени, может иметь разнонаправленный характер, что обусловлено сложными и разнообразными отношениями между субъектом и объектом как главными участниками посессии. Данная разнонаправленность посессивных отношений лежит в основе выделения посессивных антиномий, которые и находятся в центре нашего внимания.

1.4 Языковые явления с позиций антропоцентризма и лингвокультурологии

В последние десятилетия в лингвистике все большее значение приобретает фактор человека как активного субъекта познания, обладающего индивидуальным и социальным опытом, системой знаний о мире, отраженной в его сознании концептуальной картиной окружающей действительности.

Как самостоятельное направление антропологический подход сформировался в философии в первой половине девятнадцатого века. Особая

заслуга в этом принадлежит Л. Фейербаху, который предложил в качестве единственного, универсального и высшего предмета философии рассматривать человека (Фейербах 1995). Антропологизм – философская концепция, представители которой усматривают в понятии «человек» основную мировоззренческую категорию и утверждают, что исходя из нее и можно разработать систему представлений о мире (ФЭС 1989: 33).

Антропологический принцип все больше признается в качестве методологической основы научных исследований. Его суть заключается в том, что «научные объекты, – как подчеркивает Е.С. Кубрякова, – изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. Он знаменует тенденцию поставить человека во главу теоретических предпосылок научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» (Кубрякова 1996: 212).

Антропологическая переориентация языкознания свидетельствует о смене приоритетов, о переходе от лингвистики традиционной с ее доминирующим вниманием к языковым формам, рассматриваемым вне связей с разнообразными аспектами бытия языка, к лингвистике антропоцентрической, предполагающей исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом.

В языке находит отражение особое представление о мире, «схваченное» со стороны субъекта сознания, и заключающееся, прежде всего, в том, что репрезентация мира, его концептуализация и категоризация зависят от ряда чисто субъективных факторов, таких, как, например, уровень компетентности, точка зрения на предмет анализа и т. д. В процессе антропологизации лингвистики лежит осознание того, что язык «создан по мерке человека, и этот

масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке» (Степанов 2002: 15).

Признание человека тем феноменом, который определяет и консолидирует науку о языке, произошло благодаря исканиям многих поколений лингвистов, начиная с В. фон Гумбольдта. В. фон Гумбольдт видел в языке «орган внутреннего бытия человека», выразителя «духа народа», поскольку язык создается не многими индивидами, а в совокупности всем народом. В ходе этого длительного творческого акта, язык начинает отражать определенные уровни развития «общественного мышления» и культуры народа (Гумбольдт 1984: 68, 314). Ученый говорит о двусторонности языка по отношению к человеку. В его лингвофилософской концепции была впервые сформулирована и разработана теоретическая идея о конститутивном характере языка для человека: «Человек становится человеком только через язык, в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности» (Гумбольдт 1984: 349).

Как отмечает М.В. Милованова, «каждый язык по-своему структурирует окружающий мир, имеет свой способ его концептуализации. Выявление национальной специфики восприятия действительности невозможно без обращения к концептосфере "человек" » (Милованова 2006: 726).

Помимо ведущего антропологического подхода в современном языкознании в качестве актуальных научных направлений следует назвать также направления, связанные с когнитивным, философским, культурологическим подходами к языку (см. об этом: Рузин 1993; Серебренников 1988; Толстая 2002 и др.).

Таким образом, для лингвистики рубежа веков характерен синкретизм научных направлений, прежде всего тех, которые исследуют взаимодействия языка и культуры. В.Н. Телия в своих работах указывает на структурно-функциональное сходство языка и культуры: язык и культура

взаимоотражаются и не существуют вне взаимного диалога; язык и культура имеют индивидуальные и социализированные формы бытования; и языку, и культуре свойственны информатизм, историзм, нормированность, способность быть носителем менталитета этноса (Телия 1996).

Комплексной научной дисциплиной, изучающей взаимодействие языка и культуры, является лингвокультурология (Воробьев 1996: 4). Современная лингвокультурология находится на стыке лингвистики, этнолингвистики, культурологии, лингвострановедения. Основной задачей ее является нахождение механизмов связи языка и культуры (см. об этом: Воробьев 1997; Карасик 2002; Леонтович 2007; Маслова 2001; Ольшанский 2000; Попова 2007; Тер-Минасова 2000; Шаклеин 2003 и др.).

В процессе знакомства с «миром» (в процессе социализации, в семье, на работе и т. п.) человек усваивает определенные особенности видения этого «мира»: образцы или модели интерпретации действительности. В становлении и закреплении этих особенностей видения язык играет значительную роль (наряду с практическим, невербальным знакомством с миром). «Язык нации является сам по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации», – говорит Д.С. Лихачев, предлагая термин «концептосфера русского языка»; под концептосферой языка ученый понимает некий концентрат культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности (Лихачев 1993: 9). Позже Д.С. Лихачев, говоря о роли и месте культуры в жизни общества, вводит термин «культуросфера» (Лихачев 1994).

При рассмотрении взаимосвязи культуры и языка важным становится понятие языкового мышления. По мнению О.Г. Почепцова, «языковое мышление – это часть общего мышления» (Почепцов 1990: 111). Каждая культура обладает своими специфическими особенностями, ценностями, которые передаются из поколения в поколение. При этом данная передача

осуществляется с помощью «социокода» (основная знаковая реальность культуры), понятие которого вводит в своих работах М.К. Петров (Петров 1991: 39).

Учеными также осуществляются попытки систематизации особенностей культуры, которые заложены в концептах и понятиях. Так, по мнению Ю.С. Степанова, культура – это «...совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных "рядах" (прежде всего в "эволюционных семиотических рядах", а также в "парадигмах", "стилях", "изоглоссах", "рангах", "константах" и т. д.)» (Степанов 1997: 38).

В нашей работе для выявления национально-специфических особенностей восприятия мира, нашедших отражение в языке, мы используем лингвокультурологический подход. Именно с позиций данного подхода возможно проследить и всесторонне охарактеризовать закономерности вербализации в языках различных посессивных ситуаций как проявлений посессивных антиномий: приобретения, получения, выигрыша, проигрыша и др.

Для лингвокультурологии «существенно не только употребление языковой единицы, но и ее культурный смысл» (Аврамова 2002: 377). Одной из базовых задач лингвокультурологии и этнолингвистики является «задача реконструкции языковой картины мира в связи с культурной и этнической самобытностью ее носителей» (Березович 2004: 3). Как известно, каждый естественный язык по-своему членит мир, то есть имеет специфический способ его концептуализации. Как подчеркивает Е.В. Урысон, в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира. Этому никак не противоречит тот факт, что все национально-специфические модели мира имеют и общие универсальные черты (Урысон 1998: 3).

Понятия «картина мира», «языковая картина мира» являются центральными для лингвокультурологии (о различных подходах к трактовке проблемы определения специфики отражения бытия через язык см.: Карасик 2002: 118–120). Исследование языковой картины мира может идти в

направлении «представления отдельных характерных для данного языка концептов, своего рода лингво-культурных изоглосс и пучков изоглосс (Толстой 1995-1999; Яковлева 1993; Wierzbicka 1992; Blommaert 1991 и др.). Понятия «картина мира», «языковая картина мира», «наивная картина мира» восходят, как известно, к идее В. фон Гумбольдта о языке как особом мировидении: разные языки – это не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее (Гумбольдт 1984). В самом общем виде можно сказать, что в грамматическом строе и лексиконе языка отражается то, как человек видит окружающий его реальный мир и свое место в нем (Апресян 1986; Бабаева 2001; Вежбицка 1986; Карасик 2005; Колшанский 1990; Кравченко 1996; Пименова 2004; Почепцов 1990; Хайдеггер 1991; Geert 1983; Chafe and Nichols 1986; Lakoff 1987; Lichtenberk 1985; Lyons 1967; Gudykunst 1988 и др.). Близкие понятия, которые используются в научной литературе, – «модель мира», «образ мира» (см. об этом: Денисенко 2004; Симашко 2002).

Для нашей работы релевантным является понятие «языковая картина мира», которую мы вслед за В.А. Масловой понимаем в самом общем виде как «совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике» (Маслова 1997: 49). При этом мы исходим из положения о том, что «так называемая языковая картина мира не есть собственно языковая, она – выражение познавательной деятельности, обусловленной историей, географией, культурой и другими факторами в пределах единого объективного мира (но не языкового)» (Колшанский 1990: 61).

На фоне возрастающего интереса к роли субъективного (человеческого) фактора в языке начинают все отчетливее вырисовываться контуры эгоцентрической теории языка с центральным для нее понятием «я». В ее основе лежат такие функциональные аспекты языковых форм, которые ориентированы на субъекта речи и, в первую очередь, на его «я». Точкой отсчета является не просто какой-то абстрактный человек, а его индивидуальное «я». Мир предстает как объект восприятия, как среда

пребывания «я». По мнению Ю.С. Степанова, есть противопоставление *я* (свой) и *не-я* (чужой). Проводя анализ лексемы *человек*, Ю.С. Степанов говорит о том, что человек – это «тот, кто принадлежит нашей большой семье, «наш», «свой» (Степанов 2002: 234).

Подобное противопоставление *я* всему тому, что определяется как *не-я*, в наиболее очевидной форме и проявилось в учении о языковом эгоцентризме. Его обычно связывают с работами Р. Якобсона (Якобсон 1985), Э. Бенвениста (Бенвенист 1974), Ю.С. Степанова (Степанов 1985) и др.

По мнению Г.А. Золотовой, «человек... – центральная фигура языка и как лицо говорящее и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» (Золотова 1982: 5). Л.И. Картелева также отмечает, что «язык изучается для человека, через «призму» человека» (Картелева 2008: 173).

Для лингвокультурологии также важным является понятие «национального характера». В самом общем виде национальный характер описывается как «совокупность важнейших способов регулирования деятельности и общения, сложившаяся на основании ценностей общества, в котором длительное время живет народ» (Бабаева 2004: 73), как «совокупность привычных норм поведения и деятельности, типичных для представителей той или иной нации» (Смирнов 2001: 179). В исследованиях, посвященных анализу особенностей отражения национально-культурной специфики в семантике языковых единиц, национальный характер понимается как «фрагмент языковой картины мира, реконструируемый на основе лингвистических данных и отраженных в культуре стереотипов» (Левонтина; Шмелев 2000: 338).

При анализе глагольных средств выражения посессивных отношений как средств репрезентации посессивных антиномий мы исходим из основных положений, разработанных в лингвокультурологии. Мы считаем, что с учетом культурологического толкования восприятия носителями языка посессивных отношений между субъектом и объектом, представлений о посессивности как определенной категории, возможно рассмотрение опосредованного отражения

этих представлений также в явлениях (единицах) языка. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» (Апресян 1995: 38-39).

Мы опираемся также на положение В.И. Карасика о том, что «языковая картина мира объективно отражает восприятие мира носителями данной культуры, но человеческое отражение не является механическим, оно носит творческий (и поэтому в известной мере субъективный) характер. Между различными культурами существуют черты сходства и различия. Выделяются смысловые области, в большей мере подверженные универсализации, и смысловые области, в большей степени проявляющие самобытность» (Карасик 2002: 106).

С развитием антропоцентризма связано понятие языковой личности. Термин «языковая личность» впервые был употреблен В.В. Виноградовым в 1930 г. в книге «О художественной прозе». Понятие «языковой личности» начал разрабатывать Ю.Н. Караулов, который предложил рассматривать языковую личность в качестве объекта лингвистики (Караулов 1987).

Языковая личность является видом полноценного представления личности, вмещающим в себя и психический, и социальный, и этический, и другие компоненты, но преломленные через ее язык.

По мнению С.Г. Воркачева, можно выделить три точки зрения на понимание языковой личности. Под языковой личностью «понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности». Во-вторых, под языковой личностью понимается «совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная. В-третьих, под языковой личностью может пониматься «закрепленный преимущественно в лексической

системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составленный на основе мировоззренческих установок» (Воркачев 2005: 10–13).

Наиболее точное определение языковой личности дал В.И. Карасик: «Языковая личность – человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов; обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» (Карасик 2002: 8).

Человек обычно выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т.п. Он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия и т. д. Посессивные отношения занимают одно из важнейших мест в концептосфере одушевленного субъекта, и нам представляется интересным и актуальным проследить национально-культурную специфику отражения этих посессивных отношений в семантике языковых единиц неблизкородственных языков, в частности, русского и английского.

1.5 Фразеологизмы как языковые единицы с национально-культурным компонентом значения

Исследования в области фразеологии представляют особый интерес, так как именно во фразеологических единицах наиболее ярко проявляется своеобразие быта и культуры народа. Значение фразеологического состава языка позволяет глубже понять менталитет и миропонимание нации. Изучение фразеологического богатства языка широко освещается в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. Прежде всего, необходимо определить, что понимается под термином фразеология. *Фразеология* (гр. *phrasis* - выражение +

logos - учение) – наука о сложных по составу языковых единицах, имеющих устойчивый характер: *попасть впросак, кот заплакал, спусть рукава*. Фразеологией называется также вся совокупность этих сложных по составу устойчивых сочетаний – фразеологизмов (Шанский 1985). Фразеологические обороты имеют длительную историю исследования. Под различными названиями (речения, «крылатые слова», афоризмы, пословицы и поговорки, выражения, обороты речи, идиомы и т. д.) они объяснялись как в специальных сборниках, так и в толковых словарях с конца восемнадцатого века. Еще М.В. Ломоносов, составляя план словаря русского литературного языка, указывал, что в него кроме отдельных слов должны войти «речения», «идиоматизмы» и «фразесы», то есть обороты, выражения (Ломоносов 1986).

Однако специально фразеологический состав русского языка стал изучаться сравнительно недавно. До 40-х годов девятнадцатого века, в работах наших языковедов можно найти только отдельные мысли и наблюдения, касающиеся фразеологии. В первую очередь, здесь следует отметить постановку вопроса о внутренней форме фразеологизмов А.А. Потебней (Потебня 1894); замечания И.И. Срезневского о связи фразеологии со словообразованием (Срезневский 1873); замечания Ф.Ф. Фортунатова о слитых словах и слитных речениях (Фортунатов 1956); теоретические положения А.А. Шахматова в связи с анализом различного рода неразложимых словосочетаний (Шахматов 1941).

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины в русской науке относится к 40-м годам двадцатого столетия и связано с именем В.В. Виноградова. Именно им впервые была дана синхронная классификация фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности, и были намечены пути и аспекты дальнейшего изучения фразеологизмов. До исследований В.В. Виноградова из специальных работ по русской фразеологии можно назвать статьи И.М. Вульфius (Вульфius 1929). В его статьях впервые дается попытка дать классификацию фразеологических

оборотов с точки зрения их структуры и этимологического состава, а также описать наиболее важные свойства идиом.

Однако и относительно термина «устойчивое сочетание», как обозначающего основную единицу фразеологии, высказываются разноречивые суждения. По мнению Б. Татар, под *сочетанием слов* традиционно понимается организация слов с грамматически главенствующим словом, но среди фразеологических единиц помимо данного объединения типа слов распространены и другие структуры, в частности, соотносимые с предложением. Этим автор указывает на необоснованность сужения структурного именованя *устойчивой единицы* (Татар 1992). Термин «фразеологический оборот» также разными учеными используется по отношению к различным понятиям. Однако в большинстве случаев под ним подразумевается «воспроизводимая языковая единица из двух или более ударных слов, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре» (Шанский 1985: 9).

Противоречия в работах ученых наблюдаются и в употреблении пары «фразеологический оборот» и «фразеологическая единица», однако, они прежде всего вызваны различными подходами к пониманию сущности фразеологии, но, как считает В.Н. Телия, «фразеология исследует несвободные сочетания слов в «многоярусной» и размытой системой отличительных свойств, а потому и ее границы – условны и подвижны» (Телия 1996: 81). Данное утверждение может быть отнесено и к термину, обозначающему объект изучения фразеологии.

В данной работе термины «фразеологический оборот» и «фразеологическая единица» используем как синонимичные, но предпочтение отдаем термину «фразеологическая единица», под которым вслед за Н.М. Шанским понимаем «воспроизводимую языковую единицу из двух или более ударных слов, целостную по своему значению и устойчивую в своем составе и структуре» (Шанский 1985: 9).

За время изучения ФЕ в науке сложился целый ряд разнообразных классификаций, основанных на различных признаках, характерных для фразеологизмов. Так, с точки зрения стилистических особенностей, Н.М. Шанский выделил следующие фразеологические обороты: межстилевые, книжные, разговорные и просторечные.

В основу следующей классификации Н.М. Шанского было положено деление фразеологизмов по происхождению. В этом случае следует выделить исконно русскую фразеологию (*гол как сокол, ни рыба, ни мясо, брать за живое*). В особую группу выделяют фразеологизмы, заимствованные из старославянского языка: *запретный плод, земля обетованная, исчадие ада*. Немало фразеологизмов заимствовано из европейских языков. Это преимущественно ставшие крылатыми цитаты из всемирно известных художественных произведений: *Быть или не быть* (В. Шекспир); *Оставь надежду всяк сюда входящий* (А. Данте).

Существуют также различные грамматические и лексико-грамматические классификации (см.: Арсентьева 1989; Архангельский 1964; Молотков 1977; Roos 1987). Так, под «фразеологической единицей» Е.Ф. Арсентьева понимает «раздельнооформленные единицы языка с полностью или частично переосмысленными значениями. В качестве релевантных признаков фразеологических единиц отмечаются устойчивость, семантическая осложненность, постоянство лексического состава, морфологическая и синтаксическая фиксированность». В плане выражения фразеологические единицы представляют собой определенное структурно-грамматическое построение, сконструированное по моделям свободных словосочетаний или предложений, существующих в том или ином языке (Арсентьева 1989: 9). Соответственно Е.Ф. Арсентьевой выделяются следующие типы фразеологизмов:

1. Фразеологические единицы со структурой словосочетания.

1) глагольные фразеологические единицы – стержневым компонентом является глагол (*кривить душой, вилять хвостом, бить челом*).

2) субстантивные фразеологические единицы – стержневым компонентом является существительное (*сирота казанская, гусь лапчатый, змея подколотная*).

3) адъективные фразеологические единицы – стержневым компонентом является прилагательное (*легок на подъем, нечист на руку, остер на язык*).

2. Фразеологические единицы со структурой предложения (*душа уходит в пятки, молоко на губах не обсохло*).

Последователи виноградской школы толковали фразеологизм как единицу, эквивалентную слову, поэтому они придерживались лексикологического подхода к изучению фразеологии и исходили из функциональной близости слова и фразеологизма. Однако по мере развития фразеологических исследований, лингвисты все более приходили к выводу о спорном характере теории эквивалентности ФЕ слову, большее внимание стало уделяться семантической структуре фразеологизма, его особому, фразеологическому значению. Большую роль в таком пересмотре подхода к изучению фразеологических единиц сыграли труды В.Л. Архангельского, выдвинувшего тезис о том, что «центральной в содержательной структуре фразеологической единицы является фразеологическое значение, составляющее лингвистическую сущность фразеологического оборота» (Архангельский 1964: 23). По мнению Ю.П. Солодуба, «по некоторой аналогии с понятием «лексическое значение», – понятие «фразеологическое значение» может в самом общем виде определено как социально закрепленное за тем или иным фразеологизмом его содержание». Определяя «фразеологическое значение» в узком смысле, автор дает следующее определение: «...фразеологическое значение является значением особого типа потому, что в его структуре ведущая роль принадлежит коннотативному компоненту, и потому, что свойство эврисемичности пронизывает всю многокомпонентную структуру этого

значения» (Солодуб 2005: 44–45). «Фразеологическое значение» отличается от «лексического значения» слова своеобразием отражения предметов, явлений, свойств окружающей действительности, особенностями мотивировки своего значения, характером участия компонентов в формировании целостного значения фразеологизма (Жуков 1978: 52). В.Л. Архангельский выдвинул тезис о том, что «фразеологическое значение» обладает особым качеством, отличается от «лексического значения» и представляет особую лингвистическую категорию (Архангельский 1964). Этот тезис был принят многими фразеологами и послужил толчком для углубленного и интенсивного изучения проблемы «фразеологического значения».

А.В. Кунин и В.Л. Архангельский под «фразеологическим значением» понимают «инвариант информации, выражаемой семантически осложненными, раздельнооформленными единицами языка, не образующимися по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний слов» (Кунин 1996: 122).

Для более детального анализа фразеологических единиц используется понятие семантической структуры. Семантическую структуру ФЕ можно представить как микросистему, все элементы которой находятся в тесной связи и взаимодействуют между собой. Семантическое своеобразие фразеологических единиц заключается в специфике сочетания сем. Семы выступают не только как конститuentы основных семантических составляющих фразеологических единиц, но и как связующие звенья между ними (Арсентьева 1989). Семы, находясь в определенных связях и отношениях друг с другом, формируют семантическую структуру слова. Одним из первых в отечественной лингвистике о семантической структуре писал А.А. Потебня, который разграничил объективное и субъективное в семантике слов, выделил ближайшее и дальнейшее значение слова и дал определение лексического значения, разграничив языковое и экстралингвистическое сознание (Потебня 1968: 19–20, 35–36).

Говоря о фразеологическом значении, мы говорим об объёме семантических компонентов, составляющих компонентную модель значения. Как и при анализе лексического значения, в качестве семантического компонента фразеологического значения выступает сема (от греческого *sema* – знак) – «минимальная предельная единица плана содержания. Семы представляют собой элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности» (ЛЭС 1990: 437).

При реконструкции семантической структуры фразеологического оборота главными оказываются такие понятия, как «категориальная сема» (КС), «интегральная сема» (ИС) и «дифференциальные семы» (ДС). Семы являются принадлежностью семантической структуры, между собой находятся в иерархических отношениях. В процессе функционирования в тексте семы могут изменять свой статус. Одной из главных характеристик категориально-лексической семы является, по мнению ученых, присущая ей абстрактность, на что указывает ряд исследователей. А.А. Уфимцева считает категориальными «наиболее обобщенные и формально выраженные значения элементов и моделей языковой системы» (Уфимцева 2002: 7). А.П. Чудинов называет категориальными «наиболее общие признаки, которые входят в семантику всех слов группы в качестве объединяющего компонента» (Чудинов 2003: 10).

Интегральные семы выступают «как общие, определяющие возможность включения той или иной фразеологической единицы в состав определенной фразео-семантической подгруппы и служащие основанием для объединения и сопоставления значений рассматриваемых фразеологизмов» (Арсентьева 1989: 38). Главными характеристиками интегральной семы являются большая конкретность по сравнению с категориальной семой и обязательная реализация с помощью дифференциальных признаков. Дифференциальные семы выявляются на основе сопоставления фразеологических единиц, входящих только в одну фразеосемантическую подгруппу, и носят частный характер;

разграничивают признаки близких по семантике слов (Арсентьева 1989: 38). В нашей работе соотношение категориальной, интегральных и дифференциальных сем в рамках семантической структуры фразеологического оборота, рассматривается как иерархия, вершину которой составляет категориальная сема, реализующаяся в интегральных и дифференциальных семах.

Анализ фразеологических единиц только с точки зрения семантической структуры был бы неполным без учета национально-культурной специфики. Выделение национально-культурного компонента значения фразеологизма дает возможность исследовать фразеологические единицы в плане отражения в них культурных особенностей, национального характера народа, показать, что семантика фразеологизма в силу его многокомпонентности в значительно большей степени, чем семантика отдельного слова передает специфику самых различных ценностных ориентаций данного социума. Более подробно национально-культурная специфика фразеологизмов будет рассмотрена в следующем параграфе.

Фразеология любого языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи, верования, фантазия и история говорящего на нем народа.

Национально-культурная специфика фразеологических единиц становится в последнее время традиционной темой исследований в области фразеологии. Во многих работах подчеркивается, что фразеологизмы представляют собой национально-специфические единицы языка, «аккумулирующие и передающие из поколения в поколение культурный потенциал народа. В них проявляются особенности всякого национального языка, ...неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» (Зайнуллина 2005: 157).

Для языковых афоризмов характерна, прежде всего, способность выражать в общеупотребительной и стабильной форме актуальное идейное

достояние нации или отдельных ее классов на данном этапе развития, т.е. конденсировать социально-исторический и идейно-политический опыт народа или определенных социальных слоев.

По выражению Л.И. Ройзензона, «фразеология из всех творений языкового гения человека – наиболее самобытное, сложное и компликативное явление» (Ройзензон 1977: 116) По мнению Ф.И. Буслаева, «фразеологизмы – это своеобразные микромиры, которые содержат в себе и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратких изречениях, которые завещали предки в руководство потомкам» (Буслаев 1954: 37). Д.Г. Мальцева называет фразеологизмы «маленькими фотографиями жизни народа – носителя языка» (Мальцева 1990: 44).

При изучении национально-культурной специфики выделяют лингвострановедческий, контрастивный, лингвокультурологический и когнитивный подходы. Разработка различных подходов к выявлению национально-культурного во фразеологии соответствовала ступеням развития образа языка в лингвистике.

Одним из первых был применен лингвострановедческий подход. Лингвострановедческое направление в лингвистике опиралось на появившиеся в работах лингвистов указания на существование внеязыкового компонента в значении слова, обусловленного экстралингвистическими факторами.

Интересы лингвострановедения сконцентрированы на фоновых знаниях носителей языка и на безэквивалентной лексике. В.А. Маслова указывает на тесную связь фразеологических единиц с фоновыми знаниями носителя языка, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. По ее мнению, фразеологические сочетания приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с определенной картиной мира, выражают свое отношение к ним и дают им свою оценку (Маслова 2001).

При лингвострановедческом исследовании фразеологии выделяются и классифицируются экстралингвистические факторы, отраженные в

компонентном составе фразеологических единиц (см.: работы Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова 1990). Особое внимание к плану выражения фразеологизмов актуализирует значение историко-этимологического толкования элементов или прототипа фразеологических единиц. В рамках лингвострановедческого подхода национально-культурное своеобразие фразеологизмов выражается в упоминании тех или иных экстралингвистических реалий, характерных для данной культуры и принадлежащих к фоновым знаниям носителей языка.

Другой подход к выявлению национального своеобразия фразеологизмов, являет собой определенную противоположность лингвострановедческому подходу – заостряет внимание исследователя не на «безэквивалентном» компоненте фразеологизма, а, напротив, на наличии у анализируемой фразеологической единицы тех или иных иноязычных соответствий. Сопоставление фразеологических аналогов разных языков с целью выявления их национального колорита, национально-культурных особенностей является предметом контрастивного подхода к выявлению национально-культурного своеобразия фразеологизмов. Целью сопоставления фразеологических эквивалентов является выявление не общего, как при классическом сопоставительном методе, а для выявления различий, которые и составляют национально-культурное своеобразие фразеологических эквивалентов сопоставляемых языков.

В лингвокультурологическом подходе к изучению фразеологии рассматриваются соотношения фразеологизмов и знаков культуры и актуализируется значение системы эталонов, стереотипов, символов и т.п. для описания культурно-национальной специфики фразеологической системы.

В рамках этого подхода В.Н. Телия понимает глубинный смысл наличия фразеологии в системе любого языка как способность фразеологизмов выступать в роли экспонентов культурных знаков, не только синхронно, включаясь в действующую систему культурно-национального миропонимания,

но и транслируя ее фрагменты из поколения в поколение, участвуя тем самым в формировании миропонимания как отдельной языковой личности, так и языкового коллектива (Телия 1999: 308).

В современной лингвистике лингвокультурологическая парадигма неотделима от когнитивно-интерпретационной парадигмы исследования. В когнитивной парадигме фразеологизм понимается как микротекст, структурирующийся в ходе интерпретации носителем языка всех типов семантической информации фразеологизма в семантическом пространстве культурного знания, принадлежащего субъекту речевого общения.

Для выявления национальных особенностей фразеологизмов они предлагают обратиться к анализу фразеосемантических полей. «С помощью семантических полей становится реальной попытка проникновения в семантику фразеологизмов-идиом, выведения из внутренней формы образа, воспроизведения национально-языковой картины мира в отдельных фрагментах, заданных тематической классификацией семантических полей» (Ковшова 1990: 81).

Рассмотренные выше четыре подхода к выявлению национально-культурного своеобразия фразеологизмов, бесспорно, представляют собой единое целое. Они могут быть представлены как ступени анализа национальной фразеологии: выявление безэквивалентных экстралингвистических факторов, отраженных во фразеологизмах – выявление структурно-семантических особенностей межъязыковых фразеологических аналогов – выявление национально-культурных коннотаций ключевых слов и концептов культуры, заключенных во фразеологизмах – выявление особенностей национального членения языковой картины мира и особенностей функционирования национального менталитета как лингвокреативного мышления. Совокупное применение лингвострановедческого, контрастивного, лингвокультурологического и когнитивного подходов может дать полную картину национально-культурных особенностей фразеологической системы

языка (Арсентьева 2006). В нашей работе мы будем использовать лингвокультурологический подход, поскольку он в большей мере соответствует задачам нашего исследования.

В то же время нельзя преувеличивать роль национально-культурного компонента во фразеологической картине мира. Во фразеологических системах русского и английского языков существует значительное количество интернационализмов, а также фразеологизмов, связанных с общечеловеческим знанием о свойствах реального мира. Отличия в их образной основе объясняются «не столько их культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации в разных языках» (Маслова 2001: 84).

Одной из отличительных особенностей фразеологических единиц является их воспроизводимость. Это свойство указывает на то, что каждый раз в речи, используя тот или иной фразеологизм, человек приспособливает уже ранее созданную форму к конкретной ситуации. Однако это только в речи (устной или письменной) фразеологизм наполняется каким-либо определенным содержанием, характеризуя лицо, предмет или явление окружающего мира, в системе же языка он обладает достаточно обобщенным значением. В нашей работе, говоря о субъекте фразеологической единицы, мы не можем оперировать понятием «субъект», подразумевая под ним какое-нибудь лицо или предмет. Соответственно требуется термин, соответствующий данной особенности фразеологизмов, в нашей работе мы используем термин «обобщенный субъект».

Поскольку в ходе анализа фактического материала нами часто будет использоваться данное понятие, представляется необходимым обратиться к истории вопроса, проследить отражение понимания термина «субъект» в лингвистических работах.

Термин «субъект» в лингвистической литературе неоднозначен. По мнению К. Гаузенблаза (Гаузенблаз 1978: 78) под субъектом понимается:

Подлежащее как член предложения, т.е. один из главных членов двусоставного предложения;

Вся подлежащая часть предложения, т.е. подлежащее вместе с распространяющими его членами;

Первый из двух основных компонентов суждения в традиционной логике, так называемый «логический субъект»;

Основа, т.е. исходная часть высказывания, его тема (в противоположность реме) в актуальном членении высказывания, так называемый «психологический субъект»;

Деятель, производитель действия;

Носитель действия, например носитель состояния «я», выраженный дательным падежом, в конструкции типа «Мне холодно»;

Тот, кто существует как семантическая единица высказывания, выраженная разными средствами;

Тот, кто существует как явление, косвенно отражаемое в высказывании.

В синтаксических исследованиях под субъектом понимается, прежде всего, единица семантической структуры предложения. Н.Ю. Шведова пишет: «Субъект – это тот (то), от кого (чего) исходит действие, состояние, отношение или признак» (РГ 1980: §1963). Категория субъекта понимается как категория носителя предикативного признака: производителя действия или носителя состояния. Соответственно выделяются, во-первых, два самых общих значения: субъект действия, активной деятельности и субъект недеятельного, неактивного состояния. Далее семантическая классификация субъектов целиком опирается на семантическую классификацию предикативных признаков – действий и состояний, например: субъект конкретного физического действия, субъект речевого акта, субъект существования, субъект внутреннего состояния, субъект обладающий и т. д.

С позиций семантического синтаксиса Г.А. Золотова дает следующее определение субъекта предложения: «это синтаксически независимый

субстанциональный компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака» (Золотова 1982: 132). Это определение подразумевает единство семантического, синтаксического и морфологического признаков. Субстанциональность субъекта предполагает выражение его формами имени существительного предметного значения. Общее значение субъекта уточняется в частных его разновидностях, соответственно типу значения и формам выражения.

Субъект предложения часто рассматривается в его отношении к синтаксическому лицу. Синтаксическая категория лица вместе с категориями модальности и времени стоит в ряду языковых средств выражения предикативности. Содержание синтаксической категории лица определяется отношением субъекта предложения к участникам речевого акта: соответствием его 1, 2 или 3-му лицу. Оппозиция личный – предметный субъект предложения проявляется в том, что предложения с личным субъектом имеют личную парадигму; предложения с предметным субъектом имеют лишь одну форму 3-го лица, с 1-м и 2-м лицом не соотносительны. Предложениям с личным субъектом также свойственно выражать своей структурой способ представления субъекта, даже неназванного, в одном из трех вариативных значений лица: как определенно-личный, неопределенно-личный или обобщенно-личный субъект.

Так называемые односоставные определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения представляют каждое лишь один из случаев неназванности субъекта – когда он соотносителен с названным субъектом в форме им. п. Таким образом, все это – способы представления субъекта, варианты ряда личного субъекта.

В обобщенно-личных предложениях так же, как и в определенно-личных, позиция неназванного субъекта может быть занята вербализованным указанием на субъект, но потребность в этом меньше, поскольку возможный субъект –

местоимение ты, вы – выражен личной формой глагола (это сближает обобщенно-личные предложения с определенно-личными).

Предложения определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные не являются разновидностями односоставных предложений. В них реализуются три вариантных значения лица, три способа представления личного субъекта, деятеля (а для обобщенного значения – шире: лица-носителя признака), которое может быть и названным и не названным, при этом неназванность остается синтаксически значимой, т.е. выражающей одно из трех указанных значений лица. Те предложения, которые известны под этими названиями, представляют каждое лишь один из способов выражения данного значения лица.

По мнению Н.Д. Арутюновой «субъект составляет как раз тот элемент, который обеспечивает суждению отнесенность к миру» (Арутюнова 1979: 323).

Н.Ю. Шведова отмечает четыре вида субъектной ситуации, в которой участвуют субъекты:

1. «Ситуация состояния: физического, физиологического, психологического, интеллектуального, морального, качественного;

2. Ситуация наличия или отсутствия чего-либо как предмета владения, обладания;

3. Ситуация процесса, процессуального состояния, деятельности, формально представленная или как связанная с носителем или как не связанная с ее носителем, однако фактически исходящая от некоторого деятеля;

4. Процессуальная или статуальная ситуация, существование которой соотнесено с кем-то, кто имеет к ней ближайшее внутреннее касательство, ею характеризуется, ее непосредственно воспринимает, «конструирует», оценивает или стимулирует» (Шведова 1985: 70). Соответственно этим четырем типам субъектной ситуации выделены следующие типы субъектов: 1) носитель состояния; 2) производитель деятельности; 3) носитель признака; 4)

обладающий; 5) воспринимающий; 6) квалифицирующий; 7) стимулирующий (Шведова 1985: 75).

Таким образом, субъект может быть или определенным, конкретно обозначенным (*Геологи вернулись; Поезд опаздывает*) или неопределенным, не обозначенным конкретно (*Стучат; Кто-то стучит*); или обобщенным (*всякий, любой*; например, в пословицах, фразеологизмах: *Чужую беду руками разведу; Любишь кататься, люби и саночки возить; переливать из пустого в порожнее*).

Из сказанного следует, что значение субъекта внутренне неоднородно; оно включает в себе разные частные значения, определяемые характером предикативного признака или всей обозначаемой ситуации.

Можно отметить, что об «обобщенном субъекте» в научной литературе говорят по отношению к предложению, но так как фразеологические единицы рассматриваются нами как соотносимые по структуре с предложением, то можно данный термин применить и по отношению к фразеологизмам.

Итак, в нашей работе мы рассматриваем фразеологизмы, выражающие посессивные антиномии, которые в силу обозначаемой ими ситуации и выполняемых функций могут характеризоваться как посессивные конверсивы.

Выводы по первой главе

Категория посессивности является одной из универсальных понятийных категорий языка. Посессивные отношения занимают большое место в концептосфере «человек», в связи с тем, что на протяжении всей своей жизни субъект осуществляет действия по включению объектов в свою сферу. Анализ теоретических исследований показывает, что обращение к данной категории находится в сфере интересов современной лингвистики. Существует понимание данной категории в узком и широком смысле. Некоторые ученые относят к этой категории только значения принадлежности, обладания, собственности,

владения, т.е. посессивность – это отношение между двумя объектами, связанное с идеей обладания одного из них другим.

В нашем исследовании посессивность характеризуется как категориальное явление, отражающее реально существующие связи между субъектами и объектами окружающего мира и представленное в виде инвариантной антиномичной модели «приобщение – отчуждение».

Понятие антиномии является междисциплинарным, применительно к языку оно отражает различные противоположные сущности языковых явлений. В частности в рамках категории посессивности могут быть выделены различные посессивные антиномии, демонстрирующие бинарность посессивных отношений и их разновекторный характер.

Посессивные антиномии могут быть представлены в виде моделей. Моделирование как способ изучения языковых явлений позволяет охарактеризовать посессивные отношения более детально.

Категория посессивности входит в состав универсальных категорий концептосферы человека и является частью культурной и языковой картин мира. Привлечение лингвокультурологического подхода способствует установлению национально-культурной специфики отражения в языке отношений посессии.

Языковыми средствами, репрезентирующими посессивные антиномии, выступают конверсивы, именно данные единицы наиболее ярко эксплицируют антиномичность рассматриваемых отношений. В состав конверсивов нами были включены глагольные единицы и фразеологические обороты с ядерным глагольным компонентом.

Фразеологизмы как устойчивые сочетания, отражающие культурный опыт определенного этноса, содержат в своей семантической структуре национально-культурный компонент значения, тем самым представляют большой интерес для сопоставительного исследования.

Во второй главе нами подробно будут рассмотрены установленные антиномичные модели, репрезентирующие выделенные посессивные антиномии.

Глава 2. Глаголы-конверсивы как средства выражения посессивных антиномий в русском и английском языках

Вводные замечания

Человек существует в определенном пространстве, где его окружает множество разнообразных объектов, с которыми он вступает в различного рода отношения. Одним из ведущих в процессе познания человеком окружающей действительности являются отношения посессивности. Категория посессивности – одна из универсальных понятийных категорий, она находит выражение в любой лингвокультуре и включает в себя широкий спектр отношений, отражая реальные процессы познания человеком окружающей действительности. Человек постоянно вступает во взаимодействие с различными объектами: осуществляет поиск объектов, приобщает их к себе, включает их в свою сферу, владеет ими, отчуждает их от себя. Исходя из данных отношений между одушевленным субъектом и объектами, окружающими его в действительности, категориальные отношения посессивности можно представить в виде фрейма, включающего в себя следующие субфреймы: начало посессии, собственно посессия и окончание посессии (Милованова 2007). Из этого следует, что посессивные отношения – динамические. Они представляют собой развивающийся во времени, разнонаправленный процесс. Такие релевантные характеристики посессивных отношений, как динамичность и разнонаправленность, позволяют выделить в рамках категории посессивности посессивные антиномичные модели.

В философии под антиномией понимается «ситуация, в которой противоречащие друг другу высказывания об одном и том же объекте имеют логически равноправное обоснование и их истинность или ложность нельзя обосновать в рамках принятой парадигмы, то есть противоречие между двумя положениями, признаваемыми одинаково верными, или, другими словами, противоречие двух законов» (ФЭС 1989: 34). Опираясь на приведенное

толкование антиномии, в качестве рабочего определения мы принимаем следующее: посессивная антиномия – это тип субъектно-объектных отношений, имеющих разновекторный характер. Под разновекторностью понимается разнонаправленность посессивного отношения, процесса, действия.

Базовой антиномией посессивных отношений является «приобщение-отчуждение», которая выступает в качестве инварианта, поскольку она в самом общем виде отражает непосредственно начало и окончание отношений посессии.

Именно в силу своей универсальности и разновекторности посессивная антиномия может быть представлена в виде модели. В языкознании под моделью понимается искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощённом виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (*оригинала*) в лингвистических целях (ЛЭС 1990: 148).

В нашем исследовании под моделью мы понимаем типичную схему, описывающую посессивные отношения, которые могут быть представлены по-разному – и как отношения обладания. Антиномичность данной модели проявляется в структуре: модель включает в себя интравектор и экстравектор, которые выражают разнонаправленность посессии. Интравектор указывает на отношения, направленные к сфере (в сферу) субъекта, экстравектор – на отношения, направленные от сферы (из сферы) субъекта.

Интравектор представлен следующими структурными компонентами: субъект приобщающий; объект приобщаемый; действие-, процесс-, отношение-приобщение; конситуация осуществления приобщения. Экстра-вектор – субъект отчуждающий; объект отчуждаемый; действие-, процесс-, отношение-отчуждение; конситуация осуществления отчуждения. Под конситуацией нами понимается детерминированность, сопровождающий фон осуществления данного посессивного отношения.

В рамках инвариантной модели посессивной антиномии нами выделены следующие варианты: *купить – продать, наследовать – завещать, выиграть – проиграть, собирать – утрачивать, взять – дать*.

Ядерными репрезентантами выделенных антиномичных вариантных моделей выступают глаголы, которые с точки зрения семантической структуры и выполняемых ими функций в контексте являются конверсивами. Таким образом, в состав анализируемых посессивных конверсивов нами включаются глагольные единицы *купить – продать* (и их производные), *наследовать – завещать* (и производные), *выиграть – проиграть, копить, наживать, собирать, зарабатывать – тратить* (и производные); *взять – дать* (и производные).

2.1 Посессивная антиномичная модель «купить – продать»

Рассмотрим антиномичную модель «купить – продать». В русском языке данная модель репрезентируется следующими глагольными единицами, которые являются конверсивами: *купить, накупить, закупить, скупить, выкупить, перекупить, достать / продать, распродать, перепродать, сбыть*.

Базовыми репрезентантами данной модели являются конверсивы *купить-продать*. **Интравектор** выражен глаголом *купить* и его префиксальными образованиями, которые характеризуют начало посессивных отношений, передают определенную предпринимаемую субъектом деятельность с целью получения в свою сферу объекта.

Остановимся на характеристике первого компонента модели – субъекте. Субъект, как правило, имеет такие признаки, как одушевленный, конкретный, активный: *Поднявшись на крыльцо и назвав себя, **Ивлев** сказал, что хочет посмотреть и, может быть, **купить** библиотеку, которая, как говорила графиня, осталась от покойного, и молодой человек, густо покраснев, тотчас повёл его в дом* (Бунин. Грамматика любви). Как свидетельствует фактический

материал, на протяжении девятнадцатого-двадцатого веков субъект посессивных отношений менялся с точки зрения гендерного подхода. Если в девятнадцатом-двадцатом веках субъектом отношений купли-продажи может выступать в большей степени мужчина, то к двадцать первому веку в связи с произошедшей «гендерной модернизацией», основной акцент поставлен на изменение социально-политических ролей женщин, определение их новой общественной ниши в рамках общей трансформации социального гендерного порядка. В связи с этим, женщины наравне с мужчинами являются субъектами посессивных отношений: *Она, кстати, неплохо зарабатывала и могла бы купить квартиру гораздо лучше этой, но сознательно выбрала скромный вариант, потому что здесь прошло когда-то ее детство, к тому же она откладывала деньги на свою мечту: дом в Подмосковье* (Слаповский. Любовь по-нашему); *А потом неожиданно она купила в Кочкарине невзрачную хатенку, устроилась на станции работать, стала жить* (Екимов. Высшая мера).

Следующим компонентом модели выступает объект. В качестве объектов собственности нами выделяются материальные и нематериальные объекты. Материальными являются объекты, обладающие реальным материальным содержанием (например, земля, здания, машины и оборудование и т.п.). Таким образом, к ним относятся движимое и недвижимое имущество. Под нематериальными мы понимаем объекты, не имеющие физической формы, к ним относят интеллектуальную и неимущественную собственность.

В качестве объектов недвижимого имущества выступают земельные участки, здания, сооружения, например: *усадебка, дом, квартира: И эта тоска у него мало-помалу вылилась в определённое желание, в мечту купить себе маленькую усадебку где-нибудь на берегу реки или озера* (Чехов. Крыжовник); *Все злые слухи и отговаривания не помешали Георгию Сергеевичу Триродову купить дом* (Сологуб. Капли крови); *Дядя советует прежде нажить денег, каким бы то ни было образом, купить дом, завести лошадей, а потом уж*

*завести и жену (Островский. Доходное место); И все тридцать семь лет я это знала и помогала ему **квартиру достать**, оформить документы на получение категории или заполнить анкету для поездки за рубеж (Смирнова. Голова в кустах).*

В качестве объектов движимого имущества выступают предметы и товары, которые приобретает субъект: вещи, животные, деньги, ценные бумаги и др.: *Нельзя ли **молока у вас купить**? – спросила Клара (Солженицын. В круге первом); Даже полотенце она не взяла, намереваясь **купить его** на месте... (Улицкая. Казус Кукоцкого); В продолжение каждого месяца он хотя один раз наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше **купить сукна**, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придёт же время, когда всё это купится и когда шинель будет сделана (Гоголь. Шинель); **Импортные**, на высоком каблуке, с золочёной цепочкой. **Нелегко такие достать**. Помогла бывшая пациентка, спасибо ей (Грекова. Перелом); Пусты были магазины города, но **всё** можно было **достать** здесь, всё, что можно проглотить, что можно надеть на верхнюю или нижнюю часть тела, всё, что можно изобрести – до американской жевательной резинки, до пистолетов, до учебников чёрной и белой магии (Солженицын. В круге первом); **Можно ли достать** на Капри хотя бы простой готовый **гроб**, спрашивает мадам? (Бунин. Господин из Сан-Франциско).*

Следующий вид объектов – это нематериальные объекты, которые делятся, в свою очередь, на интеллектуальную и нематериальную собственность. В рамках нематериальной собственности объект может иметь и абстрактный характер, в таком случае можно говорить о ситуации приобщения субъектом каких-либо новых или иных возможностей для себя. Абстрактный объект при глаголах *купить (покупать, накупить, закупить)* подчеркивает ряд усилий, даже испытаний, через которые проходит субъект с целью получения чего-то необходимого ему: *Развратный старик видит невиновность её в*

*краже и предлагает продажей чести **купить свободу** (Герцен. Сорока-воровка); Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно **достать оттуда** что-нибудь в порядочном виде (Гоголь. Шинель); Скажи, скажи, какой ценой **купить мне жизнь** (Лермонтов. Арбенин); Глафира Митревна изволят ревновать меня, посему мне каждое **посещение** Александры Васильевны приходится **покупать** довольно дорого (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).*

Помимо неодушевленного, объект может иметь одушевленный характер: *Вся работа господ была в том, как бы торговлей, или войной, или в начальстве побольше нажить денег и **накупить себе сильных и искусных рабов и рабынь** и жить в свое удовольствие (Толстой. Греческий учитель Сократ); Под видом избрания места для жительства и под другими предложениями предпринял он заглянуть в те и другие углы нашего государства, и преимущественно в те, которые более других пострадали от несчастных случаев, неурожаев, смертностей и прочего и прочего, – словом, где бы можно удобнее и дешевле **накупить потребного народа** (Гоголь. Мертвые души).* Следует отметить, что наличие одушевленного объекта при глаголе *купить* и его префиксальных образованиях характерно в большей степени для текстов девятнадцатого века, периода существования крепостного права, когда были возможны отношения купли-продажи крепостных крестьян.

В качестве нематериального объекта может выступать продукт интеллектуальной собственности: *Арабы узнали – тут же кинулись: **закупить изобретение** и **задушить его** (Солженицын. На изломах).* Под интеллектуальной собственностью мы понимаем закреплённое законом временное исключительное право, а также личные неимущественные права авторов на результат интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Данные объекты характерны для периода двадцатого-

двадцать первого веков, когда начинается развитие авторского права и понятия интеллектуальной собственности.

Следующим структурным компонентом, репрезентирующим интравектор модели, является отношение-приобщение, данный компонент репрезентируется непосредственно семантикой глаголов. Семантическая структура глаголов рассматривается нами с точки зрения иерархии составляющих ее категориально-лексической, интегральных и дифференциальных сем. В качестве категориально-лексической семы выступает сема 'начало имени объекта в сфере субъекта'. Данная сема представлена интегральными семами: 'средство приобщения', 'цель приобщения'. Интегральная сема 'средство приобщения' может быть реализована в дифференциальном признаке 'денежные средства'.

Остановимся подробнее на глаголе *достать*, который также входит в рассматриваемую микрогруппу. В Толковом словаре С.И. Ожегова *достать* понимается, как «1. взять что-н., находящееся на расстоянии, или извлечь откуда-н. *книгу с полки*. 2. кого (что). Получить, раздобыть. *Достать билет в театр*» (Ожегов 1994: 177). Употребление данного глагола в значении «получить, раздобыть» особенно характерно для описания товарно-денежных отношений советского периода: *Пусты были магазины города, но всё можно было достать здесь, всё, что можно проглотить, что можно надеть на верхнюю или нижнюю часть тела, всё, что можно изобрести – до американской жевательной резинки, до пистолетов, до учебников чёрной и белой магии* (Солженицын. В круге первом). Таким образом, в семантической структуре глагола *достать* интегральная сема 'средство приобщения' уточняется дифференциальным признаком 'с помощью усилий, связей', что передает специфику товарно-денежных отношений в советский период.

Глагол *достать* как синоним глаголу *купить* в большей мере свойственен текстам, характеризующим государственный режим советской эпохи, при котором отношения купли-продажи были связаны с системой

распределения и имущественные отношения между субъектами, где в качестве одного из субъектов выступает не государство, касающиеся недвижимости, были невозможны (*достать квартиру, комнату*).

При рассмотрении глагола *купить* с префиксами можно отметить, что данные глаголы выражают ситуацию двунаправленного характера: приобщая к себе один объект, субъект отчуждает от себя другой объект (*деньги*). Префиксальные глаголы (*накупить, закупить, скупить*) еще более конкретизируют обозначаемую ситуацию, выражая степень полноты приобщения, приобщаемый объект, как правило, представляется в совокупности: *закупить* – *Сестра и ее муж укатили в Москву закупить еды*; в большом количестве: *скупить* – *Он скупил все продукты*; как приобщение дополнительных объектов: *докупить* – *он докупил недостающие детали*.

Рассмотрим последний компонент модели, репрезентирующий интравектор, – конситуация осуществления приобщения. Фактический материал свидетельствует о том, что конситуация в рамках интравектора, выраженного глаголом *купить* и его производными, включает следующие лингвокультурные характеристики: ***причина, обстоятельства, сопровождающие эмоции, внутреннее состояние***. В частности, ***причина***:

– желание имения объекта (нейтрально): *В классическом случае орально-анальная стимуляция закольцовывается, как в известном примере с кусающей себя за хвост змеей: миллион долларов нужен, чтобы **купить дом** в дорогом районе, дом нужен, чтобы было где ходить в красных тапочках, а красные тапочки нужны, чтобы обрести спокойствие и уверенность в себе, позволяющие заработать миллион долларов, чтобы купить дом, по которому можно будет ходить в красных тапочках, обретая при этом спокойствие и уверенность* (Виктор Пелевин. Generation «П»); *И кончилось сражение. Утром Катя вышла купить молока. На перекрестке стоял бородатый решительный мужчина в шляпе, рослый, с черными от пороха руками, – выдавал пропуска* (Толстой. Простая душа);

– страстное желание имения (как правило, объект выражает некую абстрактную ценность): *Мне кажется, что в настоящее время богатые люди готовы **купить жизнь** любой ценой ...* (Успенский. Письма с дороги); *Развратный старик видит невиновность её в краже и предлагает продажей чести **купить свободу*** (Герцен. Сорока-воровка) – в последнем примере на это косвенно указывает способ осуществления – *продажей чести*;

– желание обогатиться: *Вся работа господ была в том, как бы торговлей, или войной, или в начальстве побольше нажить денег и **накупить себе сильных и искусных рабов и рабынь** и жить в свое удовольствие* (Толстой. Греческий учитель Сократ);

– необходимость: *Я утром тоже в город поеду, – сказал большеголовый. – Сапоги резиновые **купить** надо, а то видите: тут неделю – и башмаков нет* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Жена его, как это было принято, стала искать путей **выкупить мужа*** (А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг); *Остальной хлеб нужно было **выкупить** за свои вещи* (А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг);

– вынужденность в силу обстоятельств: *А потом неожиданно она **купила** в Кочкарине невзрачную хатенку, устроилась на станции работать, стала жить* (Екимов. Высшая мера); *Давненько, когда работал еще по ссылке, пришлось ему за гроши **скупить** у казаков хлеб, а потом вывезти за хутор и ссыпать в Дурной яр четыре тысячи пудов сгоревшейся пшеницы* (Шолохов. Тихий Дон);

– стремление, цель: *Всё с той же целью, чтобы **купить** себе усадьбу с крыжовником, он женился на старой, некрасивой вдове, без всякого чувства, а только потому, что у неё водились деньжонки* (Чехов. Крыжовник).

Обстоятельства:

– осознанность: *Она, кстати, неплохо зарабатывала и могла бы **купить** квартиру гораздо лучше этой, но сознательно выбрала скромный вариант,*

потому что здесь прошло когда-то ее детство, к тому же она откладывала деньги на свою мечту: дом в Подмоскowie (Слаповский. Любовь по-нашему);

– трудности: *Импортные, на высоком каблуке, с золочёной цепочкой. Нелегко такие достать. Помогла бывшая пациентка, спасибо ей* (Грекова. Перелом);

Сопровождающие эмоции:

– негативные (страдание, горе): *Вкушая минуту радости, он знал, что ее надо выкупить страданием, и хандра опять находила на него* (Гончаров. Обыкновенная история); *Витька нашел в потайном кармане последнюю десятку и с горя купил еще бутылку, обзлившись на всех...* (Шукшин. Материнское сердце);

– позитивные: *И эта тоска у него мало-помалу вылилась в определённое желание, в мечту купить себе маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера* (А.П. Чехов. Крыжовник); *Водила обстоятельно сложил все свои бумаги в красивую кожаную папку (Шура все мечтал купить себе такую, да денег не было), опустил противосолнечный козырек, куда было вмонтировано небольшое зеркало, причесался и открыл дверцу кабины* (Владимир Кунин. Кыся);

Внутреннее состояние:

– мечта: *За чаем Татьяна Власьевна весело шутила, а её муж мечтал о том, как бы хорошо разбогатеть сразу и – купить дом* (Горький. Трое); *И эта тоска у него мало-помалу вылилась в определенное желание, в мечту купить себе маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера* (Чехов. Крыжовник); *... а ружье давно хотел купить, еще у Тушара, мы давно уже о ружье мечтали* (Достоевский. Подросток).

Понятие «купли» является универсальным, поскольку отражает ситуацию, свойственную всем сообществам людей. Как отмечает Р.И. Розина, глагол «купить» описывает ситуацию с четырьмя участниками, два из них – Агенс и Пациенс – имеют обязательное выражение (выражаются,

соответственно, Субъектом и Объектом), а два других участника – Контрагент и Цена – выражаются необязательно (Розина 2003: 228). Один из участников ситуации включает в свою собственность какой-либо объект, компенсируя второму участнику ситуации стоимость этого объекта имеющимися у него денежными средствами. Глагол *купить* обычно рассматривается в паре с глаголом *продать*.

Вторым базовым репрезентантом антиномичной модели выступает конверсив глагола *купить* – глагол *продать*, который передает ситуацию окончания имения объекта в сфере субъекта в результате безвозмездной передачи другому лицу, а также репрезентирует экстравектор модели.

Первый компонент модели – субъект отчуждающий – выступает как одушевленный, активный, конкретный: *В этой конторе я продал купцу Аллилуеву четыре десятины лесу за выгодную цену* (Тургенев. Хорь и Калиныч).

Объекты продажи делятся на: материальные (движимая и недвижимая собственность) и нематериальные (неимущественная и интеллектуальная собственность). В качестве объектов недвижимой собственности выступает различное имущество: *Седобородые казы (судьи) посоветовались между собой и решили продать всё имущество Бухарбая* (Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат); *Пытался через своих многочисленных приятелей-охотников сбыть дом какому-нибудь учреждению, – тоже не вышло* (Бажов. Через межу). *Объекты движимой собственности представлены предметами и товарами (золото, карточки, хлам): Он действовал очень бережно, он большие надежды возлагал на эту куклу, думая продать её за бешеные деньги в субботу на рынке* (Петрушевская. Маленькая волшебница); *Я уже давно искал случая, чтобы сбыть кому-нибудь эти карточки* (Куприн. Яма); *И, жарко толкуя о необходимости завтра же утром сбыть для начала два кусочка золота часовщику, молочные братья подняли свой груз и пошли в темноту* (Ильф,

Петров. Золотой теленок); *Куды мне с твоим романом, когда своего хлама не могу сбыть* (Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко).

Объекты неимущественной собственности могут быть как одушевленные, так и неодушевленные: *Сам Шухов думает: не Цезарь, так, может, кто другой придёт, кому место продать в очереди* (Солженицын. Один день Ивана Денисовича); *Всё это так, но почему тогда ему же и вас, судей неправедных и бессовестных, не продать, когда ваш черёд подойдёт?* (Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Продукт интеллектуальной собственности, развитие которой относится к двадцатому-двадцать первому векам, также выступает объектом купли-продажи: *Издать или продать рукопись – вот вопрос, который представился Раевскому, когда мы ушли* (Каверин. Открытая книга); *Эти невероятные, чудовищные расходы привели к тому, что я в две ночи сочинил маленький рассказ под заглавием "Блоха" и с этим рассказом в кармане ходил в свободное от репетиций время по редакциям еженедельных журналов, газетам, пытаюсь этот рассказ продать* (Булгаков. Театральный роман).

Можно отметить, что объект может быть как одушевленный (*судей продать*), так и неодушевленный (*продать куклу*).

Рассматривая структурный компонент модели отношение-отчуждение, остановимся на семантической структуре глагола *продать*. Интегральная сема 'способ окончания имени объекта в сфере субъекта' реализуется в дифференциальном признаке 'с помощью денег или за другую плату'. В примере *Сам Шухов думает: не Цезарь, так, может, кто другой придёт, кому место продать в очереди* (Солженицын. В круге первом) – объект абстрактный, интегральная сема 'способ окончания имени объекта в сфере субъекта' реализуется в дифференциальном признаке 'безвозмездная передача другому субъекту'.

Синонимом глаголу *продать* выступает глагол *сбыть*, характерный прежде всего для текстов, описывающих советскую эпоху. В значении данного

глагола «избавиться, отделаться от кого-то, чего-то» реализуется оттенок нежелательности, субъект не хочет, чтобы объект находился в его сфере. Объект, от которого субъект желает избавиться, может быть как неодушевленный, так и одушевленный: *Похоже было, что владельцы лесов, напуганные первой революцией, торопились **сбыть** громоздкое и несправедное имущество до вступления в права истинного хозяина* (Леонов. Русский лес); *При Советах этот бархатный Волгин был комиссаром – и вскоре устроился так, чтобы **сбыть** жену в Соловки* (Набоков. Другие берега).

В современный период сфера употребления данного глагола сузилась, он используется, когда речь идет об объектах, которые передаются незаконным путем: *Так поступил бы салага, стремящийся отхватить любой кусок, **сбыть** с рук любому иностранцу дешевку за три шекеля* (Рубина. Окна); *Нет, подумал он, так можно сойти с ума, надо поскорее **сбыть** его с рук, этот холст* (Рубина. Белая голубка Кордовы).

При использовании префиксальных глаголов (*перепродать, распродать*) конкретизируются способ продажи, а также цель, которую преследует субъект: получение выгоды – *Он перепродает вещи, которые купил с молотка* (Горький); освобождение от объекта, что, как правило, обусловлено влиянием обстоятельств – *Лошадей они хотели выправить за зиму и с барышом распродать весной* (Бунин. Суходол). В английском языке конкретизация происходит за счет употребления глагола *to sell* с предлогами (*to sell off, to sell out*): *You-all can **sell out** now, Jack, and head for home* (London. The Burning Daylight) – *Теперь, Джек, ты можешь все **распродать** и ехать домой*; *The moment he married the widow, he would **sell off** all the furniture, and run away* (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – *Стоит ему жениться на вдове, и он тотчас **распродает** всю обстановку и уедет*.

Последний компонент модели – конситуация осуществления отчуждения – представлен следующими лингвокультурными характеристиками: **причина, обстоятельства, темпоральность, сопровождающие эмоции:**

Причина:

– намерение: *Он говорил еще долго и кончил советом Самгину: отобрать и свезти в склад вещи, которые он оставляет за собой, оценить все, что намерен **продать**, напечатать в газетах объявление о продаже или устроить аукцион.* (Горький. Жизнь Клима Самгина);

– желание отчуждения (нейтрально): *Я тоже хочу **продать** домишко и поеду куда-нибудь, куплю себе хуторишко над Днепром (Лесков. На ножах); Он долго таскал его по двору, по снегу, ходил по квартирам, **хотел продать** за выпивку, но никто не покупал* (Бунин. Гегель, фрак, метель);

– страстное желание отчуждения: *Я уже давно искал случая, чтобы **сбыть** кому-нибудь эти карточки* (Куприн. Яма); *Похоже было, что владельцы лесов, напуганные первой революцией, **старались сбыть** громоздкое и несправедное имущество до вступления в права истинного хозяина* (Леонов. Русский лес);

– намерение, желание обогатиться: *Был у него при этом и свой расчет: **продать** ненужный дом и деньги пустить в оборот, но, кроме того, он и сердечно жалел измученную мать* (Андреев. Ипатов);

– желание избавиться: *Поэтому, чтобы приохотить его к занятию и **сбыть** скорее дела, я усердно принялся писать доклады, и хотя горный член переделывал их, дела в моем шкафу долго не залеживались* (Решетников. Между людьми);

– необходимость: *Рано ли, поздно ли, а необходимо **продать** и пиджак и часы, как необходимо было **продать** сено* (Успенский. Равнение «Под-одно»); *Теперь **надо продать** его и вернуть затраченные деньги* (Порозовская. Жан Кальвин);

Обстоятельства:

– усилия: *Он действовал очень бережно, он большие надежды возлагал на эту куклу, думая **продать** её за бешеные деньги в субботу на рынке* (Петрушевская. Маленькая волшебница);

– предательство: *Эта бестия ни за грош готова **продать человека**, а тем более барина, – подумал он про себя, – и продал, непременно продал, пари готов держать, что ни за копейку продал* (Достоевский. Двойник); *А что друга своего лучшего продал – так кто ж виноват? Государство потребовало – вот и продал. Всё это так, но почему тогда ему же и вас, судей неправедных и бессовестных, не продать, когда ваш черёд подойдёт?* (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *И продал нас наш же мужик, односельчанин мой, села Покровского, бродяга* (Толстой. Хождение по мукам);

– трудности, нерезультативность: *Сколько ни бегал по Москве с целью **продать** кому-нибудь кусок из моего произведения, я ничего не достиг* (Булгаков. Мне приснился сон); *Но когда год спустя бабка померла, дом продали, а Борис начисто забыл об этой тридцатистраничной работе, и тетка Ольга сожгла ее вместе со всем барахлом, которое **не удалось сбыть** соседям.* (Корнилов. Демобилизация);

– незаконность: – *А так, значит, писарь Хрисанф Григорьев подрядчику чужие доски **продал**, обманул, значит* (Чехов. По делам службы); *Шубу, наверное, давно сняли с него дорогою, или он **сбыл ее*** (Пастернак. Доктор Живаго); ***Сбыть всю партию** золота и камней скупщикам краденого за наличные было невозможно, потому что даже самые крупные из этих «дельцов» не располагали такой наличностью* (Шпанов. «Медвежатник»);

– выгода: *Председатель его, Горшков, свёл под корень изрядно гектаров леса и выгодно **сбыл** в Одесскую область, на том свой колхоз и возвысив* (Солженицын. Матренин двор);

– интенсивность: *Готовлюсь к свадьбе, дело свое спешу прикончить, **распродать**, что можно, без убытку – вдруг опять беда-горе* (Бунин. Хорошая жизнь).

Темпоральность:

– долго: *Я только что продал свой скелет, – сказал учитель, – я продал его в рассрочку, завещая* (Соколов. Школа для дураков);

– давно: *Небольшое имущество, доставшееся мне после кончины отца (ничего особенного – «Мирану» он давно **продал**) в придачу к моей поразительной, хоть и несколько брутальной, мужской красоте, позволило мне со спокойной уверенностью пуститься на соответствующие поиски (Набоков. Лолита);*

– быстро: *Лошадей и экипаж она приказала **продать** в спешном порядке (Замятин. Мученица науки); Похоже было, что владельцы лесов, напуганные первой революцией, **торопились сбыть** громоздкое и несправедливое имущество до вступления в права истинного хозяина (Леонов. Русский лес); Проходя с рассказом в кармане три недели и побывав на Варварке, Воздвиженке, на Чистых Прудах, на Страстном бульваре и даже, помнится, на Плющихе, я неожиданно **продал** своё сочинение в Златоустинском переулке на Мясницкой, если не ошибаюсь, в пятом этаже какому-то человеку с большой родинкой на щеке (Булгаков. Театральный роман);*

Сопровождающие эмоции:

– испуг: *Похоже было, что владельцы лесов, напуганные первой революцией, **торопились сбыть** громоздкое и несправедливое имущество до вступления в права истинного хозяина (Леонов. Русский лес);*

– облегчение: *Что и говорить, мужик, большое это было для меня облегчение – **сбыть тебя с рук** на больничный харч и государственный уход (Рубина. Двойная фамилия); Тетка с радостью **сбыла** меня с рук (Сологуб. История двух калош);*

– радость: *Эта пустая кроватка торчала перед глазами. Выходит, я **сбыл тебя с рук**. Обрадовался (Рубина. Двойная фамилия); В это время Половодов вернулся, и по его лицу можно было заметить, что он очень доволен, что **сбыл** жену с рук (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); На радостях он **сбыл** свое выходное обмундирование, поил нас самогонкой и шумел (Виктор Астафьев. Жестокие романсы);*

– тяжесть: **Продав** последнюю коровенку, купил в Сызрани два мешка муки, а в Туле продовольственный отряд все у него отобрал (Вересаев. В тупике);

– повышенная эмоциональность (восклицания): **Как! Продать** старого, преданного, испытанного друга? – восклицал он, мешая, по своему обыкновению, шутку с искренним чувством, – Нет, это будет хуже чем предательство! (Куприн. Дух века); Я слышал, как граф кричал у нас в квартире: «Я вас всех могу купить и **продать!** (Короленко. В дурном обществе);

– обида: **Продается**, значит... лошадь-то? – Можно продать, – сказал торговец, несколько обижаясь. — Так... (Зощенко. Беда);

Интересными являются ситуации, когда в качестве сферы субъекта выступает его душа: Суета света касалась ее слегка, и она спешила в свой уголок **сбыть с души** какое-нибудь тяжелое, непривычное впечатление и снова уходила то в мелкие заботы домашней жизни, по целым дням не покидала детской, несла обязанности матери-няньки, то погружалась с Андреем в чтение, в толки о «серьезном и скучном», или читали поэтов, поговаривали о поездке в Италию (Гончаров. Обломов); субъект для освобождения от этого состояния прилагает усилия и стремится избавиться от ненужных в его сфере объектов, при этом он испытывает облегчение. В свою очередь субъект может продать душу для получения на данный момент более необходимых ему объектов или свойств: За сосиску Шерлок готов был не то что рядом трусить, но и дьяволу **душу продать** (Рубина. Окна); Сказывал уж я тебе, что ты за грош черту душу продал, – вот он теперь тебе и застит свет! (Салтыков-Щедрин. За рубежом); За такую княгиню я бы душу продал! (Достоевский. Идиот). Анализируя данные примеры, можно обратить внимание, что душа как один из основных соматизмов с точки зрения носителя русского языка может быть отдана практически за бесценок (грош), или просто поменяна на другой одушевленный объект, который для субъекта равноценен собственной душе,

таким образом, становится понятна важность и ценность объекта для приобщающего субъекта.

Обращаясь к фактическому материалу английского языка, можно отметить, что данная антиномия репрезентируется глаголами, которые представляют собой конверсивы *to buy – to sell*. Глагол *to buy* (покупать) репрезентирует интравектор модели.

Говоря о субъекте, можно отметить, что, как и в русском языке, он может быть одушевленный, конкретный, активный: *I can buy land* (Galsworthy. *To Let*) – Я могу купить землю; *What did I come for? I'll buy her. He stood back and watched the ebb of the paddock visitors toward the stand* (Galsworthy. *To Let*) – Зачем я сюда приехал? Куплю кобылу. Он стал в стороне, наблюдая за движением публики из пaddockа к трибунам.

Второй компонент модели представлен материальными и нематериальными объектами: *He put trusted agents to work on the heels of great experts, and on the creeks where they began to buy he likewise bought* (London. *The Burning Daylight*) – Он пустил доверенных лиц по следам горных инженеров, и на тех ручьях, где они скупали участки, он тоже покупал; *What a pity! it was really a masterpiece. I remember I wanted to buy it. I wish I had now* (Wilde. *The Picture of Dorian Gray*) – Какая жалость! Это был настоящий шедевр. Помню, мне очень хотелось его купить. И жаль, что я этого не сделал.

Объект может иметь абстрактный характер, когда речь идет о приобщении субъектом каких-либо качеств, возможностей для себя: *You call me a brute because you couldnt buy a claim on me by fetching my slippers and finding my spectacles. You were a fool: I think a woman fetching a man's slippers is a disgusting sight: did I ever fetch your slippers?* (Shaw. *Pygmalion*) – Вы меня назвали бессердечным, потому что, подавая мне туфли и отыскивая мои очки, вы думали купить этим право на меня, – и ошиблись. Глупая вы, глупая! По моему, женщина, которая подает мужчине туфли, – это просто отвратительное зрелище. Подавал я вам когда-нибудь туфли?

Для того, чтобы конкретизировать процесс приобщения объектов субъектом, представители английской лингвокультуры используют словосочетание «глагол + предлог» *глаголы to buy out (выкупить), to buy in (закупать), to buy up (скупить, закупить), to purchase (закупать)*, где в отличие от русского языка конкретизация процесса происходит не за счет использования глаголов с префиксами *за-, на-, с-*, а за счет использования предлогов, которые меняют значение глагола *to buy*: *Now, suppose I buy in all the street railways of Oakland, Berkeley, Alameda, San Leandro, and the rest, – bring them under one head with a competent management?* (London. The Burning Daylight) – *Вот я и думаю скупить все трамвайные линии Окленда, Беркли, Аламеда, Сан-Леандро и так далее, чтобы у них было одно общее управление, но зато хорошее.* Особо следует остановиться на глаголе *to purchase (выкупить, покупать)*, который выражает любой способ приобретения собственности, за исключением наследования: *Mr. Bingley inherited property to the amount of nearly a hundred thousand pounds from his father, who had intended to purchase an estate, but did not live to do it* (Austen. Pride and Prejudice) – *Отец мистера Бингли оставил сыну около ста тысяч фунтов. При жизни он собирался выкупить имение, но своей мечты так и не осуществил.*

В английском языке конситуация в рамках интравектора представлена следующими лингвокультурными характеристиками, во многом обнаруживающими сходство с русским языком.

Причина:

– желание имения объекта (нейтрально): *He planned to buy some more clothes, to subscribe to many magazines, and to buy dozens of reference books that at present he was compelled to go to the library to consult* (London. Martin Eden) – *Он купит еще одежды, подпишется на разные журналы, купит десятки справочников, а то ходи каждый раз в библиотеку.* Объект может выражать некую абстрактную ценность: *I, who am strong and dominant, who have played large with destiny, who could buy body and soul a thousand painters and versifiers,*

was baffled by a few paltry cents' worth of printed paper!" (London. A Daughter of the Snows) – *Меня, сильного и властного, смело игравшего судьбой, меня, который в состоянии **купить** душу и тело тысячи поэтов и художников, поставили в тупик несколько грошовых печатных страниц!;* *There were opium dens where one could **buy oblivion**, dens of horror where the memory of old sins could be destroyed by the madness of sins that were new* (Wilde. The Picture of Dorian Gray) – *Есть притоны для курильщиков опиума, где можно **купить забвение**. Есть ужасные вертепы, где память о старых грехах можно утопить в безумии новых;*

– желание обогатиться: *She has plenty of money, and she intends **to buy** all the high-priced things I have in hand now* (Austen. Persuasion) – *Денег у нее куры не клюют, и она **рассчитывает еще купить** все дорогие вещицы.*

– мечта имения: *What a pity! it was really a masterpiece. I remember I wanted **to buy it**. I wish I had now* (Wilde. The Picture of Dorian Gray) – *Какая жалость! Это был настоящий шедевр. Помню, мне очень хотелось его **купить**. И жаль, что я этого не сделал;*

– необходимость: *He would have **to buy them out**, of course, for French people only came to England to make money; and it would mean a higher price* (Galsworthy. In Chancery) – *Разумеется, ему придется **откупиться**, потому что французы только за тем и приезжают в Англию, чтобы наживать деньги, но чем лучше идут дела ресторана, тем дороже ему это обойдется;*

– вынужденность в силу обстоятельств: *You have **to buy experience**, of course"* (Galsworthy. In Chancery) – *Конечно, на первых порах приходится **платить** за советы (покупать советы), пока не приобретешь опыта;*

Обстоятельства:

– осознанность: *I must live and **buy books** and clothes, you know* (London. Martin Eden) – *Мне надо на что-то жить и **покупать книги** и одежду; *Even Daylight disliked the looks of Eldorado; but, still riding his hunch, he **bought** a half share in one claim on it for half a sack of flour* (London. The Burning Daylight) –*

Даже Харнишу ручей Эльдорадо не понравился; однако, твердо веря своему чутью, он и здесь **купил** полная на одну заявку, отдав за него полмешка муки;

– трудности: *I do not believe that such another suit of clothes, and such a hat, could be **bought** for money, Mr.Pickwick* (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – Я не верю, мистер Пиквик, чтобы можно было **купить** за деньги второй такой же костюм и такую же шляпу;

Сопровождающие эмоции:

– ПОЗИТИВНЫЕ: *With all my heart; I will **buy** Pemberley itself if Darcy will sell it.* (Austen. Pride and Prejudice) – От души с тобой согласен. Я даже **купил бы** Пемберли, если бы Дарси его продал; *He recollected with satisfaction that he had **bought** that house over James's head* (Galsworthy. The Man of Property) – Он с удовлетворением вспомнил о доме, который удалось купить у Джемса; *Thus encouraged, he **bought** a part share of the trader, and, fitting her out once more with such commodities as were most in demand (viz., old muskets, hangers and axes, besides glasses, needles, and the like), he placed me on board as supercargo to look after his interests, and despatched us upon our voyage* (Conan Doyle. A Literary Mosaic) – Ободренный такой удачей, он **купил** на паях торговое судно, загрузил его наиболее ходким товаром (старыми мушкетами, ножами, топорами, зеркалами, иголками и тому подобным) и в качестве суперкарга посадил на борт и меня, наказал мне блюсти его интересы и напутствовал своим благословением.

Конверсив *to sell* (продавать) отражает экстравектор модели. Субъект при данном глаголе представлен как одушевленный, активный, конкретный: ***He sold** at the right time, at the height of the placer boom* (London. The Burning Daylight) – **Он продал** их в самое время, в момент наивысшей добычи золота.

В отличие от русского языка, в семантике английских глаголов заложена сочетаемость с объектами. Так, с глаголом *to sell* употребляются объекты как движимого, так и недвижимого имущества: *Grin and Grinning, to give them instructions **to sell his shares** in the New Colliery* (Galsworthy. The Man of Property)

- Грин и Гринниг распорядятся о продаже акций «Новой угольной компании»; *He had to sell the business at a loss* (Galsworthy. The Man of Property)
– Он был вынужден **продать** свое дело.

При данном глаголе объект может иметь расширенный, абстрактный характер. Субъект может продавать свои знания, навыки: *As for Roger, the "original" of the brothers, he had been obliged to invent a locality of his own and with an ingenuity worthy of a man who had sold a new profession for his sons...* (Galsworthy. The Man of Property).

Рассматривая структурный компонент модели отношение-отчуждение, остановимся на семантической структуре глагола *to sell*. Интегральная сема 'способ окончания имения объекта в сфере субъекта' реализуется в дифференциальном признаке 'с помощью денег или за другую плату': *The magnificent profits he made on the land he sold were turned into more land, into more development; and instead of paying off old loans, he contracted new ones* (London. The Burning Daylight) – *На баснословные прибыли, которые приносила ему продажа участков, он увеличивал свою земельную собственность и затевал новые предприятия; и вместо того чтобы погашать старые ссуды, он еще больше залезал в долги.* В примере *But he sold them to the powerful Nome King in exchange for a long life...* (Dickens. The Tale of two Cities) – *Но он продал их в обмен на бессмертие, а потом, так и не воспользовавшись полученным даром* – объект абстрактный, интегральная сема 'способ окончания имения объекта в сфере субъекта' реализуется в дифференциальном признаке 'передача другому субъекту', где акцент делается не на материальные блага, получаемые взамен, на нечто абстрактное, что важнее для субъекта.

В английском языке конситуация отчуждения представлена следующими лингвокультурными характеристиками:

Причина:

- намерение, желание отчуждения: *"Rather fine, I think, "he said;" do you want to sell it?"* (Galsworthy. To Let) – *Очень недурно, – сказал он. – Вы*

*хотите это **продать**?; " Can you suggest any possible motive for taking the papers to London except to sell them? "(Conan Doyle. The Adventure of the Bruce-Partington Plans) – Ты можешь предположить иной мотив, кроме намерения **продать** эти бумаги?; How on earth had the fellow known that he wanted to **sell** that picture? (Galsworthy. To Let) – Каким образом узнал этот господин, что он хочет **продать** Гогэна?; Объект может, как и в русском языке, выражать некую абстрактную ценность: One other point: if a clerk in this office desired to **sell** the plans, would it not be simply to copy the plans for himself than to take the originals, as was actually done? (Conan Doyle. The Adventure of the Bruce-Partington Plans) – Еще один вопрос: если бы кто из сотрудников, работающих в этом помещении, задумал **продать** военную тайну, не проще ли было бы для него скопировать чертежи, чем похищать оригиналы, как это было сделано?; Several times he cried that he would not sell his soul for a beautiful face, and then he would moan in a most piteous voice," But I love her – I love her for all that; I shall never cease to love her" (Conan Doyle. John Barrington Cowles) – Несколько раз говорил, что не **продаст** душу за красоту. Чаще же всего он жалобно повторял: " Но я люблю ее, люблю... Я не смогу разлюбить "...*

– намерение, желание обогатиться: *I reckon you'll all be able to sell your stories to a magazine and make a fortune (Fielding. The Bridget Jhon's Diary) – Вы наверняка заработаете целое состояние, **продав** свои воспоминания в газеты!*

– желание избавиться: *He entered, thinking: 'War's a certainty. I shall **sell** my consols.'* (Galsworthy. In Chancery) – Он вошел в ресторан с мыслью: " Войны не миновать; надо будет **продать** консоли"; *The moment he married the widow, he would **sell off** all the furniture, and run away (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – Стоит ему жениться на вдове, и он тотчас **продаст** всю обстановку и уедет;*

– необходимость: *And all their love was thinned with money, and all their fierceness dribbled away in interest until they were no longer farmers at all, but little shopkeepers of crops, little manufacturers who **must sell** before they can make*

(Galsworthy. In Chancery) – *И деньги измельчили их любовь к земле, и их страсть каплю за каплей высушили проценты, и они стали теперь не фермерами, а мелкими лавочниками, торгующими урожаем, мелкими фабрикантами, которые **должны продавать** прежде, чем производить.*

Обстоятельства:

– усилия: *He spent long hours in the free reading-room, going over what others had written, studying their work eagerly and critically, comparing it with his own, and wondering, wondering, about the secret trick they had discovered which enabled them to **sell their work*** (London. Martin Eden) – Долгими часами просиживал он в публичных библиотеках, жадно, пристально вчитывался в написанное другими, сравнивал со своим и доискивался, доискивался: что же за секрет они открыли, почему им удается **продать** свои работы;

– результативность: *He **sold** at the right time, at the height of the placer boom.* (London. The Burning Daylight) – Он **продал** их в самое время, в момент наивысшей добычи золота; *We were a family of tin-miners at Redruth, but we **sold** our venture to a company, and so retired with enough to keep us* (Arthur Conan Doyle. The Adventure of the Devil's Foot) – Видите ли, нашей семье принадлежали оловянные рудники в Редруте, но потом мы **продали** их Компании и, получив возможность жить безбедно, уехали оттуда;

– трудности: *They could sell it but it was very difficult...* (Conan Doyle. The Adventure of the Devil's Foot) – Они смогли продать это, но это было очень сложно.

– нерезультативность: *I need not **sell my soul** to buy bliss* (Brontë. Jane Eyre) – Мне незачем ради блаженства **продавать** свою душу;

– интенсивность: *But if the nation is going to bait me, and rob me like this, I'm damned if I won't **sell** the lot* (John Galsworthy. To Let) – Но если государство намерено травить меня и грабить, будь я трижды проклят, если не **распродам** к черту всю свою коллекцию.

– выгода: *He had sold himself to Mr. Heathcliff: that was the cause of his delay in obeying my master's summons* (Brontë. Wuthering Heights) – **Он продался** мистеру Хитклифу; в этом была причина, почему он медлил прийти по приглашению моего господина; *'I sold myself, ' said Mr. Bumble, pursuing the same train of relection, 'for six teaspoons, a pair of sugar-tongs, and a milk-pot; with a small quantity of second-hand furniture, and twenty pound in money* (Dickens. Oliver Twist) – **Я продался**, – сказал мистер Бамбл, развивая все ту же мысль, – за полдюжины чайных ложек, щипцы для сахара, молочник и в придачу небольшое количество подержанной мебели и двадцать фунтов наличными.

Темпоральность:

– долго: *" I am trying to sell it ...* (Brontë. Wuthering Heights) – **Я стараюсь продать это...**

– быстро: *"You-all can sell out now, Jack, and head for home* (Jack London. The Burning Daylight) – **Теперь, Джек, ты можешь все распродать и ехать домой; The worthless ones were to be got rid of, and, since dogs count for little against dollars, they were to be sold (London. The Call of the Wild) – **Выбывших из строя собак нужно было сбыть с рук, и, поскольку доллары, как известно, гораздо ценнее собак, последних спешно распродавали.****

Сопровождающие эмоции:

– облегчение: *Why, gosh-dang-it! this country kin go to blazes! I'll sell out! I'll quit it cold!* (London. A Daughter of the Snows) – **Провались она к чертям, эта страна, пропади она пропадом! Я продам свои заявки! Я брошу все!**

– радость, счастье: *" I was fortunate enough to sell them all just as we got upon the hill, so we hadn't to pen at all»* (Hardy. Far from the Madding Crowd) – **Мне посчастливилось продать их, как только мы поднялись на холм, так что не пришлось отводить в загон;**

– тяжесть: *I understand that it is very difficult to sell but I should like it to be sold, and the money divided in the same proportion as the oil-money among the crew* (Conan Doyle. The Captain of the "Pole-Star") – **Я понимаю, что это очень**

тяжело продать, но я хотел бы, чтобы они были проданы, и деньги разделены поровну между матросами.

– негативные эмоции: *“Then I’ll sell it out for thirty thousand, I’ll never forgive myself”* (London. Smoke Bellew) – *В таком случае я никогда себе не прощу, если **продам** систему за тридцать тысяч.*

Таким образом, при сопоставлении интра и экстравекторов можно отметить, что конситуация осуществления отчуждения в русском языке представлена более детально и эмоционально, что говорит о том, что представитель русской лингвокультуры испытывает больше переживаний, эмоций при исключении объекта из своей сферы; с легкостью процесс окончания посессии может происходить, если объект, получаемый взамен, более ценен и значим для субъекта. Выявлены сходные и различающиеся лингвокультурные характеристики, в частности, в русском языке в рамках интравектора установлены такие характеристики, как желание имения объекта (нейтральное, страстное), стремление, цель, желание обогатиться, вынужденность, осознанность, трудности, востребована такая характеристика внутреннего состояния, как мечта, что составляет 15% от общего массива фактического материала, а также негативные эмоции (страдание, горе) – 10 % представленности в фактическом материале; в английском – необходимость, тяжесть, отмечена частотность употребления примеров, передающих позитивные эмоции, – 20% от общего материала; в рамках экстравектора в русском языке – давно (темпоральность), предательство – 25% представленности в фактическом материале, повышенная эмоциональность – 10% от общего массива материала, в английском – результативность, позитивные эмоции, радость – 15% представленности в фактическом материале.

В целом сопоставительный анализ позволил установить некоторые особенности репрезентации в русской и английской лингвокультурах антиномии «купля-продажа», а именно: изменение характера субъекта с

позиций гендера (по сравнению с девятнадцатым веком), различные процессы сужения и, напротив, расширения класса объектов (девятнадцатый век, советский период, настоящее время), актуализацию (в зависимости от временного периода) тех или иных ситуаций купли-продажи.

2.2 Посессивная антиномичная модель «наследовать – завещать»

Антиномичная модель «наследовать-завещать» в русском языке репрезентируется конверсивами *наследовать, унаследовать / завещать*.

Базовыми репрезентантами данной модели являются глаголы-конверсивы *наследовать-завещать*. Интравектор модели представлен глаголом *наследовать (унаследовать)*, который характеризует вступление в посессию с помощью специальных действий. Под наследованием обычно понимается переход имущества, прав и связанных с ними обязанностей умершего лица (наследодателя) к иным лицам (наследникам). Комплекс имущества, прав и обязанностей, получаемых при наследовании, называют *наследственным имуществом, наследственной массой, наследством* (Нечаев 1907: 55).

Остановимся на характеристике первого компонента модели в рамках интравектора – субъекте приобщающем. Субъект может быть одушевленный, конкретный, активный. При глаголе *наследовать* субъект может быть представлен и как пассивный. Но, следует отметить, что пассивность субъекта может быть относительна, так как он может предпринимать ряд усилий для получения объекта в собственность. Как показывает фактический материал, на протяжении девятнадцатого-двадцатого веков происходили изменения характера субъекта с точки зрения гендерного подхода. В девятнадцатом веке капиталистическая собственность не завоевала себе относительно равного положения с полуфеодальной помещичьей земельной собственностью, нормы наследственного права были проникнуты идеями предпочтения наследников мужского пола перед наследниками женского пола. Неравноправие женщины с

мужчиной в институте наследования по закону было весьма резко подчеркнуто в дореволюционном русском праве. Рост капитализма сделал женщину имущих классов участницей оборота, и по наследственному праву ограничения наследования в движимом имуществе для женщин были сняты. В советское время наследование было отменено. Имущество, оставшееся после смерти владельца, объявлялось достоянием РСФСР. Институт наследования был вновь введен в России в 1922 году.

Вторым компонентом рассматриваемой модели является объект. В качестве объектов собственности нами выделяются материальные и нематериальные объекты. В качестве объектов недвижимого имущества выступают земельные участки, здания, сооружения, например: **земля, квартира, имущество**: *Стало быть, если я получу по наследству тысячу десятин, то я имею право одна наследовать эту землю?* (Лесков. Некуда); *Имущество его сохранялось у отчима, который тотчас же и представил доказательства, что имел полное право наследовать этим имуществом: покойник оставил собственноручную записку, в которой делал Ефимова своим наследником в случае своей смерти* (Достоевский. Неточка Незванова); *Словом, невзирая ни на какие трудности, нужно было суметь унаследовать квартиру племянника на Садовой* (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Объект может иметь расширенный, абстрактный характер (неимущественная собственность), когда речь идет о приобщении субъектом каких-либо возможностей для себя, объект может приобщаться от второго лица: *Даже когда Господь говорит Каину, что грех его будут наследовать 77 поколений, его потомки умудряются спастись* (Шаров. Воскрешение Лазаря); *Фенечка наследовала от своей матери любовь к порядку* (Тургенев. Отцы и дети); *Это им бы, сохранившимся, перенять твой горький рок, наследовать твой безнадежный жребий или нет!* (Солженицын. Бодался теленок с дубом); *Ортруда имела редкое счастье наследовать престол ещё до своего появления на свет, и родилась королевою* (Сологуб. Королева Ортруда); *К господу богу и к*

ближним своим, соединиться с богом и наследовать царствие небесное» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); *А как вы относитесь к тому, что советская интеллигенция должна унаследовать лучшие традиции интеллигенции русской?* (Ерофеев. Интервью).

Следующим структурным компонентом модели выступает посессивное отношение-приобщение, которое непосредственно выражает семантическая структура глагола. В качестве категориально-лексической семы выступает сема 'вступление в посессию'. Данная сема представлена интегральными семами: 'средство приобщения', 'цель приобщения', 'характер приобщения', 'характер второго лица, участвующего в ситуации'. Интегральная сема 'средство приобщения' может быть реализована в дифференциальном признаке 'денежные средства', 'характер приобщения' в дифференциальном признаке 'приобщение как обладание объектом'.

В семантической структуре глагола *наследовать* актуализируется интегральный признак 'характер второго лица, участвующего в ситуации', который, как правило, согласен на приобщение объекта субъектом. Таким образом, субъект, передающий право владения (завещая), теряет статус посессора, сознательно лишаясь объектов собственности.

Проанализируем последний компонент модели – конситуация осуществления приобщения. Фактический материал свидетельствует о том, что конситуация в рамках интравектора, выраженного глаголом *наследовать*, включает следующие лингвокультурные характеристики: ***детерминированность, обстоятельства, внутреннее состояние.***

Детерминированность:

– независимость от субъекта: – *Да, тебе ничего, а мне чего, – продолжал Володя, делая жест подёргивания плечом, который он наследовал от папа, – разбил, да ещё и смеётся, этакой несносный мальчишка!* (Толстой. Отрочество); *Ему было за тридцать лет, когда он наследовал от отца две*

тысячи душ в отличном порядке, но он скоро их распустил, частью продал свое имение, дворню избаловал (Тургенев. Дворянское гнездо);

– зависимость от субъекта: *Я стану достоин предстать пред Судом твоим, явлюсь чистым, **унаследую** жизнь вечную* (Салиас. Ширь и мах); *Словом, невзирая ни на какие трудности, нужно было суметь **унаследовать** квартиру племянника на Садовой* (Булгаков. Мастер и Маргарита);

– необходимость: *Он мне от слова и до слова повторял кипучие речи его отца; я их теперь забыл, но смысл их тот, что укоризны их самим им принесут позор; что он любил жену не состоянья ради, и что для одного того, чтобы их речи не возмущали покоя ее новой жизни, он отрекается от всего, что мог по ней **наследовать**, и он, и сын его, он отдает свое, что нажито его трудом при ней, и...* (Лесков. На ножах); *А как вы относитесь к тому, что советская интеллигенция должна **унаследовать** лучшие традиции интеллигенции русской?* (Ерофеев. Интервью);

– доказательство: *Имущество его сохранялось у отчима, который тотчас же и представил доказательства, что имел полное право **наследовать** этим имуществом: покойник оставил собственноручную записку, в которой делал Ефимова своим наследником в случае своей смерти* (Достоевский. Неточка Незванова);

– наличие права: – *Я женщина; по-вашему мы все глупы; но я настолько знаю, что незаконный сын не может **наследовать**...* (Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый); – *Стало быть, если я получу по наследству тысячу десятин, то я имею право одна **наследовать** эту землю?* (Лесков. Некуда);

– желание: – *повергся он вдруг на колени, – что мне делать, чтобы **наследовать** жизнь вечную?* (Достоевский. Братья Карамазовы).

Обстоятельства:

– трудности: *Может ли человек быть спасен и **унаследовать** жизнь вечную за подвиг красоты или подвиг познания?* (Бердяев. Смысл творчества);

Внутреннее состояние:

– счастье: *Ортруда имела редкое счастье **наследовать престол** ещё до своего появления на свет, и родилась королевою (Сологуб. Королева Ортруда); Она будет рада **наследовать** от матери ожерелье, которое ей так долго нравилось...* (Донцова. Микстура от косоглазия);

– обреченность: *Даже когда Господь говорит Каину, что **грех** его будут **наследовать** 77 поколений, его потомки умудряются спастись (Шаров. Воскрешение Лазаря); Кто знает, может быть, теперешнего швейцара звали вовсе не Порфирием, а просто Иваном или Трофимом, но так как екатерининские швейцары продолжали сотни лет носить одну и ту же ливрею, а юнкера старших поколений последовательно передавали младшим древнее, привычное имя Порфирия Первого, то и сделалось имя собственное Порфирий не именем, а как бы званием, чином или титулом, который **покорно наследовали** новые поколения екатерининских швейцаров (Куприн. Юнкера).*

В рассматриваемой антиномичной модели глагол *завещать* выступает как конверсив глагола *наследовать* и отражает экстравектор модели. Объект при данном глаголе отчуждается навсегда.

Глаголы передачи, к которым относится и глагол *завещать*, рассматриваются в научной литературе с различных точек зрения. Так, по мнению Т.Г. Карповой, они относятся к периферии поля посессивности, так как на первый план выдвигается результат действия, а не сам факт обладания, который является второй ступенью (Карпова 2004). Т.В. Гончарова, рассматривая ситуацию передачи, включает в нее субъекта, объекта и адресата (косвенный объект), или второго участника ситуации (Гончарова 1980). Некоторые исследователи считают главным участником ситуации именно второго участника. Говоря о семантической структуре глаголов передачи, В.П. Абрамов выделяет в качестве общего значения «каузировать кого-нибудь начать иметь что-либо» (Абрамов 1950: 5). Глагол *завещать* передает посессивную ситуацию, в которой участвуют два лица: субъект, отчуждающий от себя объект, и второе лицо, которое приобщает этот объект, в результате

чего происходит смена владельца, субъект теряет статус посессора. При этом передача объекта субъектом осуществляется, как правило, сознательно.

Под завещанием мы понимаем одностороннюю сделку, распоряжение своим имуществом на случай смерти. Оно вступает в действие с момента открытия наследства, когда уже нет в живых наследодателя. Оно представляет собой выражение воли завещателя, которая непосредственно связана с его личностью (Нечаев 1907: 32).

Первый компонент модели в рамках экстравектора – субъект отчуждающий представлен как одушевленный, активный, конкретный. Именно через его волеизъявление осуществляется процесс завещания, в результате которого второй участник посессивной ситуации наследует данное имущество: *Ну что же, пусть моя смерть ляжет на твою совесть, а я завещаю тебе мой браунинг...* (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Объекты в рассматриваемой посессивной ситуации делятся на материальные и нематериальные. Субъект может завещать недвижимое имущество: *Тогда, обратившись к своим друзьям, философ сказал, что, так как ему не позволено завещать им его имущество, у него все же остается одна вещь, может быть самая драгоценная, а именно образ его жизни, любовь к науке и привязанность к друзьям* (Зощенко. Возвращенная молодость); *Она была стара и от природы глупа, поэтому и не догадалась, что нужно написать племяннице и завещать ей «Чернобульбы»* (Тэффи. Причины и следствия). В качестве основного объекта движимого имущества выступают деньги: *Они также интересовались, кому она собирается завещать свои деньги* (Евтушенко. Волчий паспорт); *Такой способ передачи капитала выгоднее, чем просто завещать их, потому что в случае смерти папы Ханта налог на наследство мог достигать огромных процентов* (Тарпищев. Самый долгий матч); *Теперь мне остается только завещать свои деньги Сергею Александрычу, пусть со временем выкупает заводы...* (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); а также необходимые бытовые предметы:

Потомки-то ведь тоже захотят искать и мыслить... или ты собираешься завещать им свой тулуп без права перешивки? (Леонов. Вор).

В качестве нематериальных объектов выступают абстрактные предметы, которые смогут повлиять на жизнь субъекта, который наследует. Эти объекты являются важными для передачи, завещания их не одному субъекту, а нескольким, с целью расширения круга людей, которые смогут воспользоваться духовным наследством: *Оставайся, мне надо завещать мудрому и трудолюбивому ученику дело жизни моей* (Вайнеры. Лекарство против страха); *Всего важнее, конечно, непрерывное умножение духовного наследия, но так как лишь немногим людям суждено завещать всемирному потомству прочные духовные приобретения, а нравственные требования одинаковы для всех, то за большинством людей остается право и обязанность заботы о материальном улучшении жизненных условий для своих личных преемников* (Соловьев. Оправдание добра).

Что касается объектов интеллектуальной собственности, то они мало представлены с данными глаголами: *У меня сохранились богатейшие архивы. Я хочу завещать их тебе. Там есть уникальные материалы* (Довлатов. Записные книжки); это связано с тем, что до двадцать первого века авторское право и передача его по завещанию, а соответственно наследование не были распространены.

Третий компонент модели – отношения отчуждения – репрезентируется непосредственно глаголом *завещать*. Категориально-лексическая сема в семантической структуре глагола *завещать* ‘окончание посессии’ представлена интегральными семами ‘способ окончания имени объекта в сфере субъекта’, ‘характер окончания имени объекта в сфере субъекта’, ‘характер второго лица, участвующего в ситуации’. Релевантной интегральной семой является сема ‘характер окончания имени объекта в сфере субъекта’, так как именно она показывает, что происходит, как правило, сознательная передача (отчуждение) объекта. Интегральная сема ‘характер второго лица,

участвующего в ситуации' также является важной, поскольку при передаче объекта происходит смена собственника. Данная сема может быть представлена дифференциальными признаками одушевленный, конкретный, пассивный: *Теперь мне остается только завещать свои деньги Сергею Александрычу, пусть со временем выкупает заводы...* (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); таким образом, происходит смена собственника.

Рассмотрим последний компонент модели в рамках экстравектора – конситуация осуществления отчуждения. Анализ фактического материала свидетельствует о том, что конситуация включает следующие лингвокультурные характеристики: **детерминированность, обстоятельства.**

Детерминированность:

– независимость от субъекта: – *Тогда, обратившись к своим друзьям, философ сказал, что, так как ему не позволено завещать им его имущество, у него все же остается одна вещь, может быть самая драгоценная, а именно образ его жизни, любовь к науке и привязанность к друзьям* (Зощенко);

– зависимость от субъекта: – *Но почему Марфа решила завещать все Люсе и Насте?* (Донцова. Доллары царя Гороха); *Она плачет перед фотографией сына, хочет менять квартиру, чтобы адреса никто не знал, и уже завещала свое жилище матери* (Петрушевская. Западня);

– необходимость: *Оставайся, мне надо завещать мудрому и трудолюбивому ученику дело жизни моей* (Вайнеры. Лекарство против страха);

– желание: *У меня сохранились богатейшие архивы. Я хочу завещать их тебе. Там есть уникальные материалы* (Довлатов. Записные книжки);

– вынужденность: *Теперь мне остается только завещать свои деньги Сергею Александрычу, пусть со временем выкупает заводы...* (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

Обстоятельства:

– осознанность: *Она решила завещать его на учреждение одной или двух стипендий в том институте, который дал ей приют* (Салтыков-Щедрин.

Мелочи жизни); *Хочу завещать мой скелет в академию, но с тем, с тем, однако, чтобы на лбу его был наклеен навеки веков ярлык со словами: «Раскаявшийся вольнодумец»* (Достоевский. Бесы).

– невыгодность: *Такой способ передачи капитала выгоднее, чем просто завещать их, потому что в случае смерти папы Ханта налог на наследство мог достигать огромных процентов* (Тарпищев. Самый долгий матч).

В английском языке рассматриваемая антиномия представлена более обширно – глаголами *to inherit, to derive, to take by inheritance / to bequeath, to devise, to will*. Глагол *to inherit*, как и глагол *to derive* (наследовать), репрезентируют интравектор модели.

Рассмотрим глаголы, репрезентирующие интравектор: *to inherit, to derive, to take by inheritance*. Глагол *to inherit* (наследовать) и конструкция *to take by inheritance* (получать в наследство) являются ключевыми для выражения приобщения объектов в рамках анализируемой антиномичной модели. Глагол *to derive* (наследовать, приобретать) в своем основном значении «*obtain something from (a specified source)*» – букв. *получить что-то из...* (Oxford 2000:235) не передает ситуацию приобщения объекта через наследование, но в контексте к основному значению может добавляться признак – приобщение объекта через наследование: *Although the Doctor's daughter had known nothing of the country of her birth, she appeared to have innately **derived from** it that ability to make much of little means, which is one of its most useful and most agreeable characteristics* (Dickens. The Tale of two Cities) – *Хотя дочь доктора не знала страны, где она появилась на свет, она, по-видимому, наследовала от нее природный дар особого умения достигать многого при небольших средствах, что является одним из самых полезных и приятных свойств ее соотечественников*. Таким образом, базовым для данной модели является глагол *to inherit*.

При характеристике первого компонента модели в рамках интравектора – субъекта приобщающего, можно отметить, что, как и в русском языке, он

может быть одушевленный, конкретный, активный. При глаголах *to inherit, to derive* (наследовать) субъект может быть выражен как пассивный, в связи с тем, что им не предпринимаются никакие действия для получения объекта: *The pearl necklace and bracelets which I inherited from mama...* (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – Ожерелье и браслеты, которые я унаследовала от мамы. В отличие от России, в английском наследственном праве на протяжении девятнадцатого-двадцатого веков не происходили изменения, связанные с гендерным аспектом при выявлении наследников: *But this! "Inherited," his girl had said. She – she was "holding on"!* (Galsworthy. To Let) – Но тут! «Унаследовала», – сказала Флер. Она – она будет крепко держаться своего! *He had capitalized the income he had inherited from his mother's father and joined Lloyd's as an underwriter; he painted pictures, too – water– colours* (Galsworthy. The Man of Property) – Он превратил в наличные деньги то, что наследовал от деда со стороны матери, и поступил к Ллойд-страховым агентом; кроме того, занимался живописью – писал акварели.

Второй компонент модели представлен материальными и нематериальными объектами. К материальным объектам относятся земля, здания, имущество, материальные ценности: *I inherited all the property from my child* (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – Я наследовал все мое имущество от моего ребенка; *She inherits all her clothes from her older sisters* (Galsworthy. To Let) – Она наследует всю одежду от старших сестер; *Dear me! It is a stake for which a man might well play a desperate game. And one more question, Dr. Mortimer. Supposing that anything happened to our young friend here – you will forgive the unpleasant hypothesis! – who would inherit the estate?"* (Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles) – Боже мой! Действительно, ради такого огромного куша можно начать рискованную игру. Еще один вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим юным другом что-нибудь случится... гипотеза не из приятных, но вы уж меня простите. Кто тогда наследует поместье?

Объект может иметь абстрактный характер, когда речь идет о приобщении, наследовании субъектом каких-либо качеств, возможностей для себя: *The State should do its business without prejudicing in **any way the natural advantages which he had inherited*** (Galsworthy. In Chancery) – *Государству следует делать свой бизнес, не нанося ущерб естественным преимуществам, которые он унаследовал*; *From their father, the builder, **they inherited a talent for bricks and mortar*** (Galsworthy. The Man of Property) – *От отца-строителя Форсайты унаследовали таланты по части кирпича и известки*; *Jolly gave him that direct upward **look of judgment which he had inherited** from old Jolyon* (Galsworthy. In Chancery) – *Джолли смерил его пристальным неодобрительным взглядом, который он унаследовал от старого Джолиона*.

Следующим структурным компонентом модели является посессивное действие-процесс, который представлен глаголом *to inherit*. В качестве категориально-лексической семы выступает сема ‘вступление в посессию’. При анализе семантической структуры глагола *to inherit* актуализируется интегральная сема ‘характер приобщения’ в дифференциальном признаке ‘приобщение как обладание объектом’ и сема ‘характер второго лица, участвующего в ситуации’, который, как правило, согласен на передачу объекта субъектом, при этом передающий субъект сознательно теряет статус посессора: *Riches became mine, wealth poured in upon me, and I rioted in pleasures enhanced a thousandfold to me by the consciousness of my well-kept secret. I inherited an estate. The law — the eagle-eyed law itself — had been deceived, and had handed over disputed thousands to a madman's hands* (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – *Я разбогател, мне достались большие деньги, и я предался развлечениям, прелесть которых увеличивалась в тысячу раз благодаря моей тайне, столь искусно хранимой. Я унаследовал поместье. Правосудие – даже само правосудие с орлиным оком – было обмануто и в руки сумасшедшего отдало оспариваемое наследство*.

Рассмотрим последний компонент модели. Фактический материал свидетельствует о том, что конситуация в рамках интравектора включает следующие лингвокультурные характеристики: **детерминированность, внутреннее состояние.**

Детерминированность:

– независимость от субъекта: *Even that was some distinction to inherit!* (Galsworthy. To Let) – *Все-таки почет – и даже по наследству передается;*

– наличие права: *"Dear me! It is a stake for which a man might well play a desperate game. And one more question, Dr. Mortimer. Supposing that anything happened to our young friend here – you will forgive the unpleasant hypothesis! – who would inherit the estate?"* (Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles) – *Боже мой! Действительно, ради такого огромного куша можно начать рискованную игру. Еще один вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим юным другом что-нибудь случится... гипотеза не из приятных, но вы уж меня простите. Кто тогда наследует поместье?; If it were a girl, it was to inherit the money unconditionally; but if a boy, only on the stipulation that in his minority he should never have stained his name with any public act of dishonour, meanness, cowardice, or wrong* (Dickens. Oliver Twis) – *Если бы родилась девочка, она должна была унаследовать деньги безоговорочно; если мальчик, то лишь при условии, что до совершеннолетия он не запятнает своего имени никаким позорным, бесчестным, подлым или порочным поступком.*

– желание: *She would like to inherit all her clothes from her older sisters* (Filding. Bridget John's Diary) – *Она бы хотела получить в наследство всю одежду своих сестер;*

– выгода: *But the fact is, that being, as I am, to inherit this estate after the death of your honoured father (who, however, may live many years longer), I could not satisfy myself without resolving to choose a wife from among his daughters, that the loss to them might be as little as possible, when the melancholy event takes place – which, however, as I have already said, may not be for several years* (Austen. Pride

and Prejudice) – Суть дела в том, что после смерти вашего высокочтимого батюшки (да проживет он еще многие лета!) мне предстоит **унаследовать** его имение. И дабы успокоить в этом отношении мою цепетильность, я решил сделать своей женой одну из его дочерей. Я бы хотел, чтобы они как можно меньше почувствовали потерю тогда, когда произойдет, увы, столь печальное событие, которое, однако, как я уже говорил, может совершиться еще очень не скоро.

Внутреннее состояние:

удовлетворенность: *'Riches became mine, wealth poured in upon me, and I rioted in pleasures enhanced a thousandfold to me by the consciousness of my well-kept secret. I inherited an estate. The law – the eagle-eyed law itself – had been deceived, and had handed over disputed thousands to a madman's hands* (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick) – *Наконец, я разбогател, мне достались большие деньги, и я предался развлечениям, прелесть которых увеличивалась в тысячу раз благодаря моей тайне, столь искусно хранимой. Я унаследовал поместье. Правосудие – даже само правосудие с орлиным оком – было обмануто и в руки сумасшедшего отдало оспариваемое наследство; She was glad she had inherited Ellen's slender white hands and tiny feet, and she wished she had Ellen's height, too, but her own height pleased her very well* (Austen. Pride and Prejudice) – *Ее радовало, что она наследовала от Элли, тонкие, длинные кисти рук и маленькие ступни, и, конечно, ей хотелось бы стать такой же высокой, как Элли, но в общем она была вполне довольна своим ростом.*

Конверсивы *to bequeath* (завещать), *to devise* (завещать) отражают экстравектор рассматриваемой модели. Данные глаголы отличаются сферой употребления: так, глагол *to devise* характерен больше для ситуаций, выражающих правовые отношения между субъектом и объектом, или между субъектами: Law. «Leave (something, especially real estate) to someone by the terms of a will» – букв. Оставлять что-то (особенно имущество) кому-то в результате волеизъявления: *All the residue of my estate, including real and*

*personal property, I give, **devise and bequeath** to Earlham College* (Oxford 2000: 24); где глаголы *to devise* and *to bequeath* выступают в качестве синонимов, при этом глагол *to devise* передает процесс наследования объектов личного имущества, а глагол *to bequeath* – преимущественно объектов, связанных с абстрактными ценностями. При анализе фактического материала нами было отмечено, что данные глаголы зачастую взаимозаменяемы.

Субъект при данных глаголах представлен как одушевленный, активный, конкретный. Именно через его волеизъявление (завещание – inheritance) субъект наследует имущество: *He **had bequeathed** the whole of his, and what had been her, moveable property, to his father: the poor creature was threatened, or coaxed, into that act during her week's absence, when his uncle died* (Brontë. *Wuthering Heights*) – *Все свое имущество и то, что было раньше движимым имуществом его жены, он завещал своему отцу, несчастного угрозами и уговорами принудили к этому за неделю ее отсутствия, когда умирал его дядя.*

В отличие от русского языка, в семантике английских глаголов заложена сочетаемость с объектами. Так, объекты, относящиеся к движимому имуществу, лексические сочетаются с глаголом *to bequeath*: *Of this **he bequeathed the interest of one thousand** to Mr. Peggotty for his life; on his decease, the principal to be equally divided between Peggotty, little Emily, and me, or the survivor or survivors of us, share and share alike* (Dickens. *David Copperfield*).

Объектами, относящиеся к недвижимому имуществу, сочетаются с глаголом *to devise*. В английской правовой системе лица, которые приобрели имущество по завещанию, именуется *devisees*, если речь идет о реальном (недвижимом) имуществе: *Of course, it was not possible **to devise all his estate** to her...* (McEwan. *Solar*). При данном глаголе объект может иметь расширенный, абстрактный характер. Субъект может завещать свои знания, навыки: *As for Roger, the “original” of the brothers, he had been obliged to invent a locality of his own and with an ingenuity worthy of a man who had **devised a new profession** for his sons...* (Galsworthy. *The Man of Property*).

Говоря о третьем компоненте модели, посессивном отношении (действию)-отчуждении, можно отметить, что глагол передает посессивную ситуацию, при которой субъект, как правило, сознательно передает объект владения, при этом теряя статус посессора. Рассматривая семантическую структуру глаголов *to bequeath*, *to devise*, мы выделяем категориально-лексическую сему 'окончание посессии'. Релевантными являются интегральная семы 'характер окончания объекта в сфере субъекта', реализующаяся в дифференциальном признаке 'сознательное отчуждение'; интегральная сема 'характер второго лица, участвующего в ситуации' также релевантна в связи с тем, что происходит смена собственника: *She bequeathed all her property equally among her children* (Filding. *The Bridget John's Diary*) – *Она завещала все свое имущество всем своим детям*; в данном примере произошла смена собственника от матери – детям.

Конситуация в рамках экстравектора в английском языке представлена следующими лингвокультурными характеристиками: **детерминированность, обстоятельство.**

Детерминированность:

– независимость от субъекта: – *Three girls, the two eldest sixteen and fourteen, was an awful legacy for a mother to bequeath, an awful charge rather, to confide to the authority and guidance of a conceited, silly father* (Austen. *Persuasion*) – *Мать была вынуждена завещать в наследство трех дочерей, из которых старшим шестнадцать и четырнадцать лет; подлинное наказание передавать их руководству и попечениям глупого, суетного родителя.*

– зависимость от субъекта: *'Her affection for him was still the chief sentiment in her heart; and he spoke without anger: he spoke in the deep tenderness of one about to leave his treasure amid perils and foes, where his remembered words would be the only aid that he could bequeath to guide her* (Brontë. *Wuthering Heights*) – *Любовь к отцу была все еще главным чувством в ее сердце, он говорил без гнева, он говорил с глубокой нежностью, – как тот, кому вскоре предстоит*

оставить любимую дочь, окруженной опасностями и врагами, среди которых его наставления будут единственной опорой, какую он может ей **завещать**, чтобы она руководилась ими в жизни;

– необходимость: – *Three girls, the two eldest sixteen and fourteen, was an awful legacy for a mother to **bequeath**, an awful charge rather, to confide to the authority and guidance of a conceited, silly father* (Austen. Persuasion) – Нелегко матери **завещать** в наследство трех дочерей, из которых старшим шестнадцать и четырнадцать лет; подлинное наказание передавать их руководству и попечениям глупого, суетного родителя.

– желание: *Providence has blessed my endeavours to secure a competency; and as I am unmarried and childless, I wish to adopt her during my life, and **bequeath** her at my death whatever I may have to leave* (Brontë. Jane Eyre) – Провидение благословило мои труды, и я приобрел состояние, а так как я не женат и бездетен, то хотел бы усыновить ее при своей жизни и хотел **завещать** ей все, что после меня останется.

Обстоятельства:

– осознанность: " *All the rest of my property of whatsoever description I **bequeath** to my Trustees upon Trust to convert and hold the same upon the following trusts namely* (Galsworthy. To Let) – «Все остальное мое имущество по прилагаемой к сему описи я завещаю моим душеприказчикам по доверию реализовать и вырученные суммы держать на хранении согласно следующим доверениям.

Таким образом, при сопоставительном анализе посессивной антиномичной модели «наследование-завещание» в русском и английском языках можно выделить различия при репрезентации экстравектора. В английском языке глаголы *to bequeath* и *to devise* четко разграничиваются. Глагол *to bequeath* употребляется только если речь идет о завещании движимого имущества, глагол *to devise* – при завещании недвижимого имущества.

Различия можно отметить также в рамках интравектора при анализе первого компонента модели – субъекте. В английском языке на протяжении девятнадцатого-двадцать первого веков не происходит изменений в субъекте наследственного права с точки зрения гендерного аспекта. В то время как в русском языке в результате исторических изменений в двадцатом веке в праве наследования предпочтение отдается лицам мужского пола.

В процессе репрезентации установленной модели «наследовать – завещать» в сопоставляемых языках отмечены сходные и различающиеся лингвокультурные характеристики, в частности, в русском языке в рамках интравектора выявлены такие характеристики, как доказательство, необходимость, зависимость от субъекта (детерминированность), трудности (обстоятельства), ключевыми являются следующие лингвокультурные характеристики: счастье, обреченность (внутреннее состояние), встречающиеся наиболее часто в фактическом материале русского языка и составляющие 30% от общего объема; в английском – выгода (детерминированность), наличие права (обстоятельства) – 15% представленности в анализируемом фактическом материале.

В рамках экстравектора в русском языке – вынужденность (детерминированность), невыгодность (обстоятельства); в фактическом материале английского языка наиболее часто встечается лингвокультурная характеристика – зависимость от субъекта (15% от общего массива фактического материала).

2.3 Посессивная антиномичная модель «выигрывать – проигрывать»

Языковыми репрезентантами данной модели являются глаголы-конверсивы *выиграть (выигрывать) – проиграть (проигрывать)*. Глагол *выиграть* характеризует интавектор модели, указывая на вступление в посессию с помощью специальных действий или средств.

Остановимся на характеристике первого компонента – субъекте приобщающем. Субъект может быть одушевленный, конкретный, активный. Для получения объекта в свою собственность субъект предпринимает определенные действия: *Это бы, пожалуй, ничего, оно так и должно быть; но ведь он выиграл на его счет* (Гончаров. Обыкновенная история).

Вторым компонентом рассматриваемой модели является объект приобщения. В качестве объектов нами выделяются материальные (конкретные) и нематериальные (абстрактные).

В качестве материальных объектов выступают **денежные средства, земля, квартира, имущество**: *Поставите тридцать копеек, а выиграть можете «Волгу» за шесть тысяч...* (Вайнеры. Я следователь); *На эту же облигацию можно выиграть пятьдесят тысяч* (Ильф, Петров, Двенадцать стульев); *Кроме нищеты, стояло нечто безмерно серьезнейшее, – не говоря уже о том, что все еще была надежда выиграть процесс о наследстве, затеянный уже год у Версилова с князьями Сокольскими, и Версиров мог получить в самом ближайшем будущем имение, ценностью в семьдесят, а может и несколько более тысяч* (Достоевский. Подросток).

Объект может иметь собирательный, абстрактный характер, когда речь идет о приобщении субъектом качеств, каких-либо возможностей для себя: *Чтобы выиграть время, я попросил моих близких принести Твардовскому промежуточный, не вполне оконченный вариант месяцем раньше с таким письмом, якобы из рязанского леса* (Солженицын. Бодался теленок с дубом); *Вообще, надо было хотя бы затянуть дело, чтобы выиграть время* (Сологуб. Королева Ортруд); *Взять крепость не трудно, трудно кампанию выиграть* (Толстой. Война и мир). В приведенных примерах субъект стремится получить в свое владение абстрактный объект (время), получение которого поможет реализовать дальнейшие планы.

Следующим структурным компонентом модели выступает посессивное отношение-приобщение, которое непосредственно выражено глаголом. В

качестве категориально-лексической семы выступает сема 'вступление в посессию'. Данная сема представлена интегральными семами: 'средство приобщения', 'цель приобщения', 'характер приобщения', 'характер второго лица, участвующего в ситуации'. Интегральная сема 'цель приобщения' реализуется в дифференциальном признаке 'получение объекта', интегральная сема 'характер приобщения' в дифференциальном признаке 'непредсказуемый', интегральная сема 'характер второго лица, участвующего в ситуации' в семантической структуре данного глагола нерелевантна.

В процессе функционирования в тексте в семантической структуре глагола *выиграть* (*выигрывать*) актуализируется интегральный признак 'средство приобщения', который может быть реализован в дифференциальном признаке 'денежные средства', когда речь идет о получении объекта благодаря использованию денежных средств, и дифференциальном признаке 'с помощью усилий', когда речь идет о приобщении субъектом объектов, требующих применение определенных усилий: *Он, когда приезжал на Кавказ по делам, заходил ко мне советоваться, я ему одно дело ещё помог выиграть...* (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *По тону ее слов я тогда же заметил, что у ней какая-то серьезная забота, а не просто желание выиграть деньги* (Достоевский. Игрок).

Рассмотрим четвертый компонент модели – конситуация приобщения, которая представлена следующими лингвокультурными характеристиками: **причина, количество, обстоятельства, внутреннее состояние.**

Причина:

– возможность обогатиться: *Поставите тридцать копеек, а выиграть можете «Волгу» за шесть тысяч...* (Вайнеры. Я, следовательно...);

– целеустановка: *И последнее время язвила его мысль: не только выиграть третью мировую войну, но совершить ещё один научный подвиг, внести свой блистающий вклад в какую-нибудь ещё из наук, кроме философских и исторических* (Солженицын. В круге первом);

– необходимость: *В воскресенье большие национальные гонки. Вы должны их **выиграть**. Я сам пойду с вами, и на этот раз мистер Болдуин будет посрамлен.* (Некрасов. Приключения капитана Врунгеля); *Однако ж у меня было ее поручение — выиграть на рулетке во что бы ни стало* (Достоевский. Игрок);

– желание: *По тону ее слов я тогда же заметил, что у ней какая-то серьезная забота, а не просто желание **выиграть деньги*** (Достоевский. Игрок); *Он вспомнил, как она прихорашивалась после завтрака, вспомнил, что она обычно кончала завтракать позже их, а сегодня кончила раньше, и все потому, что хотела **выиграть** время для своего туалета, чтобы лучшим образом предстать перед этим красавчиком* (Искандер. Морской скорпион);

Количество:

– много: – *Кручу, верчу, много **выиграть** хочу, – вдруг проскрипел наперсточник* (Пелевин. Желтая стрела);

Обстоятельства:

– неожиданно: – *Monsieur a gagne deja cent mille florins, – раздался подле меня чей-то голос. – Господин выиграл уже сто тысяч флоринов. Я вдруг очнулся. Как? я выиграл в этот вечер сто тысяч флоринов! Да к чему же мне больше?* (Достоевский. Игрок); *Поставите тридцать копеек, а **выиграть** можете «Волгу» за шесть тысяч...* (Вайнеры. Я следователь);

– усилия: *Он старался **выиграть** время, чтобы дать возможность подоспеть Любишкину с бригадой, но бабы окружили его, оглушительно крича, поддерживаемые сочувственным молчанием казаков* (Шолохов. Поднятая целина);

– трудности: *Первые пятнадцать партий он выиграл без всякого труда, ни минуты не думая над ходом, во время шестнадцатой он вдруг стал думать и **выиграл с трудом** ...* (Набоков. Защита Лужина);

– везение: *Хотел **выиграть** для тебя в казино, играл на твое счастье, чтобы нам в Петербурге было еще веселее* (Гуль. Азеф).

Внутреннее состояние:

– надежда: *Комягин скромно сообщил, что он надеется **выиграть** по займу несколько тысяч рублей и тогда одумается от мыслей и закончит все начатые дела* (Платонов. Счастливая Москва); – *А так, Марта: покупающий билет всегда хочет и надеется **выиграть*** (Грин. Дорога никуда);

– озабоченность: *По тону ее слов я тогда же заметил, что у ней какая-то серьезная забота, а не просто желание **выиграть деньги*** (Достоевский, Игрок); *Объяснение всему происходившему пришло как-то утром, когда он сидел на стуле посреди номера и старался сосредоточить мысль только на одном: вчера сделан десятый пункт, сегодня предстоит **выиграть** у Мозера* (Набоков. Защита Лужина).

В рассматриваемой антиномии *выигрывать – проигрывать* конверсив *проигрывать* выражает экстравектор модели. Объект при данном глаголе отчуждается навсегда и порой не по воле субъекта. Глаголы передачи, к которым относится и глагол *выигрывать*, рассматриваются в научной литературе с различных точек зрения. По мнению Т.Г. Карповой, они относятся к периферии поля посессивности, так как на первый план выдвигается результат действия, а не сам факт обладания, который является второй ступенью (Карпова 2004). Субъект теряет статус посессора не по своей воле или желанию.

Первый компонент модели – субъект отчуждения – представлен как одушевленный, активный, конкретный: *На прииске он **проиграл битву**, но это была не последняя битва* (Шаламов. Колымские рассказы). Объекты отчуждения в рассматриваемой посессивной ситуации представлены в большей степени как материальные: *А однажды ухитрился **проиграть целый гривенник**, данный мне на поминание и просфору, так что уж пришлось стащить чужую просфору с блюда, которое дьячок вынес из алтаря* (Горький. В людях); *Как и всегда. Он не может **проиграть** и сегодня. Он непременно выиграет* (Устинова. Большое зло и мелкие пакости). Объекты

нематериального (абстрактного) характера при данном глаголе представлены немногочисленно: *Но, сообразив, что химики вовсе не собираются затевать разборку, а просто хотят посостязаться с мастером языка, которому не обидно и проиграть, он успокоился* (Пелевин. День бульдозериста).

Рассматривая структурный компонент модели «посессивное отношение» отметим, что релевантной интегральной семой в семантической структуре глагола является ‘средство окончания имени объекта в сфере субъекта’, которая реализуется в дифференциальном признаке ‘посредством игры’. В связи с этим объекты, которых лишается субъект, имеют материальный характер. В игре субъект редко может предугадать результат, она в большей степени носит случайный характер, в связи с чем, потеря объектов происходит вопреки желанию посессора, таким образом, интегральная сема ‘характер окончания имени объекта в сфере субъекта’ реализуется в дифференциальном признаке ‘случайный’. В случае если объект имеет абстрактный характер – *проиграть время, проиграть спор* и др., актуализируется дифференциальный признак ‘посредством определенных действий’.

Следующий компонент модели конситуация осуществления отчуждения представлен следующими характеристиками: ***обстоятельства, сопровождающие эмоции, причина, количество.***

Обстоятельства:

– ненамеренно: *Сидит и режется, подлец, по огромному кушу, и с самым таким возмутительным для нашего брата-голяка спокойствием: «дескать, нам что проиграть, что выиграть – все равно: мы ведь это только для своего удовольствия, потому у нас житница уготована: пей, ешь и веселись»!* (Лесков. Бесстыдник); *Однажды при дворе она проиграла на слово герцогу Орлеанскому что-то очень много* (Пушкин. Пиковая дама)

– намеренно: *Вы знаете, он родного отца хотел продать или, еще лучше, проиграть в карты* (Гоголь. Мертвые души).

Количество:

– много: *После Крымской кампании, Павел Антоныч проиграл в карты почти все состояние и навсегда поселился в деревне* (Бунин. Танька);

Сопровождающие эмоции:

– равнодушие: *Тетка стала поэтому с неудовольствием принимать дядина приятеля, говоря: вы человек богатый, вам нечего не значит проиграть десять рублей, а у нас где деньги-то?* (Решетников. Между людьми);

– негативные: *Со слезами на глазах и угрызаемый совестью он писал, что оставшиеся после дороги из Москвы 172 рубля он имел неосторожность проиграть в карты Дзержинскому* (Чехов. Русский уголь); **Проиграл**, по обыкновению. *Надобно признаться, что я несчастлив: играю мирандолом, никогда не горячусь, ничем меня с толку не собьешь, а все проигрываюсь!* (Пушкин. Пиковая дама)

– ужас: *Я с ужасом ощутил и мгновенно сознал: что для меня теперь значит проиграть!* (Достоевский. Игрок); *ах! – чуть не крикнул Ростов, поднимая обе руки к волосам. Семерка, которая была нужна ему, уже лежала сверху, первой картой в колоде. Он проиграл больше того, что мог заплатить.* (Толстой. Война и мир)

Причина:

– наличие умения: *Вы ни в каком случае проиграть ведь не можете, в этом честью, честью клянусь, а совсем напротив, можете нажать тысяч шесть или семь вместо трех...* (Достоевский. Братья Карамазовы);

– слабость характера: *Он поставил 5 рублей на карту и проиграл, поставил еще и опять проиграл* (Толстой. Война и мир).

В английском языке данная антиномичная модель представлена глаголами *to win – to lose*. Глагол *to win* (*выигрывать*) репрезентирует интравектор модели.

При характеристике первого компонента модели – субъекте приобщения, можно отметить, что, как и в русском языке, он может быть одушевленный, конкретный, активный: *He bet more frequently, with single chips, scattered here*

*and there, and he lost more often than **he won*** (London. Smoke Bellew) – Он ставил чаще, но по мелкой, разбрасывая фишки по разным номерам, и больше проигрывал, чем **выигрывал**.

Второй компонент модели представлен материальными и нематериальными объектами. К материальным объектам относятся **денежные средства, имущество, материальные ценности**: *I hope you're going to help us **win the house** this year?* (Rowling. Harry Potter and Sorcerer's Stone) – *Надеюсь, ты собираешься помочь нам выиграть дом в этом году*; *George, who had laid off every penny, and a few besides, and stood **to win**, however it came out, grinned down on him from his bulky height, with the words: "So ho, my wild one!"* (Galsworthy. Forsyte Saga) – *Джордж, который откладывал каждый пенни, и несколько больше, и остался, чтобы выиграть, однако, оказалось, что он усмехнулся со словами: "Так, мой буйный!"*; *I just knew **you'd win**. When the hunch is right, you just can't **help winnin'*** (London. Smoke Bellew) – *Я только знал, что ты **выиграешь**. Когда предчувствие верно, ты не можешь не выиграть*.

В английском языке, в отличие от русского, глагол *to win* (*выигрывать*) не обладает широкой семантикой и употребляется, как правило, с объектами, имеющими материальный характер. Когда речь идет о карточной игре, игре в казино, представители английской лингвокультуры употребляют специальный глагол *to pick* (*выиграть*): *I've got my suspicions, but I'm not saying anything. You watch, Mr Keeper, be ready with the ball. Wait, I am going **to pick '26.'** Consider I've bet on it. Be ready, Mr Keeper – Now!* (London. Shorty Dreams) – *У меня есть подозрения, но я ничего не говорю. Смотрите, мистер Кипер, будьте готовы с мячом. Подождите, я собираюсь **выиграть '26'**. Я ставлю на него. Будьте готовы, мистер Кипер - Сейчас!* При игре в азартные игры употребляется конструкция *to play cards for stakes* (букв. *играть в карты на деньги*), где *stakes* — ставка, заклад.

Для передачи интравекторности отношения «приобщения субъектом нематериальных объектов» используются специальные конструкции: *to save time, to gain time, to play for time* (**выиграть** время): *'Let me in.' 'What?' 'He was playing for time I could tell* (Fielding. Bridget Jhon's Diary) – *"Впусти меня."* «Что?" Он тянул время; *Mr. Losberne, who appeared desirous of gaining time, recounted them at great length, and with much circumlocution* (Dickens. Oliver Twist) – *Господин Лосберн, который проявил желание **выиграть** время, рассказал им об этом с уклончивостью; As Mr. Muzzle uttered these words, he took a step or two towards the door; and, by way of **saving time**, began to pull off his coat as he walked along* (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – *Как только Mr. Muzzle произнес эти слова, он сделал шаг или два к двери, и, чтобы **выиграть** время, начал стягивать с себя пальто по дороге.* В качестве категориально-лексической семы глагола *to win* выступает сема 'вступление в посессию'.

В семантической структуре глагола *to win* (**выигрывать**) актуализируется интегральный признак 'цель приобщения', который реализуется в дифференциальном признаке 'получение объекта'. Релевантный для русского глагола интегральный признак 'средство приобщения' актуализируется в семантической структуре глагола *to win* через дифференциальный признак 'денежные средства': *You **won** a lot of money, didn't you?*" (Fowles. The Collector) – *Вы ведь **выиграли** очень много денег, правда?*

Проанализируем четвертый компонент модели – конситуацию приобщения, имеющую следующие лингвокультурные характеристики: **причина, обстоятельства, сопровождающие эмоции, внутреннее состояние.**

Причина:

– желание: *I hope you're going to help us **win** the house championship this year?* (Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone) – *Надеюсь, вы-то поможете нам **выиграть** кубок?*

– страстное желание (абстрактные объекты): *I had meant to be so good, and to do so much at Lowood: to make so many friends, to earn respect and **win** affection.* (Brontë. Jane Eyre) – Я так старалась быть послушной, я хотела так много сделать в Ловуде: найти друзей, заслужить (выиграть) уважение и любовь!

Обстоятельства:

– удача: *Must stop doing the Instants, but the trouble is I do quite often **win*** (Fielding. Bridget Jones's Diar) – Мне надо прекратить покупать билеты моментальной лотереи, но проблема в том, что я довольно часто **выигрываю**; *Half an hour went by, during which Smoke was inactive, then he placed ten dollars on '34' and **won*** (London. Smoke Bellew) – Прошло полчаса, в течение которых Смок не принимал участия в игре, затем он поставил десять долларов на номер 34 и **выиграл**;

– помощь другого субъекта: *I could almost **win** with it now* (London. Smoke Bellew) – Она уже сейчас может дать мне выиграть; *I hope you're going to help us **win the house** this year?* (Rowling. Harry Potter and Sorcerer's Stone) – Надеюсь, ты собираешься помочь нам выиграть дом в этом году;

– намеренно: *Here was something to live for, **to win to**, to fight for – ay, and die for* (London. Martin Eden) – Вот оно, ради чего стоит жить, бороться, **выигрывать**; *As Mr. Muzzle uttered these words, he took a step or two towards the door; and, by way of saving time, began to pull off his coat as he walked along* (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – Как только Mr. Muzzle произнес эти слова, он сделал шаг или два к двери, и, чтобы **выиграть время**, начал стягивать с себя пальто по дороге.

Внутреннее состояние:

– уверенность: *I just knew you'd **win**. When the hunch is right, you just can't help **winnin'*** (London, Smoke Bellew) – Я только знал, что ты **выиграешь**; *Wait, I am going to **pick '26.'** Consider I've bet on it. Be ready, Mr Keeper – Now!*

(London, Shorty Dreams) – *Подождите, я собираюсь **выиграть** '26 '. Я ставлю на него.*

Сопровождающие эмоции:

– безэмоциональность: *I bet he can **lose** or win **half a dozen million** without **batting an eye*** (London. Burning Daylight) – *Я думаю, он может проиграть или выиграть с полдюжины миллиона не моргнув глазом.*

Глагол *to lose* (*проигрывать*) передает экстравектор модели. Субъект при данном глаголе представлен как одушевленный, активный, конкретный. Субъект теряет статус посессора не по своей воле, а в результате определенных обстоятельств. Обращаясь к толковому словарю английского языка, можно отметить, что глагол *to lose* означает «потерю чего-то, что важно и необходимо»: *David's very upset about losing his job; Hundreds of people lost their homes in the floods* – *Дэвид был очень расстроен из-за потери работы; Сотни людей потеряли свои дома в результате наводнения* (Oxford 2000: 836).

Как и в русском языке, с данным глаголом представлены материальные объекты: *I bet he can **lose** or win **half a dozen million** without **batting an eye*** (London. Burning Daylight) – *Бьюсь об заклад, он может проиграть или выиграть с полдюжины миллиона не моргнув глазом; "I haven't got any. I always **lose money** if I bet."* (Galsworthy. In Chancery) – *У меня на этот счет нет никаких мнений; если я ставлю, я всегда **проигрываю**.* Как свидетельствуют примеры, глагол *to lose* передает в своем значении не просто проигрыш, а потерю чего-то важного для субъекта.

Объекты, имеющие нематериальный характер, немногочисленно представлены с анализируемым глаголом: *I shall always love you the same, Jon, whatever you do. You won't **lose anything*** (Galsworthy) – *Я всегда буду любить тебя, Джон, независимо, что ты делаешь. Ты ничего **не проиграешь** (потеряешь).*

Рассматривая третий компонент модели, можно отметить, что в семантической структуре глагола *to lose* релевантной интегральной семой

является ‘средство окончания имения объекта в сфере субъекта’, которая реализуется в дифференциальном признаке ‘посредством игры’, либо в дифференциальном признаке ‘посредством определенных действий’. Актуализируется также интегральная сема ‘характер окончания имения объекта в сфере субъекта’ в дифференциальном признаке ‘случайный’, так как субъект изначально не предполагает проигрывать.

Данная сема может быть выражена в дифференциальном признаке ‘закономерный’, когда речь идет о ситуации, при которой субъект заранее может предугадать свой проигрыш: *Leah believed if she let him do that, she would be lost* (Lee. Fugitive Bride) – *Лия знала, что если она уступит ему, то проиграет.* При анализе данного примера можно отметить, что субъект еще не проиграл, но заранее продумывает последствия своих действий.

При анализе последнего компонента модели – конситуации, сопровождающей отчуждение, нами выделяются следующие лингвокультурные характеристики: *обстоятельства, сопровождающие эмоции, внутреннее состояние.* Причины отмечены в единичных случаях.

Обстоятельства:

– ненамеренно: *"That's exactly the sort of thing that'll lose us the match* (Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone) – *Именно из-за этого мы и проиграем матч;*

– намеренно (осознавая последствия): *Only last Sunday dear Mr. Scole, had been so witty in his sermon, so sarcastic, "For what," he had said, "shall it profit a man if he gain his own soul, but lose all his property?"* (Galsworthy. The Man of Property) – *В прошлое воскресенье мистер Скоулз – милейший человек! – прочел такую блестящую, такую язвительную проповедь. «Ибо, – спросил он, – что обретет человек, если он спасет душу свою, но проиграет (потеряет) свое состояние?»*

Сопровождающие эмоции:

– равнодушие: *We will lose our shirts with equanimity* (Galsworthy. In Chancery) – **Проиграем** ли мы последнюю рубашку – нам все равно.

– безэмоциональность: *I bet he can lose or win half a dozen million without batting an eye* (London. Burning Daylight) – Бьюсь об заклад, он может проиграть или выиграть с полдюжины миллиона не моргнув глазом.

Внутреннее состояние:

– предчувствие: *“I haven't got any. I always lose money if I bet”* (Galsworthy. In Chancery) – У меня на этот счет нет никаких мнений; если я ставлю, я всегда **проигрываю**.

Итак, в отличие от русского языка, в английском языке наблюдаются некоторые закономерности в употреблении того или иного глагола с определенным типом объекта. Так, глагол *to pick* обозначает ситуацию по приобщению объектов материального характера, непосредственно касающихся азартных игр. Для того чтобы передать процесс приобщения субъектом абстрактных объектов (время), в английском языке используются специальные словосочетания: *to save time, to gain time, to play for time*.

Таким образом, сопоставительный анализ антиномичной модели «выигрывать-проигрывать» в русском и английском языках показал, что на протяжении девятнадцатого – двадцать первого веков не происходило изменение в рамках компонента *объект приобщения-отчуждения*, поскольку данная модель посессивных отношений связана в большей степени с объектами, касающимися сферы игры. При сопоставительном анализе выявлены различия в семантической структуре русского глагола *проигрывать* и английского *to lose*, передающих процесс окончания владения, которые связаны с различным отношением представителя русской и английской лингвокультур к потере собственности. Русский человек в большей степени азартен, что выражается в его отношении к собственности в процессе игры. Для носителя английского языка окончание владения объектом означает не просто проигрыш, а потерю объекта из своей сферы.

В процессе репрезентации установленной модели «выиграть – проиграть» в сопоставляемых языках отмечены сходные и различающиеся лингвокультурные характеристики, в частности, в русском языке в рамках интравектора выявлены такие характеристики, как возможность обогатиться, целеустановка, необходимость (причина), много (количество), неожиданно, усилия, трудности, везение (обстоятельства); в английском – страстное желание (причина), удача, намеренно (обстоятельства), уверенность (внутреннее состояние), сопровождающие эмоции (безэмоциональность); в рамках экстравектора в русском языке – наличие умения (причина); в английском языке – предчувствие (внутреннее состояние).

При этом в рамках интравектора в наибольшей степени встречаются такие характеристики, как **внутреннее состояние** – надежда, озабоченность (15% представленности в фактическом материале), разнообразные **причины** (*выиграть*) – 15% от общего массива материала, помощь другого субъекта (*to win*) – 12%; в рамках экстравектора – **внутреннее состояние**: равнодушие, негативные эмоции (*проиграть*) – 31% представленности в фактическом материале; **сопровождающие эмоции**: безэмоциональность (*to lose*) – 10%.

2.4 Посессивная антиномичная модель «собирать – утрачивать»

Категория посессивности включает в себя широкий спектр отношений. Приобщение объектов в сферу субъекта может происходить как кратковременно, так и постепенно, что находит отражение в соответствующей антиномии.

Для того чтобы передать ситуацию постепенного приобщения объектов в сферу субъекта носителями русского языка используются глаголы *собирать* (*собрать*), *заработать* (*зарабатывать*), *копить*, *накопить* (*накапливать*), *нажить* (*наживать*), которые репрезентируют интравектор модели «копить-тратить». Экстравектор данной модели репрезентируется глаголами *тратить*,

расходовать, издерживаться, транжирить, экономить, терять. Названная модель является вариантом инвариантной антиномичной модели «приобщение – отчуждение» и включает в себя следующие составляющие: субъект, объект, посессивное действие – процесс.

Остановимся на характеристике первого компонента модели в рамках интравектора – субъекте приобщающем. Субъект может быть одушевленный, конкретный, активный, поскольку именно им предпринимаются продолжительные действия для получения объекта в сферу своего владения: *Вскоре он начал **копить** и откладывать кое-какие рубли про черный день, как это делают в старости...* (Маканин. Голоса); *Он **копил** на мотоцикл, хотя потаскивал со шкафа на нужды дня.* (Петрушевская. Пчелка).

В качестве объектов могут выступать как материальные (денежные средства, имущество): *Человеку жить нечем, он начал **деньги копить**, собирать кое-что* (Платонов. Записные книжки); *Рассказал Панфил, что **копит деньги**, возьмет землю в аренду и думает жениться* (Шмелев. Неупиваемая чаша); *Прежде была очень жадна, все захватывала и **копила*** (Короленко. Письма 1893 г.); так и нематериальные (абстрактные): *Она уже помалкивает, сидит румяная и почти не реагирует на аргументы невестки. **Копит материал.** Потом все будет обдуманно* (Петрушевская. Рай, рай); *Она злилась на свою прилипчивую зрительную память, что без разбора **копит все увиденные лица.*** (Щербакова. Актриса и милиционер); *Его интересовали те люди, чьими трудами выявлялись могущественные свойства электричества – самой совершенной энергии, самой гибкой, способной перевоплощаться, **копить** и сохранять свою силу, передаваться на тысячи километров, светить, греть, плавить металлы, резать, вертеть, взрывать, говорить, разлагать вещества...* (Гранин. Искатели).

Объект может иметь расширенный характер при глаголе *собрать* (собирать): *Армянский патриарх, выпросив у папы полугодовую отсрочку, заковал себя в цепи и, оставив в заложниках всю свою общину, пошел по миру –*

собирать деньги (Рубина. Окна). С глаголом *собирать* используются также и абстрактные объекты: *Здесь только он начал **собирать мысли**, увидел в ясном и настоящем виде своё положение, стал разговаривать с собою уже не отрывисто, но рассудительно и откровенно, как с благоразумным приятелем, с которым можно поговорить о деле, самом сердечном и близком* (Гоголь. Шинель). В контексте актуализируется не только то, что объект носит абстрактный характер, но также усилия субъекта для приобщения объекта в свою сферу, таким образом, происходит уточнение вербализации интравекторности.

Остановимся на глаголе *нажить* (*наживать*), который выражает релевантное для носителей русского языка посессивное отношение, так как прямого эквивалента в английском языке мы не находим. Класс объектов при данном глаголе достаточно обширен. Субъект может приобщать в процессе жизнедеятельности ценности, денежные средства, определенные свойства: *А то как бы какого **греха не нажить**...* (Шолохов. Поднятая целина); *Краденое вы у меня отняли, стало быть – ничего вами не потеряно, – имение всегда новое можно **нажить**, а такого человека, как я, – где вам взять?* (Горький. Исповедь); *Вот она, на какого черта было наскочил», – подумал, заворачивая лыжи, Белоярцев и, возвратясь домой не в духе, объявил, что с этой девочкою много очень **хлопот можно нажить**: что взять ее из дому, конечно, можно, но что после могут выйти истории, весьма невыгодные для общего дела* (Лесков. Некуда); *Нужно было снова **нажить капитал**, чтобы выступить на другом поприще* (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы). Объект при данном глаголе может иметь также одушевленный характер. В процессе жизни субъект может приобщать в свою сферу как друзей, так и врагов: *Лишь сойдя на платформу, тот, постарше, пояснил из опаски **нажить врага** в пути* (Леонов. Вор); *Инда мурашки по спине побегут! Не **нажить такого барина!** А вас-то как любил – помяни, господи, его душеньку во царствии своем!* (Гончаров. Обломов).

Глаголы *копить*, *накопить* (*накапливать*) имеют более узкое значение, так как в качестве объекта при данных глаголах выступают, как правило, денежные средства: *Вскоре он начал копить и откладывать рубли про черный день, как это делают в старости; время, как известно, относительно, – жизнь Кольки Мистера кончалась, и потому в двенадцать лет он уже был и находился в своей старости* (Маканин. Голоса); *Сам он стыдился копить деньги и складывал их в сберегательную кассу по моей книжке* (Горький. Жизнь Клим Самгина).

С анализируемым глаголом представлены и нематериальные объекты абстрактного характера: *Поглянется, не поглянется какое слово старшого – не прекословить и зла никакого друг на дружку не копить* (Астафьев. Царь-рыба), а также объекты, связанные с интеллектуальной деятельностью: *Новых ставок на научную работу пока не давали, но Павлу Алексеевичу даже в самые тяжёлые времена удавалось вести научные наблюдения и копить кое-какие соображения, которые ждали своего часа* (Улицкаяю Казус Кукоцкого). Что касается объектов, передающих чувства, следует отметить, что они окрашены, как правило, негативно: *копить злость, ненависть, обиду* и др., вероятно, это связано с нежеланием демонстрировать открыто данные чувства, субъект их хранит их внутри себя.

Глаголы *копить*, *накапливать* передают ситуацию постепенного, а главное целеустремленного собирания объектов в определенном месте и хранения их для дальнейшего использования.

Глагол *заработать* (*зарабатывать*) также относится к глаголам, передающим ситуацию постепенного накапливания объекта в сфере субъекта. Важным является то, что субъект приобретает объект благодаря работе, труду, то есть, прилагая определенные усилия. Объект при анализируемом глаголе может быть представлен материальными и нематериальными объектами. В качестве материальных объектов выступают денежные средства: *Мне немножко жалко ловить пичужек, совестно сажать их в клетки, мне больше*

*нравится смотреть на них, но охотничья страсть и желание **заработать денег** побеждают сожаление (Горький. В людях); Я предлагаю **заработать побольше денег** и поехать на зимние каникулы в Москву...* (Железников. Чучело). Анализируя употребление данного глагола в текстах советского периода, можно отметить использование с данным глаголом нематериальных объектов: *Каждый оставшийся под оккупацией хотел всё-таки жить и поэтому действовал, и поэтому теоретически мог вместе с ежедневным пропитанием **заработать себе и будущий состав преступления**: если уж, не измену родине, то хотя бы пособничество врагу (Солженицын. В круге первом).* В данном случае можно говорить о том, что субъект не прилагает никаких усилий, а, напротив, не желает приобретения данного объекта. Объекты нематериального характера при данном глаголе могут быть как положительно окрашенными, так и негативно окрашенными, так, *заработать можно хорошую репутацию, авторитет, уважение* и др., с другой стороны, *заработать болезнь, дурную репутацию, дурную славу* и др.

Следующий структурный компонент модели в рамках интравектора – посессивное отношение. Анализируемые глаголы объединены общей категориальной семьей ‘собственно владение’. В семантической структуре глаголов *нажить (наживать), заработать (зарабатывать), копить, накопить* релевантной является интегральная сема ‘средство приобщения’, которая реализуется в дифференциальном признаке ‘с помощью определенных усилий’, где речь идет не только о профессиональной деятельности, но и о других видах деятельности, в результате которых субъект может получать объекты: *Для того ль, чтоб, их схоронив, **новых нажить** – жену да детей, и тоже потом без гроша и без куска оставить?* (Достоевский. Преступление и наказание).

В семантической структуре глагола *заработать (зарабатывать)* эксплицируется интегральная сема ‘способ приобщения’ в дифференциальном признаке ‘двунаправленный’, так субъект отдает определенное количество сил,

энергии, умений для получения необходимого объекта в свое владение: *Почти шесть десятков лет работал человек, приобрел всемирную славу, а – покоя душе не мог заработать* (Горький. Жизнь Клим Самгина).

Рассмотрим последний компонент модели – конситуация осуществления приобщения. Конситуация в рамках интравектора включает следующие лингвокультурные характеристики: **причина, обстоятельства, темпоральность, сопровождающие эмоции, внутреннее состояние, средство, количество.**

Причина:

– необходимость: *Жил он скупо: недоедал, недопивал, одевался бог знает как, словно нищий, и всё **копил** и клал в банк* (Чехов. Крыжовник); *Пусть у меня нет больших денег, сверкающей иномарки, норковой шубки и россыпи бриллиантов, пусть мне приходится частенько отказывать себе в обновках, пусть порой в моем кошельке свищет ветер, а на новые сапоги **приходится копить**, но я намного счастливее Сильвии, которая только что размахивала кошельком, туго набитым баксами* (Донцова. Микстура от косоглазия); *Вскоре он начал копить и откладывать рубли про черный день, как это делают в старости; время, как известно, относительно, – жизнь Кольки Мистера кончалась, и потому в двенадцать лет он уже был и находился в своей старости* (Маканин. Голоса);

– желание обогатиться: *Он бегал, жадно **копил** деньги – и нельзя было понять, во что больше он влюблен: в свою беготню или в те серебряные кружочки, что собирал за нее* (Бунин. Братья);

– цель: *И мы сбросились со стипендии, – целый месяц мечтали, **копили!*** (Рубина. На солнечной стороне улицы); *Мы с сыном давно хотели приобрести поддержанную автомашину, и с этой целью всей семьей в течение нескольких лет **копили** деньги* (Вайнеры. Я, следовательно...).

Обстоятельства:

– хлопоты: *С лета начинают **копить** пищу про бурлаков, значит, к вешнему сплаву (Мамин-Сибиряк. Бойцы); Тридцать лет **копила** деньги, за всех хлопотала... (Решетников. Кумушка Мирониха);*

– трудности: *Ради того, чтобы **скопить** на мотоцикл, мужик будет ходить в последних штанах (Распутин. Деньги для Марии).*

Темпоральность:

–долго: – *Отрицать старое – не значит еще создавать новое, – закончил Тонков этот мимолетный спор и далее, подведя философскую базу, обвинил Лобанова в отступлении от законов диалектики. Нужно **копить** факты скромно и осторожно. Сбирать факты, а не высасывать из пальца идеи, подобно идеалистам в физике (Гранин. Искатели); Он терпеливо **копил** деньги, отказывал себе во многом (Вайнеры. Я, следовательно...); Вскоре он **начал копить** и откладывать рубли про черный день (Маканин. Голоса); Самой замечательной способностью Шелехова было то, что, стоило ему только раз вырваться с прииска и попасть куда-нибудь в город, – он разом спускал все, что **копил** в течение нескольких лет (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).*

Сопровождающие эмоции:

– негативные: *Кузнецова четко знала: чтобы не **копить** зло, нужно иногда поскандалить для разрядки (Акимов. Плата за страну); Поглянется, не поглянется какое слово старшого – не прекословить и зла **никакого друг на дружку не копить** (Астафьев. Царь-рыба).*

Внутреннее состояние:

– скрытность: *Я стала быстро просчитывать в уме эту ситуацию, как это так, всю жизнь он **копил** детей на стороне, будучи женат на другой? (Петрушевская. Тайна дома); Сам он стыдился **копить** деньги и складывал их в сберегательную кассу по моей книжке (Горький. Жизнь Клима Самгина).*

Средства:

– усилия: *Я недоедал и недопивал на его службе, но зато **накопил** в пять месяцев семьдесят гульденов (Достоевский. Игрок); Вскоре он **начал копить** и откладывать рубли про черный день, как это делают в старости (Маканин. Голоса);*

– труд: *Хлеба Кузьма **зарабатывал** вдоволь, даже в неурожайные годы (Распутин. Деньги для Марии).*

Количество:

– много: *Много работал и хорошо зарабатывал (Распутин. Деньги для Марии); Я предлагаю **заработать побольше денег** и поехать на зимние каникулы в Москву... (Железников. Чучело).*

В связи с тем, что данная антиномичная модель не представляет четкой бинарной оппозиции, в качестве конверсивов могут быть рассмотрены несколько глаголов, репрезентирующих экстравектор модели: *тратить, расходовать, издерживаться, транжирить, экономить.*

Первый компонент модели – субъект отчуждающий – представлен как одушевленный, конкретный, активный: *Кажется, только теоретически, – скучающим жевательным движением ответил Рубин. – И безумно люблю **тратить деньги!** – Но их у вас... (Солженицын. В круге первом).*

Второй компонент модели представлен материальными и нематериальными объектами. Объект при глаголе *тратить* имеет неодушевленный конкретный характер, в роли объекта выступают денежные средства, которые субъект утрачивает в силу определенных обстоятельств: *Одним словом, приходилось **тратить полтора рубля там**, где у домовитого хозяина выходило не больше рубля (Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни); Вообще там денег **тратить не любили**, и как ни необходима была вещь, но деньги за нее выдавались всегда с великим соболезнованием, и то если издержка была незначительна (Гончаров. Обломов); Как трудно Лидии воспитывать дочь «в идеалах», когда приходится **тратить деньги** на спекулятивные джинсы (Щербакова. Ах, Маня...).*

Объект также может быть представлен нематериальными объектами, характеризующими интеллектуальную деятельность, чувства, которые субъект частично отчуждает от себя: *Больше тратить в себе ей нечего, все истратила – пусто* (Распутин. Последний срок); *Не будь соблазна собственности, не могли бы люди без смысла, без цели тратить все силы своей жизни на всё большее и большее приобретение имущества, которое не может быть употреблено, не могли бы люди, страдая от борьбы, вызывать ее в других* (Толстой. Христианское учение); *Если будете этим путем идти, тратить себя на модные вывески...* (Гончаров. Обрыв). При данном глаголе объект может иметь абстрактный характер: *Горько мне стало тратить попусту время и силы, горько почувствовать, что я опять и опять обманулся в своих ожиданиях* (Тургенев. Рудин); *Он шел твердо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца* (Гончаров. Обломов).

Немногочисленно представлен объект, имеющий одушевленный характер: *Не стану тратить людей, – говорил он самарским казакам, – а выморю город мором»* (Пушкин. История Пугачева).

В префиксальных глаголах *истратить, растратить, потратить* объект представлен как совокупный, речь идет о полной утрате объекта из сферы субъекта: *У меня не было повода потешаться над Грымом – моя лапочка успела так же хитро потратить все мои деньги, как его Хлоя, чем окончательно доказала, что сура не уступит живой женищине ни в чем* (Пелевин. S.N.U.F.F); *Мне очень хотелось повести Галю к Шипулинскому не потом, не завтра, а именно в этот холодный, ветреный вечер, именно сегодня растратить все деньги* (Беляев. Старая крепость).

Объекты при глаголах *расходовать, издерживать* также могут быть материальными и нематериальными: *Не могут ведь они свое время и терпение расходовать на ложную цель* (Токарева. Японский зонтик); *Перед простою*

*деревенскую девочкой, не выдавшею ни света, ни людей, пугливую, одичалою... я полагаю в вас столько самолюбия, что поймете, что публика слишком незавидна и не блестяща, что не стоит **издерживать перед нею столько ума и способностей** (Салтыков-Щедрин. Противоречия).*

Остановимся на характеристике третьего компонента модели – в семантической структуре глагола *тратить* релевантной является интегральная сема ‘способ отчуждения’, реализуемая в дифференциальном признаке ‘постепенное утрачивание объекта из сферы субъекта’. Интегральная сема ‘характер отчуждения’ может быть представлена как ‘целесообразный, желательный’ и ‘нецелесообразный, нежелательный’: *Глупо **тратить на сон восемь часов, треть жизни*** (Гранин. Зубр) – в данном случае субъект понимает нецелесообразный процесс траты; *Кажется, только теоретически, – скучающим жевательным движением ответил Рубин. – **И безумно люблю тратить деньги!** – Но их у вас...* (Солженицын. В круге первом) – в этом примере процесс траты носит желательный характер. В семантической структуре глагола *расходовать* выражен признак темпоральности: *Но я надеюсь, что ты позволишь мне на основании нашей старой дружбы подарить твоему милому мальчику вот этот рубль, который ты будешь **расходовать на его маленькие невинные забавы*** (Куприн. Юнкера).

В рамках экстравектора модели рассмотрим также глагол *терять* (*потерять*). В семантической структуре анализируемого глагола интегральная сема ‘способ окончания посессии’ реализуется в дифференциальном признаке ‘по небрежности’: *Одна из наших соседок часто **теряла очки** и звала меня **искать их***. (Искандер. Время счастливых находок), в этом случае утрата объекта происходит из-за небрежности, невнимательности. Интегральная сема ‘характер окончания посессии’ может быть выражена в дифференциальном признаке ‘незакономерный, случайный’: *На свидании **разбегаются мысли, теряешь, что хотел сказать, надо сейчас записать на бумажке, выучить, уничтожить*** (бумажку с собой взять нельзя), и только помнить: *восемь*

*пунктов, восемь – том, что возможен отъезд; о том, что срок не кончится на сроке – ещё будет ссылка; о том, что... (Солженицын. В круге первом); в данном случае объект имеет абстрактный характер, таким образом, процесс утраты объекта происходит не по воле или желанию субъекта-посессора. Если объект имеет одушевленный характер, что данная сема может реализовываться в дифференциальном признаке ‘закономерный’, как результат деятельности субъекта: *Так, в угоду собственному благополучию я, в сущности, пренебрёг, не скажу – дружбой, но добрыми отношениями с замечательным человеком, настоящей совестью нации. Потерял только я. До сих пор с горечью и болью вспоминаю об этом* (Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской).*

Глагол *экономить* занимает отдельное место в русском языке, он не является исконно русским и вошел в систему языка довольно поздно. В семантической структуре данного глагола актуализируются не качественные, а количественные характеристики объекта, однако, в отличие от глагола *тратить*, интегральный признак ‘способ отчуждения’ представлен как ‘постепенное утрачивание малой части совокупного объекта’ и, соответственно, ‘характер отчуждения’ определяется как ‘умеренный, целесообразный’: *Она видела, как он страдает оттого, что они **вынуждены экономить каждый рубль**, оттого, что живут в общежитии, и ее трогали эти тайные, милые доказательства его любви* (Гранин. Искатели); *Нет, право, смешно: **экономить**, рассчитывать, биться за **каждую копейку**, когда на твоих же глазах эта копейка, как по манию фокусника, сама лезет в купеческий карман* (Андреев. Иго войны); объект может носить также и абстрактный характер: *Но – многое делает меня благоразумным и **заставляет экономить силы*** (Короленко. Письма).

В рамках последнего компонента модели – конситуации – представлены следующие лингвокультурные характеристики: **причина, количество, сопровождающие эмоции, обстоятельства, внутренние качества.**

Причина:

– сильное желание: – *Кажется, только теоретически, – скучающим жевательным движением ответил Рубин. – И безумно люблю **тратить деньги!** – Но их у вас...* (Солженицын. В круге первом);

– желание обогатиться (с абстрактным объектом – силы, себя и т.п.): *Не будь соблазна собственности, не могли бы люди без смысла, без цели **тратить все силы своей жизни** на всё большее и большее приобретение имущества, которое не может быть употреблено, не могли бы люди, страдая от борьбы, вызывать ее в других* (Толстой. Христианское учение);

– порыв: *А он вдруг взял да и **потратил** все, то у него было ...* (Шукшин. Горе);

– цель: *При этом он скупно **тратил слова** и редко возвышал голос, но когда говорил, то солдаты окаменевали* (Куприн. Поединок)

– трудности, усилия: *Самому Румате пришлось в свое время **потратить** немало сил и золота, чтобы войти в контакт с этим человеком* (Стругацкие. Трудно быть богом);

– необходимость: *Враги пробились уже туда, и Любченеву приходилось **тратить** драгоценные заряды, неэкономно уничтожая нелюдей по одному.* (Елизаров. Pasternak).

Количество:

- много: *Он сердился на себя за то, что истратил на путешествие тысячу рублей* (Чехов. Палата № 6); *Все деньги свои **потратил**, хотел нажиться и пыль пустить* (Чехов. Степь).

Обстоятельства:

– нерезультативность: – *А я не могу после работы **тратить** силы на пустые разговоры* (Берсенева. Возраст третьей любви); *Но так и не раздобыл, – только напрасно истратил несколько месяцев – на получение ордера на эти валенки* (Бунин. Из воспоминаний); *и он подумал, что питье кофе – не такое уж замечательное событие, чтобы из-за него стоило делать озабоченное*

лицо, и что напрасно она потратила время на модную прическу, так как нравится тут некому и не для чего. (Чехов Дуэль);

– рациональность: *Настасья Тимофеевна (вздыхая). Не хочется зря деньги **тратить**, Андрюшенька... Нюнин (Чехов. Свадьба); – Деньги **тратить** не стану, положу на сберкнижку, пусть проценты растут (Донцова. Доллары царя Гороха);*

Сопровождающие эмоции:

– удовольствие: *Да уж что говорить, денег и времени на этот тихий, мирный отдел директор **тратил**, не жалея, – и отдел разрастался и расцветал всё больше: работали художники, скульпторы, резчики по дереву, появились красочные таблицы, бюсты антропоидов, макет пещерного медведя и макет саблезубого тигра (Домбровский. Хранитель древностей); Эти деньги он отделял на женщин и **тратил** их медленно, со вкусом, стараясь как можно более продлить и удешевить наслаждение (Куприн. Яма);*

– негативные (разочарование): *Горько мне стало **тратить попусту время и силы**, горько почувствовать, что я опять и опять обманулся в своих ожиданиях (Тургенев. Рудин).*

Внутренние качества:

– слабость: *... горожане **тратят** свою жизненную энергию, свое сердце и ум на карты... (Чехов. Палата № 6); Он имеет свои слабости, он не бережлив, не думает о черном дне, но это много ест, много пьет, **тратит** много чужих денег... (Чехов. У знакомых);*

– неумение: *Но дела у него шли плохо, он **потратил** все свои деньги на роскошную сервировку, обкрадывала его прислуга, и, запутавшись мало-помалу, он перешел на другую станцию (Чехов Убийство); Одним словом, приходилось **тратить полтора рубля там**, где у домовитого хозяина выходило не больше рубля (Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни);*

– глупость: ***Потратить** последние минуты перед расставанием на спор о каких-то рублях! (Гранин. Искатели);*

– хитрость: *На это отвечу уже в точности: **тратил** я бесплодные слова и драгоценное время, во-первых, из вежливости, а во-вторых, из хитрости: все-таки, дескать, заранее в чем-то предупредил* (Достоевский. Братья Карамазовы); ... *моя лапочка успела так же хитро **потратить все мои деньги**, как его Хлоя...* (Пелевин. S.N.U.F.F.).

Обратимся к фактическому материалу английского языка, где данная модель представлена глаголами-конверсивами *to save, to earn, to gain – to spend, to expend*.

Базовыми глаголами-репрезентантами в этой антиномичной модели являются *глаголы to save – to spend*.

Говоря о глаголах, выражающих ситуацию постепенного приобщения в английском языке, можно отметить, что они представлены немногочисленно. У представителей русской лингвокультуры процесс постепенного накапливания объекта в сфере субъекта выражен более детально благодаря таким глаголам, как *наживать, накапливать*. Для представителей английской лингвокультуры важен сам факт владения либо отчуждения объекта из своей сферы. В связи с этим глаголы *to save – to spend* обладают очень широкой семантикой. Согласно толковому словарю английского языка, *to save – «keep and store up (something, especially money) for future use: she had never been able to save much from her salary [no object]: you can save up for retirement in a number of ways»* (Oxford 2000: 685) – «хранить и копить (что-то, особенно деньги)»: *вы можете скопить на пенсию различными путями*. Данное значение не является основным. В своем основном значении глагол передает процесс хранения, что можно связать с процессом не столько постепенного накапливания, сколько бережного отношения, хранения.

Первый компонент модели – субъект приобщения – может быть одушевленный, конкретный, активный: *Throwin' good money after bad! We must save! Conserve energy that's the only way* (Galsworthy. In Chancery) – *Бросанье денег на ветер! Мы копить должны! Сохранять энергию – вот единственный*

выход. В редких случаях субъект может быть неодушевленный, абстрактный: *The Canyon was well feared, for it had collected its toll of dead from the passing gold-rushers* (London. Smoke Bellew) – Ущелье Ящик пользовалось дурной славой: здесь **смерть собирала** богатую дань с проезжающих золотоискателей.

С анализируемым глаголом представлены материальные и нематериальные объекты. В качестве материальных чаще всего выступают денежные средства. Актуализация значения происходит контекстуально, именно употребляемый с глаголом объект конкретизирует значение: *Dont you be afraid that I'll save it and spare it and live idle on it. There wont be a penny of it left by Monday: I'll have to go to work same as if I'd never had it* (Shaw. Pygmalion) – Вы, может, думаете, что я зажму их в кулак и стану жить на них понемножку, ничего не делая? Будьте уверены: к понедельнику от них ни пенни не останется, и я отправлюсь себе на работу, как будто у меня их никогда и не бывало, где выражение *I will save it* означает – «зажму в кулак, буду копить».

Встречаются также абстрактные объекты: *He concentrated himself upon his work and upon how to save time, pointing out to Martin where he did in five motions what could be done in three, or in three motions what could be done in two* (London. Martin Eden) – Весь сосредоточенный на работе, на том, как сэкономить время, он указывал Мартину, что там, где тот делает пять движений, довольно трех, а где три, хватит двух. Для того чтобы передать процесс накопления информации, знаний, работы, используется глагол *to accumulate*, который передает процесс постепенного приобщения и сохранения объекта, в данном случае информации: *You cannot give me too much work; to accumulate work has almost become a passion with me: my study is so full of it now, that there is hardly an inch of room for any more* (Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat (To Say Nothing Of The Dog) – Перегрузить меня работой невозможно; **набирать ее** стало моей страстью: мой кабинет так набит работой, что в нем не осталось ни дюйма свободного места.

Объект может иметь расширенный характер при глаголе *to collect* (собирать): *I was a grasshopper **collecting a big pile of grass**, or flies, or whatever it is grasshoppers eat ready for the winter, even if I didn't have a boyfriend* (Fielding. *Bridget Jones's Diary*) – Я, стрекоза, которая **собирает большую кучу травы**, или мух, или что там еще стрекозы заготавливают к зиме, пусть даже у меня и нет мужчины; *Sorry to quit you cold, but I got to traipse down to the Opera House and **collect my taxes**, – sugar* (London. *A Daughter of the Snows*) – Мне очень жаль, что приходится так скоро уходить, но я должен тащиться в бар **собирать сахар**. С глаголом *to collect* используются также и абстрактные объекты: *He paused after each sentence **to collect his failing strength*** (Conan Doyle. *The Adventure of the Dying Detective*) – Холмс останавливался после каждой фразы, чтобы **собраться с силами**. В контексте актуализируется не только то, что объект носит абстрактный характер, но также усилия субъекта для приобщения объекта в свою сферу, таким образом, происходит уточнение вербализации интравекторности.

В семантической структуре глагола *to save* релевантной является сема 'характер приобщения' – целесообразный, желательный, в русском языке для глагола *копить* актуальным является способ приобщения.

Прямого эквивалента русского глагола *нажить* в английском языке не обнаружено. Глагол *to gain* близок по значению: «*increase in value*» (Oxford 2000: 214) – букв. *увеличиваться в стоимости*, но в своем значении не передает процесса постепенности накапливания, темпоральной характеристики действия-процесса: " *Only one who has nothing to lose, and everything **to gain**, would commit such a crime* (Rowling. *Harry Potter and the Sorcerer's Stone*) – На подобное злодейство способен пойти только тот, кому нечего терять, но кто хочет **обрести (нажить) все**; *He jealously guarded the margin he had **gained**, for he knew there were difficult stretches to come* (London. *The Burning Daylight*) – Он ревниво берег **накопленный запас времени**, ибо знал, что впереди еще много миль трудного пути.

Следующий рассматриваемый глагол *to earn* (зарабатывать) в своем значении «*obtain (money) in return for labor or services: he earns his living as a lorry drivers*» (Oxford 2000: 124) – *получать деньги за работу и услуги: он зарабатывает на жизнь, работая водителем грузовика* выражает двунаправленный процесс, при котором человек получает необходимые объекты только благодаря труду или предоставляемым услугам. Объекты, представленные с этим глаголом, носят материальный характер – это, как правило, деньги, необходимые для жизни (*to earn for a living*): *Beg your pardon, sir, but this here officer o' yourn in the gambooge tops, 'ull never earn a decent living' as a master o' the ceremonies anywhere* (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – *Прошу прощенья, сэр, но этот ваш чин в непромокаемых сапогах никогда не заработает на приличную жизнь, если сделается где-нибудь церемониймейстером; The rest of them do earn their bread – you live on my charity!* (Bronte. Wuthering Heights) – *Все в доме хоть зарабатывают свой хлеб – ты у меня живешь из милости;* где выражение *to earn bread* синонимично конструкции *to earn for a living* – *зарабатывать на жизнь*.

В русском языке с глаголом *нажить* представлены и одушевленные объекты: *нажить врагов, нажить друзей*; в английском языке в такого рода конструкциях используются устойчивые сочетания: *to make friends, to make enemies* (букв. «сделать» *друзей, врагов*). В данных словосочетаниях акцент сделан на собственно владение объектами, на результате, а не на становлении данных отношений в течение длительного времени.

Проанализируем последний компонент модели в рамках интравектора – конситуацию приобщения в английском языке, которая включает следующие лингвокультурные характеристики: **причина, темпоральность, обстоятельства, средство.**

Причина:

– цель: *you can save up for retirement in a number of ways*» (Oxford 2000: 685) – *вы можете скопить на пенсию различными путями; Of course, he*

*cautioned himself, it would be slow succeeding at first, and for a time he would be content to **earn** enough money by his writing to enable him to go on studying (London. Martin Eden) – Конечно, тут нужен разгон, предостерег он себя, хорошо, если поначалу удастся **заработать** столько, чтоб можно было учиться дальше*

– необходимость: *We must **save!** Conserve energy that's the only way (Galsworthy. In Chancery) – Мы **копимь** должны! Сохранять энергию – вот единственный выход; The few of us that were well outside sat and wept in hiding, and cursed Smaug; and there we were unexpectedly joined by my father and my grandfather with singed beards. They looked very grim but they said very little. When I asked how they had got away, they told me to hold my tongue, and said that one day in the proper time I should know. After that we went away, and we have had **to earn our livings** as best we could up and down the lands, often enough sinking as low as blacksmith-work or even coalmining. But we have never forgotten our stolen treasure. And even now, when I will allow we have a good bit laid by and are not so badly off " – here Thorin stroked the gold chain round his neck—"we still mean to get it back, and to bring our curses home to Smaug – if we can (Tolkien. The Hobbit) – Мы, малочисленная горстка гномов, спасшихся в тот день, сидели в своём убежище и оплакивали судьбу, проклиная Смога. Вдруг вошли мой отец и дед с опалёнными бородами. Они были очень мрачны и неразговорчивы. Когда я спросил, как им удалось уцелеть, они велели мне помолчать и сказали, что в своё время я всё узнаю. Потом мы покинули эти края и, скитаясь с места на место, **зарабатывали себе на жизнь**, как могли: нам случалось даже браться за кузнечное ремесло или трудиться в угольных шахтах. Но об украденных у нас сокровищах мы помнили всё время. И даже сейчас, когда, признаюсь, мы отложили кое-что про чёрный день и уже не терпим нужды (тут Торин погладил золотую цепь, висевшую у него на шее), мы всё ещё полны решимости вернуть их обратно и отомстить Смогу, если удастся.*

Обстоятельства:

– специально: *"No; to save two and a half on the railroad ticket (London. Martin Eden) – Нет, сэкономлю два с половиной доллара на железнодорожном билете; It will save a few minutes and those few minutes may be precious (Gardner. The Case of the Blonde Bonanza) – Так мы сэкономим несколько минут, а они в дальнейшем могут сыграть роль.*

Темпоральность:

– постепенно: *Improve career and find new job with potential. Save up money in form of savings. Poss start pension-also (Fielding. Bridget Jones's Diary) – Заняться карьерой и найти новую работу с перспективой. – Копить деньги путем экономии. М. б., также начать откладывать на старость;*

Средство:

– труд: *The rest of them do earn their bread – you live on my charity! (Emily Bronte. Wuthering Heights) – Все в доме хоть зарабатывают свой хлеб – ты у меня живешь из милости; When she first arrived from Circle City, she had earned her living by washing clothes (London. The Burning Daylight) – Сперва она зарабатывала на жизнь стиркой белья.*

Конверсивами в данной антиномичной модели выступают глаголы *to spend, to expend*. Глагол *to spend* показывает, что процессом утрачивания владения является передача объектов, что отражено в семантике самого глагола – «*give (money) to pay for goods, services: the firm has spent 1100,000 on hardware*» – *давать деньги, чтобы оплатить товары, услуги и т. д.: фирма потратила сто тысяч фунтов на программное обеспечение (Oxford 2000: 698)*. В свою очередь глагол *to lose (терять)* передает ситуацию полной утраты субъектом объекта.

Первый компонент модели – субъект отуждающий – может быть одушевленный, конкретный, активный: *She would live fifteen or twenty years after he was gone, and might spend a lot of money; she had always had extravagant tastes (Galsworthy. In Chancery) – Она проживет еще пятнадцать – двадцать лет*

после него, **истратит** массу денег; у нее всегда были такие экстравагантные вкусы.

С анализируемым глаголом представлены материальные и нематериальные объекты. В качестве материальных чаще всего представлены денежные средства: *He had no time **to spend money**. He never saw the studio any more, nor entertained the local Bohemians with his famous chaff in – dish supper* (London. Smoke Bellew) – У него не было времени тратить деньги. Мастерскую он забросил и больше не угощал местную богему своими знаменитыми ужинами, состряпанными на жаровне. И все-таки у него вечно не было наличных денег; *Was it for this that he was going to **spend some ten thousand pounds**?* (Galsworthy. The Man of Property) – Ради этого он готов был **выбросить** десять тысяч фунтов? В данном контексте глаголом *to spend* передана высокая интенсивность производимого действия (**выбросить** деньги).

Для передачи отчуждения нематериального объекта используется глагол *to waste*: *We may **waste time** in following the wrong one, but sooner or later we must come upon the right* (Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles) – Мы можем **потратить лишнее время**, ухватившись не за ту нить, за которую следует, но рано или поздно найдем и нужную; *"I have no wish **to waste time** down here while the song is up!"* (Tolkien. The Hobbit) – У меня нет никакого желания **тратить время**, когда наверху идёт веселье!

Процесс постепенного отчуждения объекта в английском языке выражает глагол *to expend*, который немногочисленно представлен в фактическом материале: *I thus have no thought **to expend upon** the vital questions which surround me on every side* (Conan Doyle. The Man from Archangel) – Я, таким образом, не могу **тратить время** на размышление о мировых вопросах, с которыми мне приходится сталкиваться на каждом шагу; *Since the country has not yet become self-reliant in terms of energy, it still **expends** vast sums of money protecting energy supplies* (Oxford 2000: 56) – Так как страна еще не стала

уверенной в себе с точки зрения энергии, она все еще **расходуем (тратит)** обширные денежные суммы, защищающие энергоресурсы.

Рассмотрим третий компонент модели: в семантической структуре глагола *to lose* (*терять*) релевантной является сема 'характер окончания посессии', которая может быть выражена в дифференциальном признаке 'незакономерный, случайный': *She cared nothing for him, really; all she cared that she had **lost** her lover* (Galsworthy. *Indian Summer of a Forsyte*) – Она и не думает о нём; только и думает, что о возлюбленном, которого она **потеряла**; в данном случае объект является одушевленным, процесс полной утраты объекта происходит не по воле субъекта. Объект также может иметь абстрактный характер, когда речь идет о потере навыков, свойств, качеств, присущих субъекту: *A man always finds it hard to realize that he may have finally **lost** a woman's love, however badly he may have treated her* (Conan Doyle. *The Musgrave Ritual*) – Мужчина, как бы скверно не поступил он с женщиной никогда не верит, что он окончательно **потерял** ее любовь; *Little Jon laughed, **lost interest**, and sighed* (Galsworthy. *Awakening*) – Маленький Джон засмеялся, потом все ему надоело (**потерял интерес**), и он вздохнул. Процесс полной утраты может касаться и самой сферы субъекта: *Shouldn'ta **lost me temper**, "he said ruefully," but it didn't work anyway* (Rowling. *Harry Potter and the Sorcerer's Stone*) – Нельзя **выходить из себя (терять контроль)**, – пробормотал он с весьма, впрочем, злодейским видом, – ну, да все одно не сработало; в данном случае сферой, из которой отчуждается объект является сфера самого субъекта. Анализируемый глагол *to lose* может отражать как процесс полной потери (утраты), так процесс проигрыша, что тоже в определенной мере является утратой для субъекта. Таким образом, эти значения пересекаются, когда речь идет об игре, в результате которой возможен либо выигрыш (приобретение), либо проигрыш с утратой объекта: *He foresaw what with his own eyes he had never seen, and he played to win much or **lose all*** (London. *The Burning Daylight*). –

Он умел угадывать скрытое от глаз будущее и вел рискованную игру, с тем, чтобы либо сорвать куш, либо **потерять все**.

В семантической структуре глагола *to waste* релевантной является интегральная сема ‘характер окончания посессии’, которая реализуется в дифференциальном признаке ‘нерациональный’: *We may **waste time** in following the wrong one, but sooner or later we must come upon the right* (Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles) – Мы можем **потратить лишнее время**, ухватившись не за ту нить, за которую следует, но рано или поздно найдем и нужную.

Проанализируем четвертый компонент модели в рамках экстравектора – конситуацию осуществления отчуждения, которая включает следующие лингвокультурные характеристики: **причина, обстоятельства, темпоральность, количество, интенсивность**.

Причина:

– желание: *Even though he spent money on her, she might not wish to bother with him* (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – Хотя он и **готов тратить** на нее деньги, но, может быть, лучше с ним не связываться.

– цель: *The young lady would have given us the money to buy skates, but if I **EARN** it, Gretel, it **shall be spent** for wool* (Dodge. Hans Brinker or the Silver Skates) – Барышня дала нам деньги на покупку коньков, но, если я заработаю их, Гретель, я **потрачу** их на шерсть.

– необходимость: *He had no time **to spend** money. He never saw the studio any more, nor entertained the local Bohemians with his famous chafing-dish suppers* (London. Smoke Bellew)– У него не было времени **тратить** деньги. Мастерскую он забросил и больше не угощал местную богему своими знаменитыми ужинами, состряпанными на жаровне. И все-таки у него вечно не было наличных денег;

Темпоральность:

– быстро: *But he must be very good, and not lose his temper, or **spend** his money foolishly* (Wilde. The Picture of Dorian Gray) – Только он должен быть хорошим, не кипятиться и не **транжирить** денег; *'Send down word that he's to **spend** the change in cigars* (Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – Передайте ему, чтобы он **истратил** сдачу на сигары;

–долго: *He found the finest available lambskin and **spent several weeks** of his spare time at curing it and stretching it and stoning it to a perfect surface, which he eventually bleached to a snowy whiteness and carefully stored away* (Brian. The Ribbajack & Other Curious Yarns) – Он отыскал тончайшую шкуру ягненка и **потратил несколько недель** своего сэкономленного времени, растягивая, отбивая и выдывая ее, пока не получил совершенную поверхность. В конечном итоге он довел шкуру до снежной белизны, а затем с предосторожностями уложил на хранение.

Количество:

– много: *She would live fifteen or twenty years after he was gone, and might **spend** a lot of money; she had always had extravagant tastes* (Galsworthy. In Chancery) – Она проживет еще пятнадцать – двадцать лет после него, **истратит** массу денег; у нее всегда были такие экстравагантные вкусы.

Обстоятельства:

– усилия, трудности: *All my skills have gone to that, I have **spent** my strength on it* (Lessing. Mara and Dann) – Все мои знания ушли на это, я **потратил** на это всю свою силу.

– бесцельность: *It was poor business, playing for millions, **to spend** time building fires and boiling water* (London. The Burning Daylight) – Не расчет, когда делаешь миллионные обороты, **тратить** время на то, чтобы разводить огонь и кипятить воду; *Darling, it's merely a question of realizing, when your father retired, that I had **spent** thirty-five years without a break running his home and bringing up his children'* (Fielding. Bridget Jones's Diary) – Дорогая, все дело лишь в том, что, когда твой отец ушел на пенсию, я осознала, что **потратила**

тридцать пять лет без отдыха на то, чтобы содержать в порядке его дом, растить его детей...

–вынужденность: *It is you bourgeois who force us to spend money*" (Galsworthy. *To Let*) – *Это вы, буржуа, принуждаете нас **тратить** деньги.*

Подведем некоторые итоги. В русском языке глаголы *тратить* и *истратить* различны в выражении интенсивности, глагол *истратить* передает более высокую степень осуществления действия. В английском языке для передачи данного значения используется выражение *to spend much money*, которое указывает не столько на интенсивность действия, сколько на количество денег, которые тратятся, либо ситуация уточняется в контексте, что видно из примера выше. Для носителей английского языка важным становится не качественный, а количественный аспект действия.

Говоря о высшей степени проявления действия, в рамках рассматриваемой антиномичной модели, стоит сказать о русском глаголе *транжирить* и его синониме *промотать*, которые носят разговорный характер.

Согласно словарю Ефремовой, транжирить – это «нерасчетливо, неразумно тратить, расходовать (обычно деньги). В семантической структуре данного глагола релевантной является сема ‘характер отчуждения’, реализующаяся в признаке ‘нецелесообразно, нежелательно’: *Чем по заграницам деньги транжиришь, – говорит он, – лучше свое, отечественное, поощрять... так ли?* (Салтыков-Щедрин. *Мелочи жизни*).

Прямого эквивалента в английском языке нет, выражение *to piss away* – «waste something, especially money or time» (Oxford 2000: 681) – букв. тратить что-то, особенно деньги или время: наиболее точно отражает процесс отчуждения объектов, данное выражение также относится к разговорному варианту языка и не нашло отражения в анализируемом фактическом материале: *We have enough money to piss away from now until the day we die*

(Oxford 2000: 681) – *Нам хватит денег, чтобы их **транжирить**, до конца дней своих.*

В процессе репрезентации установленной модели «собирать – утрачивать» в сопоставляемых языках отмечены сходные и различающиеся лингвокультурные характеристики, в частности, в русском языке в рамках интравектора выявлены такие характеристики, как желание обогатиться, хлопоты, негативные эмоции, скрытность, в английском языке – специально (средства), много (количество); в рамках экстравектора в русском языке – желание обогатиться, сильное желание (причина), порыв, нерезультативность, рациональность (обстоятельства), позитивные, негативные эмоции (эмоциональное состояние); в английском – вынужденность, бесцельность (обстоятельства). Наибольшую представленность в фактическом материале, репрезентирующем интравектор модели, имеют следующие лингвокультурные характеристики: **темпоральность** – долго (*собирать*), постепенно (*to save*) – 10%; **внутреннее состояние** – скрытность (*собирать*) – 12%; **эстравектор – обстоятельства**: усилия, трудности (*to spend*) – 15%; **сопровожающие эмоции**: удовольствие, разочарование (*утрачивать*) – 12%; **внутреннее состояние**: слабость, глупость, неумения (*утрачивать*) – 13%; **разнообразные причины** (*утрачивать*) – 20%.

При сопоставительном анализе нами было выявлено, что в русском языке процесс становления отношений владения объектами показан более детально; такие глаголы, как *нажить*, *накопить* в русском языке представлены более многочисленно. Для носителей английского языка важен не сам процесс накопления, а процесс сохранения объектов в своей сфере. Мы можем сделать также вывод о частотном употреблении глаголов *нажить*, *накопить* в текстах девятнадцатого века, в текстах современного периода они употребляются значительно реже, связано это, прежде всего, с изменениями экономических условий. Такие явления, как инфляция, дефляция заставляют людей осторожнее относиться к денежным средствам; также в наше время все более популярным

становится процесс «займа денег в банке», что минимизирует необходимость иметь накопления в денежной форме. С анализируемыми глаголами также употребляются и абстрактные объекты (ум, опыт, знания), которые человек всегда стремится приумножить и сохранить.

Проведенный анализ глаголов, выражающих постепенное утрачивание объектов, позволяет сделать следующие выводы. В русском языке экспликации в большей степени, чем в английском, подвергается необдуманное, нерациональное утрачивание объектов, что находит отражение в сфере литературного, а также нелитературного употребления (*промотать, транжирить*). Представители английской лингвокультуры более бережно относятся к собственности, которая зарабатывается и сохраняется, поэтому должна осторожно расходоваться. Процесс утрачивания, как и процесс накапливания, в русском языке представлен более детально, учитываются не только качественные, но и количественные характеристики утрачивания объекта. В английском языке антиномичную модель можно представить в виде бинарной оппозиции *to save – to spend*; в русском языке данная оппозиция представлена более широко вследствие детального описания процесса приобщения объекта в сферу субъекта, в связи с чем интравектор в русском языке более четко структурирован, чем в английском языке.

2.5 Посессивная антиномичная модель «взять – дать»

Данная антиномичная модель представляет собой вариант инвариантной модели «приобщение – отчуждение» и по сравнению с другими моделями, рассмотренными выше, в наиболее общем виде передает названную инвариантную модель. Репрезентантами в русском языке выступают глаголы-конверсивы *взять (брать, отобрать), хватать, схватить (схватывать), ухватить (ухватывать), поймать (ловить), овладеть, присвоить, грабить*

(ограбить), красть (украсть), воровать (обворовать), похитить (похищать) / дать, отдать, передать и производные.

Глаголами, выражающими интравектор модели, являются *взять (брать), хватать, схватить (схватывать), ухватить (ухватывать), поймать (ловить)* и некоторые другие.

Первый компонент модели – субъект приобщающий – может быть одушевленный, конкретный, активный. Помимо этого, он может характеризоваться как движущийся, поскольку приобщение объекта осуществляется чаще всего с помощью рук: *Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригорошнями. Народ с криком бросился их **подбирать*** (Пушкин. Капитанская дочка); таким образом, субъекту приобщения характерна высокая степень активности.

С глаголами, репрезентирующими интравектор в наиболее общем виде, *брать и взять* представлены материальные и нематериальные объекты: *Железный закон спроса и предложения – это тоже стихия, а этот закон заставляет идти дубровца на работу за ту цену, которую назначат, **брать землю в аренду**, «за что возьмут»...* (Короленко. В голодный год); *Она **взяла** хлеб и поднесла его ко рту* (Гоголь. Тарас Бульба).

Глаголы, репрезентирующие интравектор, отличаются также по степени интенсивности действия. Так, глаголы *поймать (ловить), схватить (схватывать), ухватить (ухватывать)* характеризуются высокой степенью интенсивности. В большинстве случаев при данных глаголах отмечен одушевленный движущийся объект: *Я на всякий случай к Макару поближе подсаживаюсь, чтобы вовремя **схватить** его за руку, а фельдшер – совсем наоборот: подалше от него отодвигается, уже на дверь поглядывает и говорит этак неустойчиво: «Не-е-ет, бог миловал, не били* (Шолохов. Поднятая целина); *Ни за что, только за то, что его же обидели, **схватить человека** и, одев его в арестантскую одежду, посадить в это ужасное место* (Толстой. Воскресение).

Объект с глаголами *схватить*, *поймать* может иметь абстрактный характер: *Не прошло и полминуты, как зоркие глаза Александра успели схватить все эти впечатления и закрепить их в памяти* (Куприн. Юнкера); *Выразив нетерпение и едва за кончик хвоста успев схватить ускользавшую мысль, он начал развивать дальнейшие положения* (Андреев. Молодежь), где передается не столько посессивное действие, сколько интеллектуальный процесс, при этом акцент делается на интенсивности процесса.

Следующим компонентом модели выступает посессивное отношение. Анализируемые глаголы объединены категориальной семой 'вступление в посессию', которая представлена интегральными семами 'характер второго лица участвующего в ситуации', 'средство приобщения объекта', 'цель приобщения', 'характер приобщения', 'начальный пункт приобщения'. Интегральный признак 'начальный пункт приобщения' актуализируется в следующих дифференциальных признаках: 'из сферы субъекта', 'от второго лица, участвующего в ситуации'.

Интегральный признак 'характер второго лица, участвующего в ситуации' непосредственно связан с начальным пунктом приобщения объекта: *Прокурор взял у меня из рук лист, аккуратно сложил, спрятал, замкнул портфель и ответил очень простодушно* (Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом) – в данном контексте характер второго лица, участвующего в ситуации, выражен как одушевленный, активный.

Субъект приобщает к себе объект всегда с определенной целью, таким образом, интегральная сема 'цель приобщения' реализуется в дифференциальном признаке 'с целью дальнейших действий': *Это было единственное, что он взял после смерти Зубра на память об учителе* (Гранин. Зубр). Интегральный признак 'средство приобщения' не является релевантным для данных глаголов, актуализация происходит в контексте: *Он взял в руки веревки и быстрыми движениями пальцев заставил задрожать оба колокола мелкою мелодическою дробью; прикосновения языков были так слабы и вместе*

так отчетливы, что перезвон был слышен всем, но звук наверное не распространялся дальше площадки колокольни (Короленко. Слепой музыкант).

Интравектор анализируемой модели может расширяться за счет глаголов, актуализирующих признак «вступление в посессию против воли кого-то, чего-либо или незаконным путем»; в русском языке репрезентируется глаголами *завладеть, овладеть, отнять (отнимать), красть (украсть), грабить (ограбить), воровать (обворовать), присвоить (присваивать), похитить (похищать), лишить (лишать)* и некоторыми другими.

Анализируемая группа глаголов представлена многочисленно в языке, но не имеет четкой бинарной оппозиции, однако мы включаем их в состав антиномичной модели «взятие – передача». В семантике данных глагольных единиц отражается такое понятие, как «чужая собственность», субъект всегда имеет желание чем-то или кем-то владеть, путем изъятия из сферы второго участника отношений, а также незаконным путем: *Я слышу это из уст человека, который еще вчера только собирался забраться ночью в квартиру Грицацуевой и украсть у бедной вдовы мебель* (Ильф, Петров. Двенадцать стульев).

Субъект, приобщая себе объект против воли другого лица, участвующего в ситуации, преследует определенные цели. В семантической структуре данных глаголов релевантной является цель приобщения объекта. Цель, которую ставит перед собой субъект, актуализируется непосредственно в контексте: с целью наживы, с целью получения власти над объектом, с целью обогащения, с целью причинения вреда второму лицу, участвующему в ситуации и др.

Дифференциальный признак ‘с целью получения власти над объектом’ реализуется в глаголах *завладеть (завладевать), овладеть (овладевать)*: *С помощью икры, провесной белорыбицы и других, не особенно ценных, подарков он успел овладеть доверием женщин и через них узнать корни и нити* (Салтыков-Щедрин. Пестрые письма).

Объект при данных глаголах может носить абстрактный характер, когда действия субъекта направлены на самого себя, то есть имеют интравекторный характер: *Она постояла немного, тщетно стараясь успокоиться, но ей не удалось овладеть собой, и она, круто повернувшись на каблуках, пошла к быкам, на ходу проронив* (Шолохов. Поднятая целина).

В семантической структуре глаголов *грабить* (*ограбить*), *красть* (*украсть*), *воровать* (*обворовать*), *похитить* (*похищать*) реализуется дифференциальный признак ‘с целью обогащения’: *Один ограбил партийную кассу, другой продал казенную дачу, третий положил кооперативные деньги на личную сберкнижку...* (Войнович. Дело № 34840); *До драгоценностей мы добрались, но нам еще предстоит их похитить и перетащить на наш фрегат, а времени у нас осталось совсем немного, ведь скоро уже наступит утро* (Постников. Карандаш и Самоделкин в стране фараонов).

Интегральный признак ‘характер приобщения объекта’ реализуется в семантической структуре этих глаголов в дифференциальном признаке ‘незаконным путем’. Цель, которую преследует субъект, обуславливает способ осуществления действия. Субъект может приобщать объект тайно, этот способ отражается в семантике глаголов *воровать* и *красть*: *В последнее время бабы нашли выгодным красть у самих себя и сбывать таким образом пеньку, в особенности «замашки», – важное распространение и усовершенствование промышленности «орлов»!* (Тургенев. Хорь и Калиныч); *А когда Абарчук однажды, недосчитавшись трех напильников, сказал: "Как не стыдно во время Отечественной войны воровать дефицитный металл", – Бархатов ему ответил: "Ты, вошь, молчи* (Гроссман. Жизнь и судьба); *Одним из таких документов было письмо к нему Танкреда, то самое, которое хитрая Маргарита сумела украсть и вложила в любовные письма, переданные ею королеве Ортруде* (Сологуб. Королева Ортруда).

Префиксальные глаголы уточняют характер и способ действия – *обокрасть* – широкий охват субъектом различных объектов: *Можно было*

*пройти по всему дому насквозь и не встретить ни души; легко было **обокрасть все кругом** и свезти со двора на подводах: никто не помешал бы, если б только водились воры в том краю* (Гончаров. Обломов).

Дифференциальный признак 'с применением насилия' реализован в семантической структуре *грабить (ограбить): Ежели вот вы, положим, хорошие господа, по образованию вашему, из милости пожелаете оказать ему способность, то он ваши деньги пропьет по своей подлости или, того хуже, сам откроет питейное заведение и на ваши деньги начнет **народ грабить*** (Чехов. Моя жизнь).

Субъект также может приобщать объект с помощью определенных действий: *Смердяков, без сомнения, мог убить только лишь из-за денег, чтобы **присвоить себе именно эти три тысячи**, которые сам же видел, как барин его укладывал в пакет* (Достоевский. Братья Карамазовы) – в данном случае субъект не просто приобщает объект, а приближает к себе, включает в свою сферу.

Объекты при данных глаголах могут иметь и абстрактный характер: *Они опьянели, их опутало что-то, похожее на туман, а писать как хочется, но оглуевший разум не может **овладеть мыслями** – нет единоначалия в моей голове* (Гельфанд. Дневники); *Каждый из обитателей коммуны норовил **украсть идею**, хотя на вид все были славные мальчики из приличных семей, великовозрастные гимназисты, чистые личики* (Быков. Орфография).

В семантической структуре глагола *отобрать* актуализируется признак второго лица, участвующего в ситуации: *Конвою предстоит в согласии с инструкцией о красных этапах и собственными оперативно-боевыми соображениями провести этот обыск так, чтобы не оставить заключённым ничего способствующего побегу: **отобрать всё** колющее-режущее; **отобрать всевозможные порошки** (зубной, сахарный, соль, табак, чай)...* (Солженицын. Архипелаг ГУЛаг).

При анализе фактического материала нами было выявлено, что данный глагол используется в большей степени в текстах советского периода, где в качестве объектов с данным глаголом выступают **земля, различные предметы**: – *по справедливости **отобрать хорошие вещи** у врагов народа в пользу его сынов* (Солженицын. Архипелаг ГУЛаг); *Такое описание я прочитал: в Румынии двое комсомольцев открывали крестьянам глаза, говорили, что надо **землю** у помещиков **отобрать** и разделить между собою* (Шолохов. Поднятая целина).

Объект может иметь также одушевленный характер: *Теперь сделаю резюме: ко дню и часу моего выхода после болезни Ламберт стоял на следующих двух точках (это-то уж я теперь наверно знаю): первое, взять с Анны Андреевны за документ вексель не менее как в тридцать тысяч и затем помочь ей напугать князя, **похитить его** и с ним вдруг обвенчать ее – одним словом, в этом роде* (Достоевский. Подросток).

Рассмотрим последний компонент модели – конситуация осуществления приобщения. Особенности данной конситуации обусловлены общим характером рассматриваемой посессивной аниномии «взять – дать». Конкретизации конситуации в контексте может происходить по различным параметрам, поэтому список лингвокультурных характеристик не может быть конечным. Так, конситуация в рамках интравектора может включать следующие лингвокультурные характеристики: **причина, обстоятельства, темпоральность, сопровождающие эмоции, внутреннее состояние** и некоторые другие. Приведем примеры.

Причина:

– желание: *И вот дедушка Рахленко предлагает Кусиелу прогнать мерзавца приказчика и вместо него **взять** моего отца* (Рыбаков. Тяжелый песок);

– намерение: *Не стоит ждать милостей от природы. **Взять** их – наша задача!..* (Довлатов. Заповедник);

– желание обогатиться: *План был прост: взломать дверной замок, съесть в буфете все сосиски, **взять** из кассы всю мелочь и скрыться* (Искандер. Мой кумир);

– необходимость: *Мы отъехали от него километра на два. – Придётся **взять** такси, – сказал Гордон. Мы отправились ловить такси* (Д.А. Гранин. Месяц вверх ногами).

Обстоятельства (могут быть разнообразны в зависимости от ряда факторов):

– усилия: *Ложась, он кряхтел и пытался подкрепить себя привычным рассуждением: ни Наполеон, ни Гитлер не могли **взять** Британию потому, что имели врага на континенте* (Солженицын. В круге первом);

– трудности: – *Потому что вы ничего не хотите **взять на себя**, – отрезал Павел Алексеевич* (Улицкая. Казус Кукоцкого); — *Дедушка, видно, догадался, что он разбросал пятаки и что в темноте мне их трудно собрать* (Униженные и оскорбленные).

– незаконность: *Раз под огненными часами близ манежа грохнул веером залп, это расстреляли на месте мародеров, пытавшихся **огрбить** квартиру на Волхонке* (Булгаков. Роковые яйца);

Темпоральность:

– долго: *Тут ужас до того **овладел** Берлиозом, что он закрыл глаза* (Булгаков. Мастер и Маргарита);

– быстро: *Шляпникову, в Астрахань: «Налягте изо всех сил, чтобы **поймать** и расстрелять астраханских взяточников и спекулянтов* (Ерофеев. Моя маленькая лениниана); ***Взять** деньги, кинуться вниз по тёмной лестнице, в лабиринты улиц, разыскать квадратное окошечко, там дадут сладкий холодный стаканчик!* (Толстая. Ночь); *В нём кипело желание броситься к ней, **схватить** её и так стиснуть, мучить, чтобы она кричала от боли* (Горький. Жизнь Матвея Кожемякина).

Сопровождающие эмоции (могут быть весьма разнообразны, в зависимости от определенного состояния, действий субъекта, сложившихся обстоятельств и т. д.), например:

– позитивные эмоции (радость): *Когда я предложил, чтоб скоротать время, устроить «литературный вечер», то все с радостью ухватились за эту мысль* (Салтыков-Щедрин. Современная идиллия); *Он сообразил теперь, что отца нет дома, что если понесет теперь Юлии Сергеевне ее зонтик, то наверное он застанет дома ее одну, и сердце у него сжалось от радости. Скорей, скорей! Он взял зонтик и, сильно волнуясь, полетел на крыльях любви* (Чехов. Три года);

– негативные эмоции (злость, страх, недовольство и др.): *Он вскочил, схватил ком земли с травой, готовясь швырнуть в лицо Володе, как только он вынырнет* (Казаков. Тихое утро); *Паганини взял эту злую подачку и заскрежетал зубами ...* (Куприн. Скрипка Паганини); *В ту минуту, как я бросился к ней, он увидал, и, чего я никак не ждал от него, он схватил меня за руку и крикнул: Опомнитесь, что вы! Люди!* (Толстой. Крейцерова соната); *Извозчик остановился возле освещенного подъезда, за раскрытыми дверями которого круто поднималась старая деревянная лестница, старый, небритый лакей в розовой косоворотке и в сюртуке недовольно взял вещи и пошел на своих растоптанных ногах вперед* (Бунин. Солнечный удар); *Господа, это Смердяков! – закричал он вдруг изо всей силы, - это он убил, он ограбил!* (Братья Карамазовы)

Внутреннее состояние (как и эмоции, могут быть различными в зависимости от ряда факторов – интерес, волнение и др.): *Надо было видеть, с какой горячностью, с каким жадным интересом ухватились они за ученье!* (Фурманов Мятёж); *Отец, волнуясь, взял карточку в руки* (Мележ. Незнакомый папа).

Экстравектор модели репрезентируется глаголами-конверсивами *дать, отдать (отдавать), вернуть, подарить*, объект уходит из сферы субъекта,

актуальным становится передача его другому лицу. Важным для субъекта становится временной фактор отчуждения – отчуждает ли он от себя объект временно или навсегда.

Ядерным глаголом является глагол *дать (давать)*, который входит в состав глаголов с «широкой понятийной основой и диффузной семантикой» (Гончаров 1980: 2). Мы уже говорили, что данные глаголы рассматривают как глаголы донативного действия – действия, «изменяющего посессивные отношения между субъектами» (Карпова 2004). Такие исследователи, как В.П. Абрамов и Т.В. Гончарова, характеризуют глаголы передачи с точки зрения полевой структуры, в которой выделяется ядро, куда включаются прямые и свободно-номинативные значения, и периферия, которую составляют переносные, метафорические значения, обеспечивающие связь глаголов передачи с другими группами лексики, либо глаголы других лексико-семантических групп, которые в определенных контекстуальных условиях могут выражать передачу (Абрамов 1980; Гончарова 1980). Ситуация передачи включает в себя субъекта, объекта и второго участника ситуации. Некоторые исследователи считают главным участником ситуации именно второго участника. Так, В.П. Абрамов, характеризуя семантическую структуру глаголов передачи, выделяет в качестве инвариантного значения «каузировать когонибудь начать иметь что-либо», таким образом, данная сема становится релевантной (Абрамов 1980: 5).

Анализируемый глагол передает посессивную ситуацию, в которой участвуют два лица: субъект, отчуждающий от себя объект, и второе лицо, которое приобщает этот объект, таким образом, происходит смена владельца, субъект теряет статус посессора.

Рассматривая первый компонент модели, субъект, можно отметить, что он одушевленный, конкретный, активный: *Раз, для смеха, Григорий Александрович обещался ему **дать червонец**, коли он ему украдёт лучшего*

козла из отцовского стада; и что ж вы думаете? на другую же ночь притащил его за рога (Лермонтов. Герой нашего времени).

Объект при данном глаголе может иметь материальный и нематериальный характер: *Он знал теперь несомненно, что надо было **отдать** землю крестьянам, потому что удерживать ее было дурно (Толстой. Воскресение)* – данный вид объекта встречается в большей степени в текстах девятнадцатого века, где возможна была передача расширенного объекта, а не только его продажа.

Объект при глаголе *дать (отдать)* может иметь абстрактный характер: *Если бы **дать** ему силу, он забросал бы их камнями; он собрал бы тысячу людей и велел бы вытоптать догола нежную лживую зелень, которая всех радует, а из его сердца пьёт последнюю кровь (Андреев. Вор); Если мне только будет позволено **дать вам совет** на будущее, – сказал он, улыбаясь одной щекой, – я горячо рекомендую вам не подходить к пятьдесят пятому году с мерками сорок пятого (Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом), где субъект «передает» второму лицу присущие ему качества, желая оказать помощь; объект в такого рода случаях имеет, как правило, положительную окрашенность.*

Остановимся на характеристике третьего компонента модели в рамках экстравектора – посессивном отношении. Категориально-лексическая сема в семантической структуре глагола *дать* представлена интегральными семами ‘способ окончания посессии’, ‘характер окончания посессии’, ‘характер второго лица, участвующего в ситуации’. Релевантной является сема ‘способ окончания посессии’, которая реализуется в дифференциальном признаке ‘передача объекта’: *Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал **дать ему что-нибудь** поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить*

кое-где глаголы из первого лица в третье (Гоголь. Шинель). С данной семьей связана реализация семы 'характер окончания посессии', который может быть выражен как 'сознательный' и 'вынужденный': *И еще я, тоже не понимая, утверждал, что необходимо дать делу такое направление, чтобы, с одной стороны, крестьянин сейчас же почувствовал, а с другой – помещик сколько возможно меньше ощутил* (Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо); *Я хочу отдать ее на подготовительные, начальные курсы театрального училища или консерватории, куда примут, и определить в интернат, я для того и приехала, покамест без нее, чтобы все наладить, а потом уеду* (Пастернак. Доктор Живаго) – субъект сознательно идет на этот шаг.

Рассмотрим префиксальные образования от глагола *дать*: глагол *отдать* также передает ситуацию отчуждения с определенной целью либо на время, либо навсегда: *Страдая от недугов и чая недалёкую смерть, тогда же объявила Матрёна свою волю: отдельный сруб горницы, расположенный под общей связью с избой, после смерти её отдать в наследство Кире* (Солженицын. Матренин двор); *Понимаешь, такая любовь, для которой совершить любой подвиг, отдать жизнь, пойти на мучение – вовсе не труд, а одна радость* (Куприн. Гранатовый браслет) – в данном контексте речь идет об абстрактном предмете, который субъект отчуждает, отдает не просто осознанно, а с радостью.

Глагол *передать* отражает ситуацию передачи объекта через кого-то: *Просил Павла Алексеевича передать Тане, что ждёт её у себя на приёме в ближайший вторник, после двенадцати...* (Улицкая. Казус Кукоцкого); *в качестве в роли кого-то может выступать и сам субъект: Было бы кому передать свою волю, мне-то рядышком с матерью Бог велел* (Распутин. В ту же землю...).

Четвертый компонент модели – конситуация осуществления отчуждения, выраженная глаголом *дать* и его префиксальными производными, включает следующие лингвокультурные характеристики: *причина, обстоятельства,*

темпоральность, сопровождающие эмоции, внутренне состояние и некоторые другие. Как и в случае вербализации конситуации приобщения, данные характеристики могут быть достаточно разнообразными в зависимости от конкретной передаваемой ситуации.

Причина:

– намерение: *У рисовальщика была одна задача – **дать** точный документ, не нарисовать, а запротолировать* (Домбровский. Хранитель древностей); *И что готовы **отдать** за меня жизнь?* (Куприн. Странный случай);

– желание (может быть *сильное желание*, достаточно частотно): *Желая **дать** простыть гневу, он наклонился и сорвал лоснящийся широкий лист ландыша* (Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом) – *Я так же думаю, как и вы, – сказал Нехлюдов, – в считаю грехом владеть землей. И вот хочу **отдать** ее. – Что ж, дело доброе, – сказал старец с Моисеевыми завитками, очевидно подразумевая то, что Нехлюдов хочет **отдать** ее внаймы* (Толстой. Воскресение); *Я хочу подставить другую щеку, я хочу **отдать** рубаху, когда у меня берут кафтан, и молю Бога только о том, чтоб он не отнял у меня счастья прощения!* (Толстой. Анна Каренина); *Коля очень тронут памятью Ю-ю и просит **передать** ей поклон* (Куприн. Ю-ю); *Что с ним делать? – Для начала – **подарить** жизнь... Разыскали в доме пипетку, подогрели молока* (Рубина. На солнечной стороне улицы); *Она радостно стремится **подарить** ему свои дни и ночи, свой труд и заботы, **отдать** в его руки свое имущество и свою волю* (Куприн. Колесо времени);

– необходимость: *Требует, чтобы я **отдал** ему какие-то документы.* (Вайнеры. Я, следовательно..); *Просто распаялась чуть-чуть по шву. **Отдай** слесарю – за пяточок поправит* (Куприн. На переломе); *Неужели я должен **отдавать** кому-нибудь в этом отчет или бояться...* (Куприн. Яма) – *Я не мог тебе не **передать** ее письма...* (Достоевский. Братья Карамазовы);

Обстоятельства (могут быть различными, ряд достаточно широк), например:

– усилия: Если мысли, которые я *пытался* вам *передать*, покажутся вам неясными, не судите их ... (Толстой. Избранные письма);

– трудности: *Уже несколько лет как я не читал ни одной книги, и трудно **отдать** отчет о том странном и вместе волнующем впечатлении, которое произвела во мне первая прочитанная мною в остроге книга* (Достоевский. Записки из мертвого дома); *Головную Степину кашу трудно даже **передать*** (Булгаков. Мастер и Маргарита);

– результативность: *Он успел еще прочитать им переделанный акт и **дать** необходимые указания ...* (Куприн. Дюма-отец);

Темпоральность:

– долго: *Он все уже в жизни для тебя сделал, на ноги поставил. Две молодости тебе **отдал**. Теперь пусть для себя, для здоровья поживет* (Петрушевская. Лестничная клетка);

– быстро: *И он быстро **передал** ей крошечный конверт* (Григорьев. Один из многих).

Сопровождающие эмоции (различные в зависимости от конкретных условий):

– позитивные (например, радость): *И всю свою неразбуженную нежность и любовь я готова была **отдать** ему. Готова **отдать** – с радостью. Потому что никого прекраснее его нет* (Вертинская. Синяя птица любви); *Мне захотелось сделать ему приятное – **подарить** книгу* (Горький. В людях). *Понимаешь, такая любовь, для которой совершить любой подвиг, **отдать** жизнь, пойти на мучение – вовсе не труд, а одна радость* (Куприн. Гранатовый браслет);

– негативные (например, злость): *Полезь еще, пока я тебе в морду **не дал!** – вдруг свирепо обернулся к нему Грузов* (Куприн. На переломе);

Внутреннее состояние (также весьма разнообразно), например:

– удовольствие: *Сын мой, – произнес Козел, делая вдруг свой голос необыкновенно нежным, и его влажные глаза опять стали кроткими, – сын мой, я с удовольствием отдал бы вам вашу... вашу штучку... она мне ни на что не нужна, но..* (Куприн. На переломе);

– волнение: *Я осмеливаюсь **передать** свой скромный подарок* (Куприн. Гранатовый браслет).

Обратимся к фактическому материалу английского языка, где интравектор модели представлен глаголами *to take, to catch, to rob* (*грабить*), *to steal* (*воровать, красть, похитить*), *to kidnap* (*похитить*), а экстравектор – глаголами-конверсивами *to give, to return, to pass on, to turn over*.

Первый компонент модели – субъект приобщающий – представлен как одушевленный, конкретный, активный: *"**Take him, away**" he said to Father Wolf, "and train him as befits one of the Free People"* (Kipling. The Jungle Book) – ***Возьми детеныша, – сказал он Отцу Волку, – и воспитай его, как подобает воспитывать сыновей Свободного Народа.***

Глагол *to catch* передает большую интенсивность приобщения объекта: *It's very hard **to catch** because it's so fast and difficult to see* (Rowling) – *Его очень трудно поймать, потому что он летает чересчур быстро, и его нелегко разглядеть.*

С приведенными глаголами представлены материальные и нематериальные объекты: *But he would like just **to catch her smile**, if she leaned out, though they would hit her in the eye with the shoe, if they didn't take care* (Galsworthy. To Let) – *Но ему хочется **поймать улыбку дочери**, если она выглянет на прощание из машины, – впрочем, не надо, еще угодят ей нечаянно туфлей в глаза; He gave her a little something every month to live on and, though it was very humiliating **to take money** from him, she had to do it* (Filding) – *Он, правда, каждый месяц дает ей немного – этим она и живет, и хотя очень унижительно **брать у него деньги**, но ничего не поделаешь – приходится.*

Объект может иметь и одушевленный характер: *I think, Watson, that we can **catch** the professor just before lunch* (Conan Doyle. The Adventure of the Creeping Man) – Я думаю, Уотсон, мы **застанем (поймаем) профессора** дома.

Рассматривая третий компонент модели, можно отметить, что данные глаголы также объединены категориальной семей 'вступление в посессию'. Релевантными для анализируемых глаголов являются семы 'цель приобщения', 'характер второго лица, участвующего в ситуации', а также 'начальный пункт приобщения'. Для представителей английской лингвокультуры также релевантным является исходный пункт приобщения – из сферы субъекта или от второго лица. При анализе фактического материала более частотны примеры, в которых задействована сфера второго лица в качестве сферы приобщения: *You have no business to **take our books**; you are a dependent, mama says; you have no money; your father left you none; you ought to beg, and not to live here with gentlemen's children like us, and eat the same meals we do, and wear clothes at our mama's expense* (Brontë. Jane Eyre) – Ты не смеешь **брать наши книги**; мама говорит, что ты живешь у нас из милости; ты нищенка, твой отец тебе ничего не оставил; тебе следовало бы милостыню просить, а не жить с нами, детьми джентльмена, есть то, что мы едим, и носить платья, за которые платит наша мама.

Интравектор анализируемой модели так же, как и в русском языке может расширяться за счет глаголов, актуализирующих признак «вступление в посессию против воли кого-то, чего-либо или незаконным путем»: *to rob (грабить), to steal (воровать, красть, похитить), to kidnap (похитить)*.

Субъект, приобщая себе объект против воли другого лица, участвующего в ситуации, преследует определенные цели, таким образом, в семантике данных глагольных единиц отражается такое понятие, как «чужая собственность», субъект всегда имеет желание чем-то или кем-то владеть, путем изъятия из сферы второго участника отношений, а также незаконным путем: *They certainly **stole** and were honored by their fellows according to the magnitude of their stealings*

(London. The Burning Daylight) – *Им можно красть, и чем крупнее кража, тем большим почетом они пользуются среди своих сообщников.* Как и в глаголах русского языка, в семантической структуре данных глаголов релевантной является ‘цель приобщения объекта’. Цель, которую ставит перед собой субъект, актуализируется непосредственно в контексте: с целью наживы, с целью получения власти над объектом, с целью обогащения, с целью причинения вреда второму лицу, участвующему в ситуации, с целью получения объекта в свою сферу и др.: *How could he justify desire for the company of one who had stolen – early morning does not mince words – June's lover?* (Galsworthy. Indian Summer of a Forsyte) – *Как оправдать своё желание встречаться с женщиной, которая украла – рано утром в выражениях не стесняешься – украла у Джун жениха?;* в данном примере объект приобщается в сферу субъекта, при этом объект – одушевленный, конкретный, пассивный (June's lover – жених).

В семантической структуре глаголов *to rob, to steal* реализуется дифференциальный признак ‘с целью обогащения’: *He did not rob openly, but stole secretly and cunningly, out of respect for club and fang* (London. The Call of the Wild) – *Он грабил не открыто, но крал потихоньку, со всякими предосторожностями, ибо уважал закон дубины и клыка;* таким образом, субъект приобщает объект тайно. Дифференциальный признак ‘с целью наживы’ реализуется в семантической структуре глагола *to rob*: *Harry remembered Ron telling him on the train that someone had tried to rob Gringotts, but Ron hadn't mentioned the date* (Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone) – *Гарри вспомнил: в поезде Рон уже говорил, что кто-то пытался ограбить «Гринготтс», но не сказал, когда именно это случилось.* Когда речь идет о мелких кражах, представители английской лингвокультуры используют глагол *to filch* – «pilfer or steal (something, especially an item of small value) in a casual way» – букв. красть что-то, имеющее небольшую ценность: *Federal authorities have prosecuted thieves who have used stolen passwords to filch credit reports and*

steal from thousands of consumers (Oxford 2000: 354) – *Федеральные власти преследовали по суду воров, которые использовали украденные пароли, чтобы украсть отчеты о кредитных операциях и обокрасть тысячи потребителей.* При анализе данного примера прослеживается разница между глаголами *to steal* (красть в крупных размерах) и *to filch* (красть в мелких размерах).

С глаголом *to steal* может также употребляться и объект, имеющий абстрактный характер: *The man is a striking-looking fellow, very well equipped to steal the heart of a country girl, so that this theory seemed to have something to support it* (Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles) – *У человека с его внешностью есть все данные, чтобы украсть сердце какой-нибудь деревенской девушки, так что это предположение небезосновательно;* *This youth by his wiles and tricks stole from me the love of the girl whom I had ever marked as my own, and who up to that time had seemed in some sort inclined to return my passion* (Conan Doyle. The Man from Archangel) – *Этот юноша своими хитростями и уловками украл у меня любовь девушки, которую я всегда считал предназначенной себе. До этого времени она, казалось, склонна была отвечать на мою страсть;* имеющий одушевленный характер: *They were dogs and thieves; they had stolen me from my own country; they had killed poor Ransome; and was I to hold the candle to another murder?* (Stevenson. Kidnapped) – *Они были псы и воры, они выкрали меня из моей родины, убили несчастного Рансома – так неужели мне расчистить им дорожку к новому убийству?* Также представителями английской лингвокультуры используется глагол *to kidnap* (похищать), когда речь идет о краже, похищении людей. Согласно словарю *to kidnap* означает «abduct (someone) and hold them captive, typically to obtain a ransom» – букв. похитить (кого-то) и считать их пленниками, как правило чтобы получить выкуп. Таким образом, важным становится факт похищения и удержания объекта против его воли, но и получение выкупа: *And you were kidnapped by wicked sailors and brought to England* (Brontë. Wuthering

Heights) – *Может быть, ты был похищен злыми матросами и завезен в Англию.*

При анализе четвертого компонента модели конситуации приобщения нами выделяются аналогичные русскому языку лингвокультурные характеристики, которые уточняются непосредственно в контексте: **причина, обстоятельства, внутреннее состояние, темпоральность, сопровождающие эмоции.**

Причина:

– наличие права: *If he hadn't the right **to take** the pearls he had given her himself, who had?* (Galsworthy. In Chancery) – *Если он не имеет права **взять** жемчуг, который он ей с-сам подарил, то кто же имеет?*

– намерение: *And if we **take** this as a working hypothesis we have a fresh basis from which to start our construction of this unknown visitor"* (Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles) – *И если мы **возьмем** мою догадку за рабочую гипотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего неизвестного посетителя;*

– желание: *But he would like just **to catch** her smile, if she leaned out, though they would hit her in the eye with the shoe, if they didn't take care* (Galsworthy. To Let)– *Но ему хочется **уловить** улыбку дочери, если она выглянет на прощание из машины, – впрочем, не надо, еще угодят ей нечаянно туфлей в глаза;*

– необходимость: *"Each man has **to take** a year's supplies in with him* (London. Smoke Bellew) – *Каждый должен **взять** с собой запасов на целый год; Mark, you **must take** Bridget's telephone number before you go, then you can get in touch when you're in London* (Fielding. Bridget Jones's Diary) – *Марк, прежде чем ходить, ты **должен взять** у Бриджит ее телефон, а когда будете в Лондоне, вы сможете связаться друг с другом!*

Обстоятельства:

– усилия: *You won't **take** the key from me by force, Watson, I've got you, my friend* (Conan Doyle. The Adventure of the Dying Detective) – Силой вы у меня ключ не **возьмете**, Уотсон.

– незаконность: *They **rob** the poor, and I rob them* (London. The Burning Daylight) – Они **грабят** бедных, а я граблю их; *He'll think I **stole** them; the old lady: all of them who were so kind to me: will think I **stole** them* (Dickens. Oliver Twist) – Он подумает, что я их **украл**; и старая леди и все, кто был так добр ко мне, подумают, что я их **украл**.

– интенсивность: *There seemed to be no alternative but **to catch** him red-handed, and to do so we had to use Sir Henry, alone and apparently unprotected, as a bait. We did so, and at the cost of a severe shock to our client we succeeded in completing our case and driving Stapleton to his destruction* (Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles) – Оставался единственный выход: **схватить его** на месте преступления, выставив сэра Генри в качестве приманки. Баронет должен был идти один, якобы никем не охраняемый. Так мы и сделали и ценой тяжелого потрясения, пережитого нашим другом, не только завершили расследование, но и довели Стэплтона до гибели; *He did not know what to do with his cap, and was stuffing it into his coat pocket when the other **took it from** him* (London. Martin Eden) – Он не знал, куда девать кепку, стал было засовывать ее в карман пиджака, но тот, другой, **отобрал** ее.

Темпоральность:

– долго, продолжительно: *They filed out, and he affected **to take** no notice of her* (Austen. Pride and Prejudice) – Пассажиры один за другим стали покидать вагон, и он сделал вид, будто не **берет** ее во внимание; *And now you're just letting them **rob** you right and left* (London. The Burning Daylight) – А теперь ты всем даешь **обирать** себя; *You've **robbed** me right and left from the time you cleared dock in Seattle, and by the hinges of hell I won't stand it any more!* (London. A Daughter of the Snows) – С тех пор, как мы вышли из Сиэтла, вы **обобрали** меня как липку. Клянусь адом, с меня довольно.

– быстро: *"If you can **catch the man**, catch him, and let me know when you have done it."* (Conan Doyle. A Case of Identity) – *Если вы сможете **задержать (поймать)** этого человека, схватите его и известите меня; **I stole** it in my heart when she first showed it me hanging round her neck; and the child's death, perhaps, is on me besides!* (Dickens. Oliver Twist)– *Как только она мне показала эту вещь, висевшую у нее на шее, я **сразу решила ее украсть**; может быть, на моей душе лежит еще и смерть ребенка!*

Сопровождающие эмоции:

– позитивные эмоции, радость: *Only a certain eager alertness showed the delight he **took** in her presence* (London. A Daughter of the Snows) – *Только какая-то нетерпеливая живость его движений указывала на радость, которую он **брал (приобретал)** от ее присутствия;*

– негативные эмоции: *But he stole in my absence and **robbed** me* (Hardy. Far from the Madding Crowd) – *А он вскружил вам голову в мое отсутствие, он **огранил** меня; 'Au, ' murmured the sick woman, relapsing into her former drowsy state, 'what about her? – what about – I know! ' she cried, jumping fiercely up: her face flushed, and her eyes starting from her head –'I robbed her, so I did!* (Dickens. Oliver Twist) – *Дальше...– пробормотала больная, впадая в прежнее полудремотное состояние, – что еще сказать о ней, что еще... Знаю! – воскликнула она, быстро выпрямившись; лицо ее было багровым, глаза были выпучены; – Я ее **огранила**; да, вот что я сделала!*

Внутреннее состояние:

– самообладание: *It **took all my self-control** to prevent me from breaking out into a cry of astonishment* (Conan Doyle. The Man with the Twisted Lip) – *Я **взял** себя под контроль, чтобы не вскрикнуть от удивления.*

– хитрость: *When he saw Pike, one of the new dogs, a clever malingerer and thief, slyly **steal** a slice of bacon when Perrault's back was turned, he duplicated the performance the following day, getting away with the whole chunk* (London. The Call of the Wild) – *Приметив, что Пайк, один из новичков, хитрый притворщик и*

вор, ловко **стащил** ломтик грудинки у Перро, когда тот отвернулся, Бэк на другой день проделал тот же маневр и, схватив весь кусок грудинки, удрал.

Экстравектор модели представлен глаголами *to give, to return*. Базовым является глагол *to give*, который передает ситуацию передачи объекта в самом общем виде. Глагол *to return* в своем основном значении переводится как *возвращать*, но также имеет значение «give, put, or send (something) back to a place or person» (Oxford 2000: 784) – букв. давать (отдавать) что-то назад на место или человеку; в этом значении анализируемый глагол должен иметь объект: *He returns the computer to the store, and exchanges it for another one* (Oxford 2000: 784) – Он вернул (отдал назад) компьютер в магазин и поменял его на другой.

Первый компонент модели – субъект отчуждающий – представлен как одушевленный, конкретный, активный: *To himself, however, he had said: 'But he won't take to it. I give him four years. Still, it's healthy, and harmless.'* (Galsworthy. To Let) – Однако про себя он подумал: «Джон никогда не пристрастится к сельскому хозяйству. Дам ему четыре года сроку. Занятие здоровое и безобидное.

Объект при данном глаголе может быть абстрактный и конкретный. Актуализация характера объекта может происходить в контексте, в зависимости от специфики передаваемой ситуации: *I'm the sort of man you shut up every day-and give money to* ". (Greene. The Power and the Glory) – Таких, как я, вы каждый день сажаете в тюрьму, а потом **даете** им деньги; *What looked like a fat little monk was saying: "Forgive and forget, I say, we ought to give him a second chance ... "* (Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone) – Одно, в виде толстенького низенького монаха, говорило: – Забудь и прости, как говорится, мы должны **дать ему еще один шанс**.

Для того чтобы отразить разный характер передачи объекта, представителями русской лингвокультуры используются также префиксальные образования от глагола *дать*, в текстах английского языка глагол *to give*

обладает более широкой семантикой, а уточнение происходит контекстуально, за счет послелогов и использования других глагольных единиц, более точно отражающих процесс передачи объекта: *To have creatures who were parts of himself, to whom he might **transmit the money** he saved, was at the root of his saving; and, at seventy-five, what was left that could give him pleasure, but – saving?* (Galsworthy. The Man of Property) – *Сознание, что дети – часть его самого, что им он может **передать свои сбережения**, – вот что лежало в основе его тяги к наживе; а в семьдесят пять лет какое еще удовольствие мог он получить от жизни, кроме наживы?; Nor did she **turn over** the money or any part of it to him to use in the store* (Filding. The Bridget Jones's Diary) – *Причем деньги эти – или хотя бы часть их – она не **давала** ему **пустить в оборот**; Please **pass this information on** to anyone you know who may be interested* (Oxford 2000: 847) – *Пожалуйста, **передай эту информацию** тому, кому она может быть интересна; для фразового глагола to pass on* данное значение не является основным, но в контексте он может приобретать значение глагола экстравектора в рамках анализируемой антиномичной модели.

Рассматривая третий компонент модели, отметим, что в семантической структуре глаголов релевантной является интегральная сема 'способ передачи объекта', при этом 'характер окончания посессии' не конкретизируется так четко, как в русском языке. Таким образом, можно предположить, что для носителей английского языка важным является сам процесс потери объекта, а не то, как это происходит – вынужденно или сознательно: *If you cannot keep me after what has passed, then for God's sake let me **give** you notice and leave in a month, as if of my own free will* (Conan Doyle. The Musgrave Ritual) – *Умоляю вас, если после того, что случилось, вы считаете невозможным оставить меня в доме, **дайте** мне месяц сроку, чтобы я мог сказать, будто ухожу добровольно.*

Рассмотрим последний компонент модели – конситуация осуществления отчуждения. Фактический материал свидетельствует о том, что конситуация в рамках экстравектора, выраженного глаголами *to give, to return* включает

следующие лингвокультурные характеристики: **причина, обстоятельства, сопровождающие эмоции, темпоральность.**

Причина:

– желание: *"I give you my word that for three days I have tasted neither food nor drink until you were good enough to pour me out that glass of water (Conan Doyle. The Adventure of the Dying Detective) – Даю вам слово, что все эти три дня я ничего не ел и не пил, пока вы любезно не подали мне стакан воды; "Because to influence a person is to give him one's own soul (Wilde. The Picture of Dorian Gray) – Потому что влиять на другого человека – это значит передать ему свою душу; At a time when, riding his hunch, he was getting half a million for half a sack of flour, it was nothing less than insanity to give twenty whole sacks to a dancing-girl and a pries (London. The Burning Daylight) – Надо быть сумасшедшим, чтобы в такое время, когда можно нажать полмиллиона на полмешке муки, даром отдать двадцать мешков священнику и какой-то танцовщице!*

– намерение: *I will give you anything you like to ask for it (Wilde. The Picture of Dorian Gray) – Я готов отдать за него столько, сколько ты потребуешь.*

– необходимость: *'I must give her a cheque!' he mused; 'Can't bear to think of them! (Galsworthy. Indian Summer of a Forsyte) – «Нужно дать ей чек, – размышлял он, – сил нет о них думать»; Oh, I'm Del Bishop, pocket-miner; and if ever we run across each other, remember I'd give you the last shirt – I mean, remember my last bit of grub is yours" (London. A Daughter of the Sno) – О, мое имя - Дэл Бишоп, я – старатель! И если мы когда-нибудь встретимся, помните, что я поделюсь с вами последней рубашкой, то есть я хочу сказать, что отдам вам мой последний кусок хлеба.*

Обстоятельства:

– трудности, усилия: *Finally, he pocketed his own gold, returned Carmack's, and held up his hand for silence (London. The Burning Daylight) – Наконец он вернул Кармаку его золото, спрятал свое и поднял руку, требуя внимания;*

– нерезультативность: *What had possessed him to give his card to a rackets young fellow, who went about with a thing like that?* (Galsworthy. To Let) – Чего ради ему вздумалось **дать** свою карточку какому-то вертоплясу, который водится с подобными субъектами?

– несправедливость: *It was bitterly unfair – jolly low-down on a fellow to give him a 'bounder' for father.* (Galsworthy. In Chancery) – Это так несправедливо, прямо-таки бесчестно: **дать** ему в отцы пиюта;

– участие второго лица: *"Give me up my wife, sir," he went on. "Let me take her away from here"* (Conan Doyle. The Man from Archangel) – **Отдайте** мне мою жену, сэр, – продолжал он, – **позвольте** мне **взять** её отсюда;

– интенсивность: *I'm not rich, but still I have a hundred a year in my own right, besides the little that I make by the machine, and I would give it all to know what has become of Mr. Hosmer Angel"* (Conan Doyle. A Case of Identity) – Я не богата, но все же имею ренту в сто фунтов в год и, кроме того, зарабатываю перепиской на машинке, и я готова **отдать** все, только бы узнать, что случилось с мистером Госмером Эйнджелом.

Темпоральность:

– долго: *She had been given all she had wanted, and in return had given him, for three long years, all he had wanted – except, indeed, her heart* (Galsworthy. In Chancery) – Она получала все, чего могла желать, и **взамен давала** ему в течение трех долгих лет все, что он желал, – кроме своего сердца, правда.

– быстро: *Will whoever has thoughtlessly removed the edited script of KAFKA'S MOTORBIKE from my desk PLEASE have the decency to return it immediately* (Fielding. Bridget Jones's Diary) – Если кто-либо по недомыслию взял с моего стола отредактированную рукопись "МОПЕД КАФКИ", **ОГРОМНАЯ ПРОСЬБА**, имейте совесть и **немедленно верните**.

Сопровождающие эмоции:

– позитивные (например, радость): *For that – for that – I would give everything! Yes, there is nothing in the whole world I would not give! I would give my*

soul for that! (Wilde. The Picture of Dorian Gray) – *За это... за это я отдал бы все на свете. Да, ничего не пожалел бы! Душу бы отдал за это!*

– негативные эмоции: *"I am afraid that I rather give myself away when I explain"* said he (Conan Doyle. The Stock-Broker's Clerk) – *Боюсь, что мои объяснения дадут мне только вред, – заметил он.*

Таким образом, проведенный анализ позволил установить сходные и различающиеся лингвокультурные характеристики, в частности, в русском языке в рамках интравектора выявлены такие характеристики, как желание обогатиться (причина), трудности (обстоятельства), интерес, волнение (внутреннее состояние); в английском языке – результативность (обстоятельства), в рамках экстравектора в русском языке – удовольствие, волнение (внутреннее состояние); в английском – нерезультативность, несправедливость, участие второго лица, интенсивность (обстоятельства).

В рамках рассмотренной антиномичной модели нами были выявлены различия при анализе фактического материала: так, для текстов советского периода в большей степени характерно употребление глагола *отобрать*, репрезентирующего интравектор модели; для представителей английской лингвокультуры в рамках экстравектора модели важным является сам процесс потери объекта, в то время как для представителей русской лингвокультуры релевантными являются причины, которые вынуждают субъекта расставаться с объектом.

Выводы по второй главе

Инвариантной моделью, отражающей разнонаправленность посессивных отношений, нами установлена модель «приобщение – отчуждение», которая представлена вариантами *купить – продать, наследовать – завещать, выиграть – проиграть, собирать – утрачивать, взять – дать*. Данная модель имеет двухкомпонентную структуру, включающую интравектор и

экстравектор. Наибольшая репрезентированность в обоих лингвокультурах отмечается у моделей *купить – продать, собирать – утрачивать, взять – дать* (наибольшее количество примеров).

Антиномичная модель *купить – продать / to buy – to sell* в процессе репрезентации в сопоставляемых языках обнаруживает как сходства, так и различия. В рамках данной модели экстравектор представлен более детально, в связи с этим релевантными оказываются лингвокультурные характеристики, передающие эмоциональное состояние субъекта (испуг, облегчение, радость); для представителей английской лингвокультуры важными являются обстоятельства, из-за которых приходится расставаться с объектами (усилия, трудности, выгода).

Антиномичная модель *собирать – утрачивать / to collect – to lose* обнаруживает следующие особенности. В данной антиномии находит отражение процесс приобщения объектов в сферу субъекта, который может происходить как кратковременно, так и постепенно, а также процесс полной утраты приобщаемых объектов. Сопоставительный анализ показал, что в рамках данной модели интравектор показан более детально в русском языке, что передают такие глагольные единицы, как *нажить, накопить*, которые широко представлены в нашем фактическом материале, прямого эквивалента в английском языке не отмечено. Для носителей английского языка важен не сам процесс накопления, а процесс сохранения объектов в своей сфере. В рамках экстравектора в русском языке экспликации в большей степени, чем в английском, подвергается необдуманное, нерациональное утрачивание объектов. Представители английской лингвокультуры более бережно относятся к собственности, ее сохранению и соответственно более осторожны к утрате.

Антиномичные модели *наследовать – завещать / to inherit – to bequeath, выиграть – проиграть / to win – to lose* представляют собой четкие бинарные оппозиции. В модели *наследовать – завещать* различия отмечаются при анализе первого компонента модели – субъекте, который не претерпевает

изменений с точки зрения гендерного подхода в английском языке, в то время как в русском языке в результате исторических изменений в двадцатом веке в праве наследования предпочтение отдается лицам мужского пола. Сопоставительный анализ антиномичной модели *выиграть-проиграть* в русском и английском языках показал, что на протяжении девятнадцатого–двадцать первого веков не происходило изменений в рамках компонента *объект приобщения-отчуждения*, но выявлены различия в семантической структуре русского глагола *проигрывать* и английского *to lose*, репрезентирующих экстравектор модели, что обусловлено различным отношением представителей русской и английской лингвокультур к потере собственности. Русский человек в большей степени азартен, в то время как для носителя английского языка окончание владения объектом означает не просто проигрыш, а потерю объекта из своей сферы.

Антиномичная модель *взять – дать / to take – to give* в наиболее общем виде передает установленную инвариантную модель. В отличие от других моделей интравектор анализируемой модели, как в русском, так и в английском языке может расширяться за счет глаголов, актуализирующих признак «вступление в посессию против воли кого-то, чего-либо или незаконным путем»: *грабить, воровать, красть, похищать / to rob, to steal, to kidnap*.

В третьей главе нами будут рассмотрены фразеологические единицы, являющиеся неядерными средствами выражения посессивных антиномий.

Глава 3. Фразеологические единицы как посессивные конверсивы

3.1 Особенности репрезентации интравектора антиномичной модели в семантике фразеологизмов

Посессивные антиномии, помимо глагольной лексики, могут быть представлены в сопоставляемых лингвокультурах фразеологическими единицами. Русский и английский языки богаты устойчивыми сочетаниями, передающими посессивные отношения. Рассматриваемые фразеологизмы «раздвигают рамки» обыденных посессивных ситуаций, при этом в их семантику включаются ценности, имеющие универсальную значимость для представителей обеих лингвокультур. К ним относятся мировоззренческие установки, морально-этические ценности, имеющие отношения к категории посессивности. Они отражаются в разного рода посессивных ситуациях, вербализованных фразеологизмами.

В фактическом материале фразеологических единиц инвариантная антиномичная модель «приобщение – отчуждение» находит выражение в более широком спектре ситуаций, по сравнению с рассмотренными выше, но при этом, в силу специфики самого языкового материала, не представляет четкой бинарной оппозиции. В связи с этим состав конверсивов расширяется.

В процессе репрезентации установленной антиномичной модели в семантике фразеологизмов осуществляется конкретизация посессивных отношений. В результате отношения посессии представлены более детально: с точки зрения начала предпринимаемых субъектом действий для приобщения объекта и собственно владения. Таким образом, интравектор инвариантной модели «разворачивается» в двух фазах, экстравектор представлен фазой «окончание посессии», данные векторные фазы репрезентируются фразеологическими единицами, которые могут быть рассмотрены как конверсивы.

Остановимся на особенностях репрезентации интравектора. В начальной фазе посессивных отношений важным является наличие объекта в реальной действительности, которым субъект хочет или должен (в силу обстоятельств) обладать. Схема начала посессивных отношений, как отмечает М.В. Милованова, может быть представлена в следующем виде: *искал – нашел – взял* (начал иметь). После того, как одушевленный субъект имеет определенные намерения относительно какого-нибудь объекта – желание, необходимость, потребность и т. д. включить его в свою сферу, он начинает активно действовать и в зависимости от ситуации соответствующим образом осуществлять посессивные отношения (Милованова 2007: 126).

Мы рассматриваем фразеологические единицы в русском и английском языках, которые аналогичны предикативным конструкциям со значением обладания (в различных его фазах).

Фразеологическими единицами, выражающими начало посессивных отношений в рамках интравектора, являются: *брать свое, класть себе в карман, прибирать к рукам, наложить лапу, покупать kota в мешке, грести лопатой деньги, брать верх над кем-то, запускать лапу, приходить в голову (мысль пришла в голову), входить в голову, влезать в долги* и др.

Одной из отличительных особенностей фразеологических единиц является их воспроизводимость. Это свойство указывает на то, что каждый раз в речи, используя тот или иной фразеологизм, человек приспособливает уже ранее созданную форму к конкретной ситуации. Однако это только в речи (устной или письменной) фразеологизм наполняется каким-либо определенным содержанием, характеризуя лицо, предмет или явление окружающего мира, в системе же языка он обладает достаточно обобщенным значением. В нашей работе, говоря о субъекте фразеологической единицы, мы не можем оперировать понятием «субъект», подразумевая под ним какое-нибудь конкретное лицо или предмет. Во фразеологии любого языка наиболее ярко

отражается опыт познания человеком окружающей его действительности, поэтому субъект в семантике фразеологизма характеризуется как обобщенный.

Рассмотрим первый компонент модели. Данные фразеологические единицы можно разделить с точки зрения этических норм общества на две группы: фразеологизмы, характеризующие субъекта с отрицательной позиции, и фразеологизмы, характеризующие субъекта с положительной позиции.

К первой группе относятся фразеологические единицы с отрицательным субъектно-оценочным компонентом фразеологического значения, то есть фразеологизмы со значением, выражающим осуждение как констатацию социально устоявшейся оценки определенных черт характера. Как в русском, так и в английском языке данная группа является наиболее многочисленной. По мнению А.Д. Райхштейна, данное явление можно объяснить следующим образом: «Общая семантическая асимметрия фразеологической системы (сдвиг в сторону отрицательных значений) может быть объяснен более острой и дифференцированной эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления, а также характерной для стрессовых, то есть резко отрицательных эмоциональных состояний, тенденций к использованию готовых речевых форм и в том числе устойчивых словесных комплексов» (Райхштейн 1980: 62).

К этой группе можно отнести следующие фразеологические единицы: *влезть в долги, прибираться к рукам, снимать пенки с чего-либо, класть себе в карман, покупать коша в мешке, с руками оторвать, втираться в доверие, обдирать как липку, накладывать лапу (руку) и др.*, которые выражают начало предпринимаемых субъектом действий для включения объекта в свою сферу.

В рамках интравектора обобщенный субъект в процессе реализации семантической структуры фразеологизма характеризуется как активный, конкретный, одушевленный, например: *Слову вы своему не господин. Над людьми любите **верх брать**, а сами им хотя и не хотите, но подчиняетесь* (Куприн. Олеся); *Подожди, Максим, скоро я войду здесь в силу* (Ажаев. Вагон).

Остановимся на втором компоненте модели – объекте. В ряду фразеологических единиц типа *влезть в долги, грести лопатой деньги, класть себе в карман* объект выражен эксплицитно как неодушевленный, конкретный, пассивный, речь идет о присвоении субъектом денежных средств: *Благодаря моим трудам сотня французских лавочников-рантье и десяток ловких русских пройдох со временем **положат в карман миллионы*** (Куприн. Молох.). Объект мы определяем, исходя из синонимичных конструкций, представляющих глагольно-именное сочетание (*грести лопатой деньги – «приобщать» деньги*).

Приобщаемый объект может быть выражен как одушевленный и неодушевленный, что обусловлено контекстуально, в частности, во фразеологизмах *прибирать к рукам (кого, что), брать голыми руками (кого, что)*: – *На днях покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять: вот уж **приберет вас к рукам** Кирила Петрович* (Пушкин. Дубровский); *И насколько был слаб и далек от дела прежний хозяин, настолько быстро новый **прибрал дело к рукам**, извел старые и завел новые порядки, занялся беспощадной сводкой лесов* (Соколов-Микитов. На теплой земле).

Третий компонент модели – посессивное действие, процесс, отношение – выражается непосредственно в семантической структуре всего фразеологизма. В семантической структуре фразеологизмов нами устанавливается категориально-лексическая сема: ‘приобщение объекта к сфере субъекта’, которая реализуется интегральными семами ‘цель приобщения’, ‘характер приобщения’, ‘характер пространства’.

Семантический признак ‘характер пространства приобщения’ тесно связан с характером объекта. Так, пространство, в котором находится объект, может либо являться частью сферы субъекта (замкнуто в сфере субъекта), либо выходить за ее пределы, поэтому ‘характер пространства’ может быть ‘определенный’, ‘неопределенный’, ‘замкнутый в сфере субъекта’. Во фразеологических единицах *класть себе в карман, втираться в доверие*

характер пространства, в котором реализуются субъектно-объектные отношения, определенный. Субъект приобретает материальные ценности в определенном пространстве, речь идет о ситуациях, когда происходит приобретение влияния, расположения другого человека, затрагивается его сфера, соответственно пространство реализации субъектно-объектных отношений определено.

Интегральная сема 'цель приобщения' в семантической структуре фразеологизмов данной группы выражена как 'с целью дальнейших действий'. Субъект приобщает к себе объект всегда с какой-то целью владения им. Это эксплицировано, в частности, в семантической структуре следующих фразеологизмов: *втираться в доверие, брать в руки, грести лопатой деньги*. Субъект старается любыми средствами приобщить к себе объект, порой добиться его расположения с целью дальнейшего использования его в своих интересах: *При помощи услужливости и расторопности **втерся он, однако ж в доверие** к исправнику, так что тот и на следствие брать его стал* (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки); - *Ну не верь, не верь, а я убежден, что он Аглаю успел **в руки взять!** А не взял, так возьмет!* (Достоевский. Идиот).

В качестве релевантной интегральной семы в семантической структуре рассматриваемых фразеологизмов выступает сема 'характер приобщения', поскольку именно ее реализация позволяет говорить о различных отношениях между субъектом и объектом. На примере следующих фразеологизмов наиболее ярко видна реализация данной интегральной семы: *грести лопатой деньги, покупать kota в мешке, втираться в доверие*. В приведенном ряде реализуются следующие дифференциальные признаки: 'без усилий', 'с риском', 'с затратой (приложением) усилий'.

В анализируемой группе представлены фразеологические единицы, характерные только для русского языка: так, фразеологизм *обдирать как липку* отсутствует в английском языке. По мнению А.Э. Вартаньяна «лапти и другие

поделки из липового лыка в огромных количествах употреблялись в старину на Руси. Откуда бралось это лыко? Его сдирали с молоденьких липовых деревьев: из коры старых деревьев лыка не получишь, только мочало. По всем лесам летом жалко торчали голые, засыхающие стволы бесчисленных начисто ободранных юных липок. Тот, кто хоть раз в жизни видел, как грустно это выглядело, скажет: «Меня ничуть не удивляет, что в голову приходил именно этот образ, когда бывало нужно описать человека, ограбленного дочиста, догола»» (Вартаньян 1963).

Ко второй группе фразеологизмов в рамках интравектора, представленного начальной фазой, относятся фразеологические единицы с положительным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения, то есть фразеологизмы со значением, выражающим одобрение как констатацию социально устоявшейся оценки определенных черт характера человека. Их количество меньше количества ФЕ отрицательной оценки: *брать свое, входить в милость, идти в гору, отвечать головой, отдыхать душой, принимать близко к сердцу, входить в силу* и др.

Обобщенный субъект в процессе реализации семантической структуры фразеологизма в контексте характеризуется как одушевленный, активный, конкретный.

В анализируемых фразеологических единицах *входить в силу, брать свое, идти в гору* речь идет о приобретении влияния, положения в обществе, значения: *Руднев быстро шел в гору; в каких-нибудь два или три года из оборванного, смиренного...писца он превратился в секретаря* (Успенский, Очерки переходного времени).

В семантической структуре фразеологизма *входить в милость* можно выделить факультативный признак 'характер второго лица': *Войдешь опять в царскую милость, и чтоб гром меня тут же прихлопнул, коли не пропадет и Вяземский, и все твои враги!* (Толстой. Князь Серебряный). Появление второго лица объясняется тем, что «входить» можно только в чью-то милость

(«приобретать расположение у кого-то»). Соответственно субъект, вступающий в отношения, осуществляет для этого определенные действия, чтобы войти в расположение второго лица, участвующего в ситуации.

С характером объекта тесно связан ‘характер пространства приобщения’. Так, пространство, в котором находится объект, может либо являться частью сферы субъекта (замкнуто в сфере субъекта), либо выходить за ее пределы, поэтому ‘характер пространства’ может быть ‘определенный’, ‘неопределенный’, ‘замкнутый в сфере субъекта’. Как правило, пространство, в котором осуществляются посессивные отношения, определено: *входить в милость, принимать близко к сердцу, входить в силу*.

Осуществляя посессивные отношения, субъект заинтересован в дальнейшем владении объектом. Вследствие этого интегральная сема ‘цель приобщения’ в семантической структуре фразеологизмов данной группы выражена как ‘с целью дальнейших действий’. Это эксплицировано, например, в семантической структуре следующих фразеологизмов: *входить в силу, втираться в доверие, входить в милость, брать верх над кем-то*.

Интегральная сема ‘характер приобщения’ реализуется только в дифференциальных признаках: ‘без усилий’ и ‘с затратой (приложением усилий)’. Дифференциальный признак ‘без усилий’ реализуется в семантической структуре фразеологизма *отдыхать душой*. Дифференциальный признак ‘с затратой (приложением) усилий’ представлен в семантической структуре фразеологических единиц: *брать свое, брать верх над кем-то, входить в милость, входить в силу, идти в гору*. Как видно из примеров, приобретение расположения, влияния, положения, знаний в русском языке связано с затратой усилий.

Обратимся к материалу английского языка и рассмотрим интравектор модели. В английском языке фразеологические единицы, характеризующие субъекта с отрицательной позиции, представлены следующим рядом: *to fall/get into debt (влезть в долгу), to get one's claws into smb. (прибираться к рукам), to*

skim the cream of the crop (снимать пенки), *to buy a pig in a poke* (покупать коша в мешке), *to try to win /gain/smb's confidence* (вмраться в доверие), *to have an advantage over smb.* (брать верх над кем-то), *to be flush with money* (to have money to burn) (грести лопатой деньги) и др.

Субъект в семантической структуре проанализированных фразеологических единиц выражен как одушевленный, конкретный, активный: *It was time he took in hand, because Jim would have to be straightened out by the time they reached Moscow* (Woolf. *The Waves*) – Пора прибрать его к рукам: когда они приедут в Москву, ему понравится вышколенный Джим.

Объект может быть неодушевленный, если речь идет о приобретении денежных средств: *Did he run into debt, or gamble, or swear; was he violent; were his friends rackety; did he stay out at night?* (Galsworthy. *The Man of Property*) – Разве он влез в долги, играет в карты, несдержан на язык, груб; разве он заводит предосудительные знакомства; проводит ночи вне дома; *Say why don't you get married with all this money to burn? You could get the finest girl in the land* (London. *Martin Eden*) – Ах, Март, какого черта ты не женишься? С такими-то деньгами – да ты можешь жениться на первой красавице. В семантической структуре фразеологизмов *to get one's claws into smb.* (прибрать к рукам), *to gain/get an advantage over smb.* (брать верх над кем-то) объект выражен как одушевленный, конкретный, пассивный: *I should be wary of that fellow. Don't let him get his claws into you or there'll be no getting rid of him* (Show. *Corridors of Power*) – Я бы остерегался этого человека. Не разрешайте ему заарканить вас, от него потом не отвяжешься.

Особенности реализации релевантной семы 'характер приобщения' можно проследить на примере следующих фразеологических единиц: *to buy a pig in a poke* (покупать коша в мешке), *to skim the cream of the crop* (снимать пенки), *to have an advantage over smb.* (брать верх над кем-то). В приведенном ряду реализуются следующие дифференциальные признаки: 'с риском', 'без усилий', 'с затратой (приложением) усилий'. В данных примерах наиболее ярко

видны отношения между субъектом и объектом, процесс приобщения объекта к сфере субъекта.

В английском языке фразеологические единицы, отражающие положительные черты характера, представлены следующим рядом: *to take in hand* (экв. брать в руки), *to feel strongly about smth.* (принимать близко к сердцу), *to ease one's anxiety* (отдыхать душой), *to stake one's life for/on smb.* (отвечать головой за кого-либо), *overestimate oneself, to take liberties* (экв. брать на себя), , *to gain/get an advantage over smb.* (брать верх) и др.

При анализе английских фразеологических единиц отмечено, что первый компонент модели – субъект – выражен как одушевленный, конкретный, активный. Объект во многих примерах рассматривается как неодушевленный: *Make no mistake. I am more than ready to take up the cudgels to defend what is mine. – Well. I never thought you were so capable of feeling so strongly about – that* (Osborne. The World of Paul Slickey) – Не сомневайся, я всегда готов драться за то, что принадлежит мне. – Я ... ведь никогда не думала, что ты так близко к сердцу примешь все случившееся; *try to make sense of smth* (брать в ум) – *I could make no sense of the Pantaleone documents until they were listed and collated with the general's dossier* (Lindsay. A local Habitation) – Я не мог взять в ум документы Панталеоне, пока не был составлен из список и не появилась возможность сравнить их с досье генерала.

В следующих фразеологизмах – *to come into/enter one's head* (приходить в голову), *to stake one's life for/on smb.* (отвечать головой), *to feel strongly about smth* (эквивалент принимать близко к сердцу) – интегральная сема 'характер пространства' реализуется в дифференциальном признаке 'определенный', что подчеркивают контекстуальные уточнители *head, mind*: *I have even entered my head* (Show. The YoungLions) – Это как раз **пришло мне в голову**.

Как в русском, так и в английском языках в этой группе в семантике фразеологизмов интегральная сема 'характер приобщения' реализуется в дифференциальном признаке 'без усилий': *to ease one's anxiety* (отдыхать

душой); и в дифференциальном признаке ‘с затратой усилий’: *to try to understand smth* (взять в ум), *try to make sense of smth* (брать в ум), *overestimate oneself* (брать на себя), *to come into/enter one’s head* (входить в голову), *to gain smb’s confidence* (брать верх), *to stake one’s life for/on smb.* (отвечать головой за кого-либо); *to feel strongly about smth.* (принимать близко к сердцу).

В анализируемой группе широко употребляются соматизмы в составе фразеологических единиц. В значительной степени это обусловлено тем, что соматические фразеологизмы представляют собой один из древнейших слоёв в лексике различных языков и входят в ядро основного состава словарного фонда языка. Обилие соматических фразеологизмов в разных языках естественно, так как «соматические лексемы, входящие в их состав, обладают высокой способностью метафоризироваться» (Чердынцева 1996: 25).

Во фразеологических единицах, в основе которых лежат реакции внутренних органов и частей тела на внешние речевые и неречевые раздражители, «отражается взгляд на язык как на двусторонний коммуникативный процесс. Оба участника ситуации, независимо от того, в каком языковом социуме они живут, обладают знаниями о возможностях своего организма, то есть владеют определённой символикой», – отмечает Т.З. Чердынцева (Чердынцева 1996:27).

В основу многих анализируемых нами фразеологических единиц положены соматические образы. В русском фразеологическом фонде они представлены шире, нежели в английском. Наиболее часто встречаются фразеологические единицы, в основу которых положены следующие соматизмы: *голова, руки, сердце*. Образ головы выступает как вместилище, руки являются основным средством приобщения объекта.

Как показал анализ фактического материала при сравнении образных систем, положенных в основу фразеологических единиц русского и английского языков, образная основа в русском языке представлена богаче:

брать в руки – to take in hand, брать, взять в ум – to try to understand smth., try to make sense of smth., отвечать головой за кого, что – to stake one's life for/on smb.; to answer for smb. with one's life, принимать близко к сердцу – to feel strongly about smth. и др. (см.: Приложение).

Приобщаемый объект также по-разному отражен в семантике русских и английских фразеологизмов. В русском языке в семантике фразеологизмов объект, как правило, является неодушевленным, в то время как в семантике английских фразеологических единиц объект может быть как одушевленным, так и неодушевленным.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в основу фразеологизмов русского языка положены соматические образы, которые конкретизируют характер субъектно-объектных отношений, в то время как в структуре английских фразеологических единиц они используются значительно реже.

Если в начале посессивных отношений важным является наличие объекта, его поиск, процесс приобщения объекта, то затем для субъекта становится важным сам процесс владения, хранения и накопления объектов в своей сфере. Само понятие владения занимает центральное место в категории посессивности. В рамках интравектора фаза владения представлена следующими фразеологизмами: *держат под каблуком, иметь руку, накладывать руку на что-то, владеть словом, владеть собой, попадать в руки, беречь каждую копейку, держать в кубышке, окунуться с головой во что-либо, перебиваться с гроша на копейку, быть при деньгах, держать на привязи, держать себя в руках* и др.

В качестве категориально-лексической семы в семантической структуре фразеологических единиц данной группы выступает сема 'имение объекта в сфере субъекта'. В свою очередь данная сема представлена интегральными семами 'характер субъекта', 'характер объекта', 'характер обладания', 'способ осуществления деятельности'.

Субъект в анализируемых фразеологических оборотах выступает как одушевленный, конкретный, активный: *Никогда у нас лишних денег не было. Каждую копейку берегла, себе ничего нового не покупала* (Катерли. Цветные открытки); *Не я один влюбился в нее; все мужчины, посещавшие ее дом, были от не без ума – и она их всех держала на привязи – у своих ног* (Тургенев. Первая любовь).

В анализируемых фразеологизмах второй компонент модели – объект – выражен как неодушевленный, пассивный, конкретный, когда речь идет о материальных средствах: *беречь каждую копейку, перебиваться с гроша на копейку, быть при деньгах, держать в кубышке*.

Для одушевленного субъекта в процессе жизни очень важным является собственно владение, особенно материальными ценностями. Он старается не просто владеть ими, а сохранить, накопить, сделать все, чтобы объект сохранился, поэтому можно говорить, что объект в данном случае выступает как ценный для субъекта.

На примере приведенного выше ряда фразеологических единиц можно увидеть, что субъект старается сохранить объект в своей сфере. Интегральная сема ‘характер обладания’ в семантической структуре фразеологизмов *беречь каждую копейку, держать в кубышке* реализуется в дифференциальном признаке ‘хранение объекта, контроль над ним’: *Никогда у нас лишних денег не было. Каждую копейку берегла, себе ничего нового не покупала* (Катерли. Цветные открытки). Пространство субъектно-объектных отношений конкретизировано, определено (*держат в кубышке*, то есть хранить деньги дома).

В семантической структуре фразеологических единиц *держат под каблуком, держат на привязи* данная сема реализуется в дифференциальном признаке ‘подчинение объекта сфере субъекта’: *Не я один влюбился в нее; все мужчины, посещавшие ее дом, были от не без ума – и она их всех держала на привязи – у своих ног* (Тургенев. Первая любовь); *Вот какая тебе баба*

попалась: *держит своего муженька под каблуком и в ус не дует. Ей-богу, зауважашь такую.* Объект в анализируемых фразеологизмах одушевленный, конкретный, пассивный. Субъект подчиняет объект своей сфере, старается контролировать его, для этого ему приходится выполнять ряд целенаправленных действий, чтобы объект постоянно находился в его сфере.

Для субъекта важным является также его личная сфера, касающаяся личностных качеств: *Вдруг дверь стремительно раскрылась, и вошел папа. Никогда его таким не видел: он превосходно владел собою и в самом сильном гневе говорил спокойно и сдержанно. Но тут он шатался от бешенства, глаза горели* (Вересаев. В юные годы). Речь идет о включении объекта в сферу субъекта, как его определенного качества, характеристики. Соответственно интегральная сема 'характер пространства' выражается в дифференциальном признаке 'замкнутое в сфере субъекта'.

В английском языке фаза собственно посессии представлена следующими фразеологическими единицами: *to keep smb. under one's thumb* (держат под каблуком), *to have a Literary talent* (владеть пером), *to keep money under one's mattress* (держат в кубышке), *to have one's head screwed on the right way* (иметь голову на плечах), *to be patronized by an influential person* (иметь руку), *to have an eye on smb./smth.* (иметь виды), *to get a grip on oneself* (владеть собой), *to be caught by smb.* (попадать в руку), *to be fully absorbed in smth.* (окунуться с головой во что-либо), *to use one's money sparingly* (беречь каждую копейку), *to keep body and soul together* (перебиваться с гроша на копейку), *to be with money* (быть при деньгах), *not to give smb. an opportunity to act freely* (держат на привязи), *to control oneself* (держат себя в руках) и др.

Первый компонент модели – субъект – в анализируемых фразеологических оборотах выступает как одушевленный, конкретный, активный: *She's got them so awed – so positively under her thumb – it's indecent* (Christie. Appointment with Death) – *Она держит в ежовых рукавицах всю свою семью и так запугала их всех, что это уже выходит за рамки пристойного;*

Mrs. Bessie had her head screwed on the right way, there was no denying, although why she married Ted Watt no one could imagine (АФС, 64) – Нельзя отрицать, что миссис Бесси – женщина с головой, хотя и непонятно, как она могла выйти замуж за Теда Уотта.

Говоря об объекте посессивных отношений, следует отметить, что он может быть выражен как неодушевленный, конкретный, пассивный во фразеологических единицах *to keep money under one's mattress, to use one's money sparingly: We have never had much money, that's why we **used our money sparingly** (АФС, 91) – У нас никогда не было много денег, поэтому мы берегли каждую копейку.* В структуре данных фразеологических единиц объект выражен эксплицитно – *money* (деньги). В семантической структуре фразеологизма *to keep money under one's mattress* (букв. *хранить деньги под матрасом*) актуализируется интегральная сема 'характер пространства' в дифференциальном признаке 'определенное'.

Сопоставив фразеологические единицы *беречь каждую копейку – to use one's money sparingly* (букв. *использовать деньги скупно*), можно отметить, что для представителя русской лингвокультуры важным является процесс хранения, объект является ценным, в то время как для представителя английской лингвокультуры главным становится умеренное использование денежных средств, так как их было тяжело заработать, соответственно тратить следует рационально: *We have never had much money, that's why we **used our money sparingly** (АФС, 412) – У нас никогда не было много денег, поэтому мы берегли каждую копейку.*

Интегральная сема 'характер обладания' в семантической структуре фразеологизмов *to keep money under one's mattress, to use one's money sparingly* реализуется в дифференциальном признаке 'хранение объекта, контроль над ним'.

В семантической структуре фразеологических единиц *to keep smb. under one's thumb* (*держат под каблуком*), *not to give smb. an opportunity to act*

freely (держать на привязи) данная сема реализуется в дифференциальном признаке 'подчинение объекта сфере субъекта': *She's got them so so awed – so positively under her thumb – it's indecent* (Christie. Appointment with Death) – Она держит в ежовых рукавицах всю свою семью и так запугала их всех, что это уже выходит за рамки пристойного; *He made his mind, that she didn't give him an opportunity to act freely* (Galsworthy. To Let) – Ему пришло в голову, что она держала его на привязи.

В анализируемых фразеологизмах объект выражен как одушевленный, конкретный, пассивный. Субъект подчиняет объект своей сфере, старается контролировать его, распоряжаться им. При этом 'способ осуществления действия' происходит через целенаправленную деятельность субъекта.

При сопоставлении фразеологизмов *not to give smb. an opportunity to act freely* (букв. не давать кому-либо возможности действовать свободно) – *держать на привязи* можно отметить, что в русском и английском языках передается разная степень владения объектом. В русском языке фразеологизм *держать на привязи* передает значение «иметь кого-либо постоянно при себе, в качестве поклонника», через значение существительного *привязь* – «предмет, служащий для привязывания кого-либо, чего-либо» (ТСРЯ 1994: 589) – передается большая степень неотторжимого обладания субъектом объектом. В то время как значение английского фразеологизма передает лишь отсутствие возможности у объекта действовать свободно, в силу желания субъекта.

При субъектно-объектных отношениях затрагивается и личная сфера субъекта, касающаяся его качеств, характеристик: *Mrs. Bessie had her head screwed on the right way, there was no denying, although why she married Ted Watt no one could imagine* (Richard. Coornadoo) – Нельзя отрицать, что миссис Бесси – женщина с головой, хотя и непонятно, как она могла выйти замуж за Теда Уотта. Здесь речь идет об интеллектуальных качествах субъекта; им были затрачены определенные усилия для накопления знаний, теперь для него является важным наличие их в своей сфере.

Через целенаправленные действия субъект старается включить в свою сферу объекты, касающиеся его личностных характеристик: *I repeat there is absolutely no cause for alarm so long as we keep our heads* (Lewis. The Volcanoes above Us) – *Повторяю, бояться нечего, только надо **владеть собой***. Речь идет о включении такого качества, как самообладание (объект – неодушевленный, абстрактный, пассивный), в сферу субъекта как его личностной характеристики.

Фаза собственно посессии в сопоставляемых языках является одной из главных в рамках интравектора анализируемой модели. Собственно владение может быть конкретизировано с точки зрения того, каким образом субъект осуществляет свое владение. Поскольку субъект-посессор, как правило, заинтересован в сохранении объекта в своей сфере, наибольшее развитие получили фразеологические единицы, отражающие бережное, внимательное отношение к объекту. Пространство субъектно-объектных отношений при этом конкретизировано, определено. Для представителя русской лингвокультуры важным является процесс хранения, объект является ценным, в то время как для представителя английской лингвокультуры главным становится умеренное использование денежных средств.

Субъект может подчинять объект своей сфере, стараться контролировать его, для этого ему приходится выполнять ряд целенаправленных действий, чтобы объект постоянно находился в его сфере.

Говоря об образной составляющей фразеологических единиц, можно отметить, что в основу фразеологизмов русского языка и английского языков положены определенные образы, конкретизирующие субъектно-объектные отношения (см.: Приложение). В структуру фразеологизмов русского языка входят образы, передающие национально-культурную специфику: *держат в кубышке* (кубышка – широкий глиняный сосуд), в английском языке местом хранения, сбережения денежных средств является *mattress* (матрас); *беречь*

каждую копейку (копейка – мелкая монета, сотая доля рубля), в английском *to keep money under one's mattress* используется лексема *money* (деньги).

Соматический образ *головы (head)*, как вместилища, представлен в обоих языках: *to have one's head screwed on the right way* – *иметь голову на плечах*.

3.2 Особенности репрезентации экстравектора антиномичной модели в семантике фразеологизмов

Завершающей фазой в анализируемой нами модели является фаза «окончание посессии», которая репрезентирует экстравектор установленной модели. Ситуацию окончания посессии в русском языке могут выражать следующие фразеологические единицы: *оставить на бобах, выбивать из головы, выводить из строя, до последней копейки, лишаться ума, отделать дешево, перекидывать на плечи кому-либо, поставить крест, сбрасывать с плеч, пускать по миру, выпускать из рук, вылететь в трубу, идти прахом, пропускать мимо рук, протереть глаза деньгами, проигрывать до последней рубашки, сводить на нет, терять почву из-под ног, бить по карману* и др.

Ситуация отчуждения может быть представлена прежде всего как передача объекта другому лицу (добровольная, либо вынужденная) и как утрата объекта по какой либо причине.

В качестве категориально-лексической семы в семантической структуре фразеологических единиц выступает сема 'окончание имения объекта в сфере субъекта'. Данная сема представлена интегральными семами 'способ окончания имения объекта в своей сфере', 'характер второго лица, участвующего в ситуации'. Говоря о субъекте, выражаемом фразеологической единицей, мы характеризуем его как обобщенный. Но, исходя из того, что в контексте фразеологизм наполняется каким-либо определенным содержанием, характеризует какое-то определенное лицо с положительной или

отрицательной точки зрения, можно говорить, что субъект выражен как активный, конкретный, одушевленный.

Релевантной интегральной семой является сема 'характер окончания имени объекта в своей сфере', поскольку именно она непосредственно указывает на специфику обозначаемой посессивной ситуации.

Во фразеологических единицах *перекладывать на плечи, обдирать как липку, подмазывать колеса, поставить крест, сбрасывать с плеч, пускать по миру, до последней копейки* данная сема реализуется в дифференциальном признаке 'сознательный': *Похлопочи, чтоб скорей...Денег не жалеи; где придется колеса подмазать-подмажь, только поскорей ворочайся* (Мельников-Печерский. В лесах); *Чтобы скорее свалить с плеч эту обузу, на третий день своего приезда он сердито, не отвечая на вопрос, куда он идет, пошел с нахмуренными бровями во флигель к Митеньке и потребовал у него счета всего* (Толстой. Война и мир). Субъект сознательно лишается тех объектов, материальных ценностей, которыми владеет. Так как субъект лишается материальных ценностей (*обдирать как липку, подмазывать колеса, пускать по миру*), то характер объекта может быть выражен как неодушевленный, конкретный, пассивный. Остановимся подробнее на фразеологизме *подмазывать колеса*: в семантической структуре реализуется интегральный признак 'характер второго лица, участвующего в ситуации', который выражен как одушевленный, конкретный, пассивный. Осуществляется посессивная ситуация, в которой участвуют два лица, либо группа лиц. При этом второе лицо приобщает себе объект, отчуждаемый субъектом, то есть происходит смена владельца, субъект теряет статус посессора.

В приведенных выше фразеологических единицах объект конкретный, так как речь идет о деньгах. Во фразеологизме *поставить крест* объект выражен как абстрактный, субъект сознательно отказывается от мыслей, надежд, разуверившись в них, в данном случае речь идет о внутренней сфере субъекта: *А серьезное во всем, что он сказал, было одно: сестры нет, и как бы*

ни любил ее Синцов, надо **поставить на этом крест** и жить, как судьба подскажет (Симонов. Солдатами не рождаются).

Остановимся подробнее на фразеологических единицах *пропускать мимо рук, выпускать из рук*. В основу данных фразеологизмов положен соматический образ – *руки*, который является важным при рассмотрении посессивной ситуации, так как именно с руками связана передача объекта, его приобщение. В семантической структуре анализируемых фразеологизмов интегральная сема ‘характер окончания имени объекта в своей сфере’ реализуется в дифференциальном признаке ‘ненамеренный, случайный’, так как субъект лишается объекта, упустив его, порой не желая расставаться с ним: *Ей обидно было, что она просмотрела, пропустила мимо рук эту силу* (Николаева. Жатва). Объект в данном случае выражен как абстрактный и пассивный, речь идет о лишении субъекта каких-либо возможностей, силы.

В семантической структуре фразеологизма *проигрывать до последней рубашки* актуализируется семантический признак ‘средство окончания имени объекта’, который выражен в дифференциальном признаке ‘посредством игры’: *Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать – и куды!.. пошел кутить... Иной раз все до последней рубашки спустит* (Гоголь. Ревизор). В значении данного фразеологизма подчеркивается полное окончание владения субъектом объекта.

Во фразеологической единице *протереть глаза деньгам* интегральная сема ‘характер окончания имени объекта в своей сфере’ реализуется как ‘ненамеренный’: *Он думал так, что маменька богата, не пожалеет для него, взял, да казенным денежкам глаза и протер* (Писемский. Старая барыня). Субъект лишается принадлежащих ему денег, расходует их, не придавая значения имеющимся материальным ценностям. В английском языке отсутствует аналог либо эквивалент данной фразеологической единице. По-видимому, для носителей английского языка не является релевантной ситуация отчуждения принадлежащих им объектов необдуманно (*прокутить*,

промотать). Для них, напротив, важным является сохранение объектов, приумножение их, особенно это касается материальных ценностей.

Окончание имени объекта в сфере субъекта может происходить также вынужденно. Субъект лишается чего-либо в силу обстоятельств. Анализируя семантическую структуру фразеологизма *терять почву из-под ног*, можно отметить, что рассматриваемая сема реализуется как ‘вынужденный’: *Ведь она видит, – он исписался, потерял почву под собой...и, когда он говорит уверенно, он лжет себе, обманывает других* (Горький. Дачники). Здесь речь идет о том, что субъект лишается уверенности в себе в силу утраты того, на чем основывается его общественное положение или мировоззрение.

В семантической структуре анализируемых фразеологических единиц релевантная интегральная сема представлена полным рядом дифференциальных признаков (‘сознательный способ’, ‘вынужденный способ’, ‘ненамеренный, случайный способ’); передача может осуществляться как с помощью рук, так и с помощью других действий субъекта. В некоторых примерах субъект передает объект другому лицу, полностью утрачивая статус посессора, объект может иметь как неодушевленный характер, так и одушевленный. Говоря о субъекте посессивных отношений, можно отметить, что в большинстве случаев его можно охарактеризовать с отрицательной позиции: *протереть глаза деньгам, проигрывать до последней рубашки, пускаться по миру и т. д.*

В английском языке фразеологические единицы, отражающие фазу окончания посессивных отношений, представлены следующим рядом: *to be left with nothing* (оставить на бобах), *to put smb./smth. out of action* (вывести из строя), *not to have a penny to bless oneself* (истратить все до последней копейки), *to take smb. put on smb's shoulders* (перекладывать на плечи), *to be left with nothing but the shirt on one's back* (снять с себя последнюю рубашку), *to go down the grain* (вылететь в трубу), *to get off cheap* (отделаться легко), *to unburden oneself* (сбрасывать с плеч), *to close one's eyes on smth.* (выпускать из

рук), *to miss smth.* (пропускать мимо рук), *to fell the ground slipping away from under one's feet* (терять почву из-под ног) и др.

В процессе реализации семантической структуры фразеологизма в контексте фразеологизм наполняется конкретным содержанием, характеризует определенное лицо с положительной или отрицательной точки зрения, поэтому можно говорить, что в рамках обозначенной группы субъект выражен как активный, конкретный, одушевленный.

Второй компонент модели – объект – может быть выражен как неодушевленный: *I haven't bothered with business. I put it all on Bob's shoulder's* (Gardner. The Case of the Silent Partner) – Я не занималась делами. Я все дела бросила на Боба; *One of his guests, a writer of poetical drama, was a man who three months after he had earned a thousand pounds, never had a penny with which to bless himself* (Jerome K. Jerome. Paul Kelper) – В числе его посетителей находился один драматург – человек, которому гонорара в тысячу фунтов хватало месяца на три, после чего он оставался без гроша в кармане. В качестве объекта выступают деньги (*penny*), дела, заботы. В ряде фразеологических единиц объект выражен как одушевленный: *Someone should have put him out of action long ago* (Greene. The third Man) – Давно бы пора с ним покончить.

Релевантной интегральной семой, как и для русских фразеологических единиц, является сема ‘характер окончания имени объекта в своей сфере’. В семантической структуре фразеологизмов *to be left with nothing but the shirt on one's back* (снять с себя последнюю рубашку), *put on smb's shoulders* (перекладывать на плечи), *to put smb./smth. out of action* (вывести из строя), *to unburden oneself* (сбрасывать с плеч) данная сема реализуется в дифференциальном признаке ‘сознательный’, то есть субъект осознанно отчуждает объект, даже если он отдает последнее и может остаться ни с чем (*to be left with nothing but the shirt on one's back* (снять с себя последнюю рубашку).

Субъект в процессе посессивных отношений может лишаться объекта ненамеренно, не желая этого: *to close one's eyes on smth.* (выпускать из рук), *to miss smth.* (пропускать мимо рук): *How could she miss such important work! She was accused herself for her sluggishness* (Cronin. Grand Canary) – *И надо же было пропустить мимо рук такую сделку. Она ругала себя за нерасторопность.*

Интегральная сема 'характер окончания имени объекта в своей сфере' может также выражаться в дифференциальном признаке 'вынужденный' в семантической структуре фразеологизма *to feel the ground slipping away from under one's feet* (терять почву из-под ног): *Understanding, that he has felt the ground slipping from under his feet, he has calmed. But could he be weakened? No, no and no...* (Maughm. The Summing Up) – *Чувствуя, что окончательно теряет почву из-под ног, он замолчал. Но разве он мог сдаться? Нет, нет и нет.* Из данного примера мы видим, что субъект вынужден отказаться от своей позиции, своего мнения в силу обстоятельств.

В семантической структуре фразеологизма *to put on smb's shoulders* (перекладывать на плечи) реализуется интегральная сема 'характер второго лица, участвующего в ситуации', который выражен как одушевленный, конкретный, пассивный: *I haven't bothered with business. I put it all on Bob's shoulder's* (Gardner. The Case of the Silent Partner) – *Я не занималась делами. Я все дела бросила на Боба.* Осуществляется посессивная ситуация, в которой участвуют два лица. Посессор, отчуждая от себя объект, обременяет им второе лицо, то есть происходит смена владельца, субъект теряет статус посессора.

Для носителей английского языка нежелательно лишаться объектов владения ненамеренно, важным является осознание передачи объекта другому субъекту, либо отчуждение объекта сознательно.

Фразеологический фонд английского языка, репрезентирующий фазу окончания посессивных отношений в рамках экстравектора, представлен не так широко. Это связано с тем, что для некоторых фразеологизмов русского языка отсутствуют эквиваленты либо аналоги с синонимичным значением

(*поставить крест, вылететь в трубу, идти прахом, подмазывать колеса, протереть глаза деньгами*).

Такая неактуальность вербализации рассматриваемой фазы для английской лингвокультуры может быть обусловлена особенностями национального характера, менталитета, бережным отношением носителя английского языка к имеющимся в его сфере объектам и нежеланием с ними расставаться.

При сопоставительном анализе русских и английских фразеологических единиц было выявлено, что различаются образы, положенные в их основу (см.: Приложение). В русском языке образы, лежащие в основе фразеологизма, конкретизируют объект передачи либо утраты: *копейка, деньги*, в то время как в английском языке объект уточняется лишь в контексте. Важным является также тот факт, что процесс передачи субъектом объекта либо его утраты связан с соматизмом *руки: пропускать мимо рук, выпускать из рук*; в структуре английских фразеологических единиц данный соматизм отсутствует (*to miss smth, to close one's eyes on smth. (букв. закрывать глаза на что-либо)*).

При анализе семантических структур русских и английских фразеологических единиц было выявлено, что релевантная для русских фразеологизмов интегральная сема 'способ окончания имения объекта в сфере субъекта' реализуется в полном наборе дифференциальных признаков ('сознательный', 'вынужденный', 'ненамеренный, случайный'), это говорит о том, что носитель русского языка лишается принадлежащих ему объектов в разных ситуациях, по разным причинам, не всегда зависящим от него. Многие русские классики отмечали, что русский человек является фаталистом в силу своего достаточно «легкого» отношения к объектам, которыми он владеет. В семантической структуре английских фразеологизмов данная сема реализуется также во всем ряде дифференциальных признаков, но в большей степени представлен ряд фразеологизмов, в семантической структуре которых реализуется дифференциальный признак 'сознательный', что говорит о

стремлении представителей английской лингвокультуры контролировать происходящие в их жизни события.

Выводы по третьей главе

Исследование фразеологизмов в рамках антиномичной модели «приобщение – отчуждение» позволяет осмыслить «традиционный» языковой материал в новом аспекте: провести анализ «глубинной» структуры фразеологизмов, рассмотреть фразеологические единицы, репрезентирующие посессивные отношения с точки зрения двух фаз посессии: начало и окончание. Каждая из фаз развития посессивных отношений описывается с точки зрения различных параметров, находящих отражение в семантике фразеологических единиц. В связи с этим нами реконструирована обобщенная семантическая структура фразеологизмов, выражающих различные фазы посессивных отношений, позволяющая сопоставить русские и английские фразеологические единицы в лингвокультурном аспекте.

Таким образом, в семантике фразеологизмов интравектор инвариантной модели представлен двумя фазами: начало, собственно владение, экстравектор – фазой окончания посессии.

Фаза «начало посессии» является релевантной для представителей как русской, так и английской лингвокультур. В анализируемой группе широко употребляются соматизмы в составе фразеологических единиц русского языка. В значительной степени это обусловлено тем, что соматические фразеологизмы представляют собой один из древнейших слоёв в лексике языка и входят в ядро основного состава словарного фонда. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в основу фразеологизмов русского языка положены следующие соматизмы: *рука, голова, сердце*.

Субъект-посессор, как правило, заинтересован в сохранении объекта в своей сфере, поэтому наибольшее развитие получили фразеологические

единицы, отражающие бережное, внимательное отношение к объекту. Пространство субъектно-объектных отношений при этом конкретизировано, определено. Для представителя русской лингвокультуры важным является процесс хранения, объект является ценным, в то время как для представителя английской лингвокультуры главным становится умеренное использование денежных средств, так как их было тяжело заработать, соответственно тратить следует рационально.

Фаза «окончание посессии» репрезентирует отношения, связанные с потерей, передачей объекта. При анализе семантической структуры русских и английских фразеологических единиц было выявлено, что релевантная для русских фразеологизмов интегральная сема 'способ окончания имени объекта в сфере субъекта' реализуется в полном наборе дифференциальных признаков ('сознательный', 'вынужденный', 'ненамеренный, случайный'), это говорит о том, что русский человек лишается принадлежащих ему объектов в разных ситуациях, по разным причинам, не всегда зависящим от него. В семантической структуре английских фразеологизмов данная сема реализуется также во всем ряде дифференциальных признаков, но в большей степени представлен ряд фразеологизмов, в семантической структуре которых реализуется дифференциальный признак 'сознательный', что говорит о стремлении англичан контролировать происходящие в их жизни события.

Проведенный анализ фразеологизмов позволяет говорить об особенностях национального характера, особенностях этических норм, распространенных в сопоставляемых лингвокультурах. Можно отметить, что в разных жизненных ситуациях применительно к посессивным отношениям культурно-национальные стереотипы поведения, нравственные требования, предъявляемые членами лингвокультур друг к другу, отличаются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория посессивности является одной из универсальных и находит выражение в любой лингвокультуре. В связи с тем, что посессивные отношения являются динамическими и представляют собой развивающийся во времени разнонаправленный процесс, это позволяет выделить в рамках данной категории посессивные антиномичные модели.

Антиномичность данной модели проявляется в структуре: модель включает в себя интравектор и экстравектор, которые выражают разнонаправленность посессии. Интравектор представлен следующими структурными компонентами: субъект приобщающий; объект приобщаемый; действие-, процесс-, отношение-приобщение; конситуация осуществления приобщения. Экстравектор – субъект отчуждающий; объект отчуждаемый; действие-, процесс-, отношение-отчуждение; конситуация осуществления отчуждения. Под конситуацией понимается детерминированность, сопровождающий фон осуществления посессивного отношения.

Анализ языковых единиц показал, что базовая антиномия посессивных отношений может быть представлена в виде инвариантной модели «приобщение – отчуждение», которая, в свою очередь, имеет варианты: *купить – продать, наследовать – завещать, выиграть – проиграть, собирать – утрачивать, взять – дать*. Языковыми средствами-репрезентантами установленных моделей являются посессивные конверсивы.

«Купить – продать». Данная антиномичная модель репрезентируется следующими глаголами-конверсивами: *купить, накупить, закупить, скупить, выкупить, перекупить, достать / продать, распродать, перепродать, сбыть; to buy / to sell*. При сопоставительном анализе выявлены сходные и различающиеся лингвокультурные характеристики: в русском языке в рамках интравектора установлены такие характеристики, как желание имения объекта (нейтральное, страстное), стремление, цель, желание обогатиться,

вынужденность, осознанность, трудности, востребована такая характеристика **внутреннего состояния**, как мечта, а также негативные эмоции (страдание, горе); в английском – необходимость, тяжесть, отмечена частотность употребления примеров, передающих **позитивные эмоции**; в рамках экстравектора в русском языке ключевыми являются: давно (**темпоральность**), предательство (**обстоятельства**), повышенная эмоциональность (**сопровождающие эмоции**), в английском – результативность (**обстоятельства**), позитивные эмоции, радость (**сопровождающие эмоции**).

«**Наследовать – завещать**» – в русском языке репрезентируется конверсивами *наследовать, унаследовать / завещать*; в английском – *to inherit, to derive, to take by inheritance / to bequeath, to devise, to will*. В русском языке в рамках интравектора выявлены такие характеристики, как доказательство, необходимость, зависимость от субъекта (детерминированность), трудности (**обстоятельства**), ключевыми являются следующие лингвокультурные характеристики: счастье, обреченность (**внутреннее состояние**); в английском – выгода (детерминированность), наличие права (**обстоятельства**). В рамках экстравектора в русском языке – вынужденность (детерминированность), невыгодность (**обстоятельства**); в фактическом материале английского языка наиболее часто выражена зависимость от субъекта.

«**Выиграть – проиграть**». Языковыми репрезентантами данной модели являются глаголы-конверсивы *выигрывать (выиграть) / проигрывать (проиграть)*; в английском языке – *to win / to lose*. Данная модель представляет собой четкую бинарную оппозицию. В сопоставляемых языках отмечены сходные и различающиеся лингвокультурные характеристики: в русском языке в рамках интравектора выявлены такие характеристики, как возможность обогатиться, целеустановка, необходимость (причина), много (количество), неожиданно, усилия, трудности, везение (**обстоятельства**); в английском – страстное желание (причина), удача, намеренно (**обстоятельства**), уверенность (**внутреннее состояние**), сопровождающие эмоции (безэмоциональность); в

рамках экстравектора в русском языке – наличие умения (причина); в английском языке – предчувствие (внутреннее состояние). При этом в рамках интарвектора в наибольшей степени встречаются такие характеристики, как **внутреннее состояние** – надежда, озабоченность, разнообразные **причины** (*выиграть*), помощь субъекта (*to win*); в рамках экстравектора – **внутреннее состояние**: равнодушие, негативные эмоции (*проиграть*); **сопровождающие эмоции**: безэмоциональность (*to lose*).

«Собирать – утрачивать». Данная модель представлена широко в обоих языках. В связи с этим интравектор модели репрезентируется расширенным рядом глаголов: *заработать* (*зарабатывать*), *копить*, *накопить* (*накапливать*), *собирать* (*собирать*), *нажить* (*наживать*); экстравектор – *тратить*, *расходовать*, *издерживаться*, *транжирить*, *экономить*, *терять*; в английском языке глаголами-конверсивами – *to save*, *to earn*, *to collect*, *to gain* – *to spend*, *to expend*, *to lose*. При сопоставительном анализе отмечены сходные и различающиеся лингвокультурные характеристики: в русском языке в рамках интравектора выявлены такие характеристики, как желание обогатиться, хлопоты, негативные эмоции, скрытность; в английском языке – специально (средства), много (количество); в рамках экстравектора в русском языке – желание обогатиться, сильное желание (причина), порыв, нерезультативность, рациональность (обстоятельства), позитивные, негативные эмоции (эмоциональное состояние); в английском – вынужденность, бесцельность (обстоятельства). Наибольшую представленность в фактическом материале, репрезентирующем интравектор модели, имеют следующие лингвокультурные характеристики: **темпоральность** – долго (*собирать*), постепенно (*to save*); **внутреннее состояние** – скрытность (*собирать*); **эстравектор** – **обстоятельства**: усилия, трудности (*to spend*); **сопровождающие эмоции**: удовольствие, разочарование (*утрачивать*); **внутреннее состояние**: слабость, глупость, неумения (*утрачивать*); разнообразные **причины** (*утрачивать*).

«Взять – дать». По сравнению с другими моделями, рассмотренными выше, данная модель в наиболее общем виде передает установленный инвариант. Репрезентантами в русском языке выступают глаголы-конверсивы *взять (брать, отобрать), хватать, схватить (схватывать), ухватить (ухватывать), поймать (ловить), овладеть, присвоить, грабить (ограбить), красть (украсть), воровать (обворовать), похитить (похищать) / дать, отдать, передать* и производные; в английском – *to take (брать, взять), to catch (ловить), to rob (грабить), to steal (воровать, красть, похитить), to kidnap (похитить) / to give, to return, to pass on, to turn over*. При объективации данной модели в сопоставляемых языках отмечен обширный незамкнутый ряд лингвокультурных характеристик, конкретизация которых происходит непосредственно в рамках передаваемой ситуации.

При сопоставительном анализе посессивных конверсивов было установлено следующее. В английской лингвокультуре на протяжении девятнадцатого-двадцать первого веков не происходит изменений в субъекте права купли-продажи, наследования с точки зрения гендерного аспекта, в то время как в русской лингвокультуре в результате исторических изменений в двадцатом веке в праве купли-продажи и наследования предпочтение отдается лицам мужского пола; одушевленные объекты при данных глаголах встречаются чаще в примерах, представленных в текстах девятнадцатого века. Для текстов художественной литературы советского периода характерно употребление глаголов *достать-сбыть* в качестве синонимов *купить-продать*, что не отмечено в английских текстах данного периода.

Нами было выявлено, что в русском языке процесс становления отношений владения отражен более детально, такие глаголы, как *нажить, накопить*, в русском языке являются своего рода культурными доминантами, прямой эквивалент в английском языке отсутствует. Для носителей английского языка важен не сам процесс накопления, а процесс сохранения объектов в своей сфере. В русском языке находит экспликацию также быстрое,

легкое расставание субъекта с объектами владения, русский человек в большей степени азартен, по сравнению с носителем английского языка, что выражается в его отношении к собственности в процессе игры. У представителей английской лингвокультуры в связи с бережным отношением к собственности, напротив, процесс окончания владения объектами происходит медленнее, как правило, с обоснованием причин, по которым необходимо расставаться с объектами, входящими в сферу субъекта, что нашло отражение в фактическом материале исследования.

Таким образом, в русском языке экспликации в большей степени, чем в английском, подвергается необдуманное, нерациональное утрачивание объектов, что находит отражение в сфере литературного, а также нелитературного употребления (*промотать, транжирить*). Процесс утрачивания, как и процесс накапливания, в русском языке представлен более детально, учитываются не только качественные, но и количественные характеристики утрачивания объекта.

Помимо глагольных конверсивов – репрезентантов посессивных антиномий, в состав языковых средств, их выражающих, включены фразеологические единицы, ярко демонстрирующие национально-культурную специфику. При анализе фразеологических единиц интравектор инвариантной антиномичной модели «приобщение-отчуждение» представлен двумя фазами: «начало посессии», «собственно владение», экстравектор – «окончание посессии». Фаза «начало посессии» является релевантной для представителей как русской, так и английской лингвокультур, что подтверждает фактический материал. При сравнении образных систем, положенных в основу фразеологических единиц русского и английского языков, можно отметить, что образная основа в русском языке представлена разнообразнее; отмечены соматизмы *рука, голова, сердце*. Образ *головы* выступает как вместилище, *руки* являются основным средством приобщения объекта. Данные образы конкретизируют характер субъектно-объектных отношений.

В результате анализа выявлены национально-культурно маркированные единицы в составе фразеологизмов: в русском языке – *держат в кубышке*, в английском языке местом хранения, сбережения денежных средств является *mattress (матрас)*; *беречь каждую копейку, грош*, в английском языке используются лексемы *money, penny*.

Экстравектор представлен фазой «окончание посессии», в рамках которой репрезентируются отношения, связанные с потерей, передачей объекта. При анализе фразеологических единиц нами было выявлено, что представители английской лингвокультуры стремятся контролировать происходящие в их жизни события и сознательно подходят к процессу утраты объектов, в отличие от представителей русской лингвокультуры.

Сопоставив языковые единицы, репрезентирующие посессивные антиномии в русском и английском языках, мы выяснили, что, несмотря на универсальность категории посессивности, в объективации данных антиномий имеются как сходства, так и различия. Состав глагольных конверсивов, выражающих антиномичные отношения, в русском языке является более многочисленным по сравнению с английским языком. Именно этот факт обуславливает более детальную структурированность выстроенных антиноминых моделей в русской лингвокультуре.

В качестве перспектив исследования можно предложить дальнейший анализ установленных моделей посессивных антиномий на другом фактическом материале (например, прецедентные тексты), а также рассмотрение с точки зрения антиномичности атрибутивной посессивности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, В. П. Структурно-семантическое описание глаголов передачи в русском языке : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. П. Абрамов. – М. : [б. и.], 1980. – 20 с.
2. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 300 с.
3. Апресян, Ю. Д. Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной картины мира / Ю. Д. Апресян // Teorija tekstu. Warszawa : Ossolineum, 1986. – С. 83–98.
4. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
5. Арсентьева, Е. Ф. Национально-культурная специфика фразеологических единиц / Е. Ф. Арсентьева // III Международные Бодуэновские чтения : И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.) : труды и материалы : в 2 т. / Казан. гос. ун-т ; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т. 2. – С. 122–124.
6. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц семантически ориентированных на человека в английском и русском языках) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 124 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Русское предложение. Бытийный тип / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1979. – 382 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

9. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 315 с.
10. Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : дис. . д-ра филол. наук : 10.02.20 / Е. В. Бабаева. – Волгоград, 2004. – 438 с.
11. Бабаева, Е. В. Нормы и их отражение в языке / Е. В. Бабаева // Языковая личность : проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 17–24.
12. Белошапкова В. А. Современный русский язык : Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.
13. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
14. Березович, Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. 2004. – № 6. – С. 3–24.
15. Бирюкович, Р. М. К семантическому обоснованию категории принадлежности в тюркских языках : (на материале чулымско-тюркского языка) / Р. М. Бирюкович // Вопросы языкознания. – 1980. – №3. – С. 95–106.
16. Большая Советская энциклопедия. – Электронный доступ: [http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Обратная связь/](http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Обратная_связь/) (дата обращения: 6.09.2013)
17. Бондарко, А. В. Посессивность : (вступительные замечания) / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб. : Наука, 1996. – С. 89–100.
18. Бочкин, А. И. Методика преподавания информатики : Учеб. пособие. – Минск : Вышэйшая школа, 1998. – 431 с.

19. Буслаев, Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф.И. Буслаев. – М. : Наука, 1954. – 457 с.
20. Вайс, Д. Смысловой потенциал посессивного отношения и его текстуальная обусловленность в современном русском языке / Д. Вайс // Сокровенные смыслы : Слова. Текст. Культура : сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 283–295.
21. Вартамян, Э. А. Из жизни слов / Э. А. Вартамян. – М. : Детгиз, 1963. – 324 с.
22. Вежбицка, А. Восприятие: семантика абстрактного словаря / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 8. – С. 336–369.
23. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод. руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.
24. Воркачев, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 10–13.
25. Воробьев, В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 1996. – 170 с.
26. Воробьев, В. В. Лингвокультурология : (теория и методы) / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
27. Вульфийус, И. М. К вопросу о классификации идиом / И. М. Вульфийус // Русский язык в школе. – 1929. – №6. – С. 24 – 44.
28. Гайсина, Р. М. К вопросу о специфике значения глагола / Р.М. Гайсина // Известия АН СССР. – 1982. – Т. 41, №1. – С. 59–64.
29. Гайсина, Р. М. Семантическая категория релятивности / Р. М. Гайсина // Исследования по семантике : семантические категории в русском языке. Уфа, 1996. – Вып. 19. – С. 6–8.

30. Гаузенблас, К. О характеристике и классификации речевых произведений / К. Гаузенблас // Новое в зарубежной лингвистике. – 1978. – Вып. 8. – С. 66–79.
31. Гончарова, Т. В. Лексико-семантические группы глаголов типа «давать» и «брать» в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Гончарова. – Л. : [б. и.], 1980. – 19 с.
32. Грузберг, Л. Антиномия не есть антиномия / Л. Грузберг // Проблемы социо- и психолингвистики. – Пермь, 2002. Вып. 1. – С. 7–10.
33. Грузберг, Л. Концепт, или, Почему Америка – концепт, а Финляндия – нет? / Л. Грузберг // Филолог. – 2002. – №1. – С. 58–61.
34. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 396 с.
35. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Вильгельм фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. – С. 37–298.
36. Денисенко, В. Н. Семантическое поле «изменение» в языковой картине мира / В. Н. Денисенко // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2004. – №6. – С. 122–129.
37. Долинина, И. Б. Конструкции с посессивными актантами // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб. : Наука, 1996. – С. 127–136.
38. Егорова, С. Б. Павел Флоренский об антиномиях языка / С. Б. Егорова // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2006. – Т. 4. – № 1. – С. 256–263.
39. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – М. : Просвещение, 1978. – 160 с.
40. Журинская, М. А. О выражении значения неотторжимости в русском языке / М. А. Журинская // Семантическое и формальное варьирование. – М. : Наука, 1979. – С. 157–174.

41. Журина, М. А. Посессивность / М. А. Журина // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – С. 388–389.
42. Зайнуллина, Л. А. Национально-культурная специфика фразеологических оборотов / Л. А. Зайнуллина. – М. : Наука, 2005. – 235 с.
43. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
44. Исаев, Г. Н. Моделирование оценки качества информационных систем / Г. Н. Исаев. – М. : ИМСГС, 2006. – 230 с.
45. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность : культурные концепты. – Волгоград, 1996. – С. 3–15.
46. Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001. С. 3–16.
47. Карасик, В. И. Институциональные концепты / В. И. Карасик // *Vita in lingua* : К юбилею профессора С. Г. Воркачева / отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 87–97.
48. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 13–15.
49. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Учитель, 2002. – 260 с.
50. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. М. : Наука, 1987. – 264 с.
51. Карпова, Т. Г. Интерпретационный компонент семантики донативного действия в современном немецком языке в рамках когнитивного подхода к изучению языковых явлений [Электронный ресурс] / Т. Г. Карпова // Режим доступа: e-lib.gasu.ru/vmu/archive/2004/01/35.html-27k. – Заглавие с экрана.

52. Ковшова, М. Л. Опыт семантического поля в описании идиом / М. Л. Ковшова // Фразеология в Машинном фонде русского языка. – М. : Наука, 1990. – С. 79–83.
53. Колшанский, В. Г. Объективная картина мира в познании и языке / В. Г. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 108 с.
54. Копров, В. Ю. Сопоставительная типология предложения / В. Ю. Копров. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2000. – 267 с.
55. Копров, В. Ю. Национально-культурная специфика языков в синтаксическом концепте «посессивность». / Ю.В. Копров // Реальность, язык и сознание : материалы межвузовского сб. науч. тр. / отв. ред. Т. А. Фесенко. – Тамбов, 2002. – Вып. 2. – С. 145–152.
56. Кравченко, А. В. Язык и восприятие : когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1996. – 160 с.
57. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др]. – М. : Наука, 1996. – 250 с.
58. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1996. – 336 с.
59. Левонтина, И. Б. Родные просторы / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки славянской культуры, 2000. – С. 338–347.
60. Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию : учебное пособие / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2007. – 368 с.
61. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
62. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев // Известия Академии Наук. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, №1. – С. 3–9.

63. Лихачев, Д. С. Культура как целостная динамическая система / Д. С. Лихачев // Вестник РАН. 1994. – Т. 64, №8. – С. 721–725.
64. Ломоносов, М. В. Избранные произведения. Т. 2. История. Филология. Поэзия / М. В. Ломоносов. – М. : Наука, 1986. – 365 с.
65. Макарова, Н. В. Информатика Учебник, 3-е перераб. изд. / Под ред. проф. Н. В. Макаровой. – М. : Финансы и статистика, 2000. – 768 с.
66. Мальцева, Д. Г. Страноведение через фразеологизмы (пособие по немецкому языку) / Д. Г. Мальцева. – М. : Высшая школа, 1990. – 172 с.
67. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию : уч. пособие / В. А. Маслова. – М. : Наследие, 1997. – 208 с.
68. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 204 с.
69. Мелиг, Х. Р. Оппозиция «есть vs. нулевая форма» в русских бытийных предложениях при отнесенности к конкретно-предметным референтам: сопоставление с соответствующей конструкцией с глаголом HABEN в немецком языке / Х. Р. Мелиг // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – С. 437–450.
70. Мельникова, Е. В. Роль оксюморонов в сенсорной картине мира И. А. Бродского / Е. В. Мельникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 43. – С. 98–102.
71. Милованова, М. В. Концептосфера «человек». Субъектно-объектные реляции / М. В. Милованова // Новое в когнитивной лингвистике. – Кемерово : Изд-во КемГУ, 2006а. – Выпуск 8. – С. 726–735.
72. Милованова, М. В. Посессивная ситуация обладания субъекта объектом в русском и немецком языках / М. В. Милованова // Язык. Коммуникация. Культура : тенденции XXI века : материалы международной конференции / отв. ред. Л. В. Куликова. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет, 2007. – С. 237–244.

73. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Л. : Наука, 1977. – 283 с.
74. Нечаев, В. М. Право наследственное / В. М. Нечаев // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
75. Николаева, Т. М. От звука к тексту : (Язык. Семиотика. Культура) / Т. М. Николаева. – М. : Языки славянской культуры, 2000. – 680 с.
76. Ольшанский, И. Г. Лингвокультурология в конце XX века : итоги, тенденции, перспективы / И. Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX века. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 26–55.
77. Панов, М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Том I / М. В. Панов ; Под ред. Е. А. Земской и С. М. Кузьминой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 568 с.
78. Петров, М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. – М. : Наука, 1991. – 328 с.
79. Пименова, М. В. Душа и дух : особенности концептуализации : монография / М. В. Пименова. – Кемерово : Графика, 2004. – 386 с.
80. Подлеская, В. И. Русские глаголы дать/давать : от прямых употреблений к грамматикализированным / В. И. Подлеская // Вопросы языкознания. – 2005. – №2. – С.89–102.
81. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : «Истоки», 2007. – 61 с.
82. Потebня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потebня. – М. : Наука, 1968. – 170 с.
83. Потebня, А. А. Из лекций по теории русской словесности. Басня, пословица, поговорка / А. А. Потebня. – М. : Наука, 1894. – 203 с.
84. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 111–122.

85. Проблемы грамматического моделирования. – М. : Наука, 1973. – 261 с.
86. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. – М. : Высшая школа, 1980. – 143 с.
87. Ревзин, И. И. Модели языка / И. И. Ревзин. – М. : АН СССР, 1962. – 192 с.
88. Розина, Р. И. Динамическая модель семантики глагола *езять* / Р. И. Розина // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : «Азбуковник», 2003. – С. 227–246.
89. Ройзензон, Л. И. Русская фразеология / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : Изд-во Самарк. ун-та, 1977. – 506 с.
90. Рузин, И. Г. Философские аспекты лингвистического исследования / И. Г. Рузин // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 1993. – № 3. – С. 46–55.
91. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 2. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
92. Русский язык и советское общество: (РЯСО1) Лексика современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 188 с.
93. Селиверстова, О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания / О.Н. Селиверстова. – М. : Наука, 1973. – 326 с.
94. Селиверстова, О. Н. Посессивные и пространственно-посессивные модели / О. Н. Селиверстова // Категория притяжательности в славянских и балканских языках : тезисы совещания. – М., 1983. – С. 92–95.
95. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
96. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.

97. Симашко, Т. В. К вопросу о фрагментации языковой картины мира / Т. В. Симашко // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира : материалы международной научной конференции / отв. ред. Т.В. Симашко. – Архангельск : Поморский государственный университет, 2002. – С. 52–54.
98. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
99. Смирнов, П. И. Социология личности / П. И. Смирнов. – СПб. : Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2001. – 380 с.
100. Солодуб, Ю. П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 2005. – №1. – С. 43–51.
101. Срезневский, И. И. Замечания об образовании слов и выражений. Т.2 / И. И. Срезневский. – М. : Наука, 1873. – 345 с.
102. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры : опыт исследования / Ю. С. Степанов. М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
103. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. – М. : Высшая школа, 1985. – 200 с.
104. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Высшая школа, 2002. – С. 992.
105. Татар, Б. Фразеология современного русского языка / Б. Татар. – Будапешт : Высшая школа, 1992. – 215 с.
106. Татаринцева, Е. Н. Специфика письменно-речевой деятельности языковой личности в аспекте антиномий «чтение – письмо», владение – овладение нормами языка» // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2010. – Т. 2. – № 3. – С. 31-36.

107. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 286 с.
108. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999.
109. Тер-Минасова, С. Г. Язык и лингвокультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 264 ч.
110. Толстая, С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении / С. М. Толстая. М., 2002. – № 1 (3). – С. 112–127.
111. Толстой, Н. И. Этнолингвистический словарь славянских древностей : В 5 т. / Н. И. Толстой. Т. 1, 2. – М. : Международные отношения, 1995-1999.
112. Уемов, А. И. Логические основы метода моделирования / А. И. Уемов. – М. : Мысль, 1971. – 311 с.
113. Урысон, Е. В. Языковая картина мира / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. 1998. – № 2. – С. 3–21.
114. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 2002. – 239 с.
115. Фейербах, Л. Избранные сочинения в 2-х томах. Т.1 / Л. Фейербах. – М. : Просвещение, 1995. – 365 с.
116. Философский энциклопедический словарь. – М. : «Советская энциклопедия», 1989. – 840 с.
117. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. М. : Правда, 1990. – Т.1 – С. 146–147.

118. Флоренский, П. А. Свящ. Соч. в 4 т. / П. А. Флоренский. – М. : Мысль, 2000. – Т.3 (1). – 621 с.
119. Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение / Ф. Ф. Фортунатов // Избранные труды. Т.1. – М. : Учпедгиз, 1956. – 450 с.
120. Хайдеггер, М. Искусство и пространство / М. Хайдеггер // Самосознание европейской культуры XX века. – М. : Политиздат, 1991. – С. 95–102.
121. Храковский, В. С. Пассивные конструкции / В. С. Храковский. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние., 1977. – С. 65–84.
122. Цейтин, Г. С. О соотношении естественного языка и формальной модели / Г. С. Цейтин // Вопросы кибернетики. Общение с ЭВМ на естественном языке. – М. : АН СССР, научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», 1982. – С. 20–34.
123. Циммерлинг, А. В. Обладать и быть рядом / А. В. Циммерлинг // Логический анализ языка : языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки славянской культуры, 2000. С. 179–188.
124. Чердынцева, Т. З. Идиоматика и культура (постановка вопроса) / Т. З. Чердынцева // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С.58–70.
125. Чинчлей, К. Г. Поле посессивности и посессивные ситуации / К. Г. Чинчлей // ТФГ. – СПб. : Наука, 1996. – С. 100–137.
126. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : (общие проблемы, метафора) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. Гуманит. ин-т, 2003. – 194 с.
127. Шаклеин, В. М. Современная парадигма лингвокультурологических исследований / В. М. Шаклеин // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2003. – № 1. – С. 6–12.
128. Шамне, Н. Л. Лингвокультурологический аспект философской категории пространства / Н. Л. Шамне // Человек в современных философских концепциях : материалы международной научной конференции (Волгоград, 17–19 сентября 1998 г.). – Волгоград, 1998. – С. 361–364.

129. Шамне, Н. Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации : учебное пособие / Н. Л. Шамне. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 208 с.
130. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.
131. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 287 с.
132. Шведова, Н. Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка / Н. Ю. Шведова // Проблемы функциональной грамматики. – М. : Наука, 1985. – С. 30–37.
133. Шемчук, Ю. М. Лингвотолерантность в эпоху глобализации / Ю. М. Шемчук // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2013. – № 1. – С. 95–98.
134. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
135. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. – М. : Наука, 1966. – 303 с.
136. Яковлева, Т. В. К вопросу об истоках антиномичности в системе языка / Т. В. Яковлева // Молодой ученый. – 2012. – №4. – С. 261–263.
137. Яковлева, Е. С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания, 1993. – № 4.– С. 48–62.
138. Apter D., Comparative Politics, Old and New // The Handbook of Political Science.– 1996.– P.374–389.
139. Awwad, M. Equivalence and translatability of English and Arabic idioms / M. Awwad. – London, 1990. – P. 57–67.
140. Baron, I. Information structure and the anatomy of noun phrases. The expression of subject an object in Danish noun phrases / I. Baron ; E. Engberg-Pedersen et al. (eds) // Content, Expression and Structure studies in Danish

Functional Grammar [Studies in Language Companion Series 29] – Amsterdam and Philadelphia, 1996. – P. 235–259.

141. Baron, I. possession in Noun Phrases : A Functional Analysis / I. Baron and M. Herslund (eds) // Possessive Structures in Danish [KLIMT 3]. – Copenhagen, 1997. – P. 115–130.

142. Blomaert, J. Intercultural and international communication / J. Blomaert // The Pragmatics of Intercultural and International Communication, 1991. – P. 1–12.

143. Bolkestein, A. M. Genitive and Dative Possessors in Latin / S. C. Dik (ed) // Advances in Functional Grammar. Dordrecht : Foris, 1983. – P. 55–91.

144. Chafe, W. Evidentiality : The linguistic coding of epistemology / W. Chafe, J. Nichols. Nordwood, New Jersey : Ablex, 1986. – 346 p.

145. Clark, E. V. Locational: Existential, locative and possessive constructions / E.V. Clark; J. Greenberg (ed.) // Universals of Human Language. [Vol. 4. Syntax]. – Stanford, 1978. – P. 85–126.

146. Cowie, A. P. Semantic Frame Theory and the Analysis of Phraseology / A/P/ Cowie // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и МКК. – 1998. – № 1. – P. 40–48.

147. Fillmore, Ch. J. «The case for case» / Ch.J. Fillmore // Universals in linguistic theory. – New York, 1968. – P. 1–88.

148. Geert, P. van. The development of perception, cognition, and language : a theoretical approach / Paul van Geert. London ; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1983. – 397 p.

149. Gruber, J. S. Lexical structures in syntax and semantics / Jeffrey S. Gruber. – Amsterdam; New York: North-Holland Pub. Co. : Sole distributors for the USA and Canada, Elsevier/North Holland, 1976. – 375 p.

150. Gudykunst, W. B. Culture and interpersonal communication / William B. Gudykunst, Stella Ting-Toomey with Elizabeth Chua. – Newbury Park, Calif. : Sage Publications, 1988. – 278.

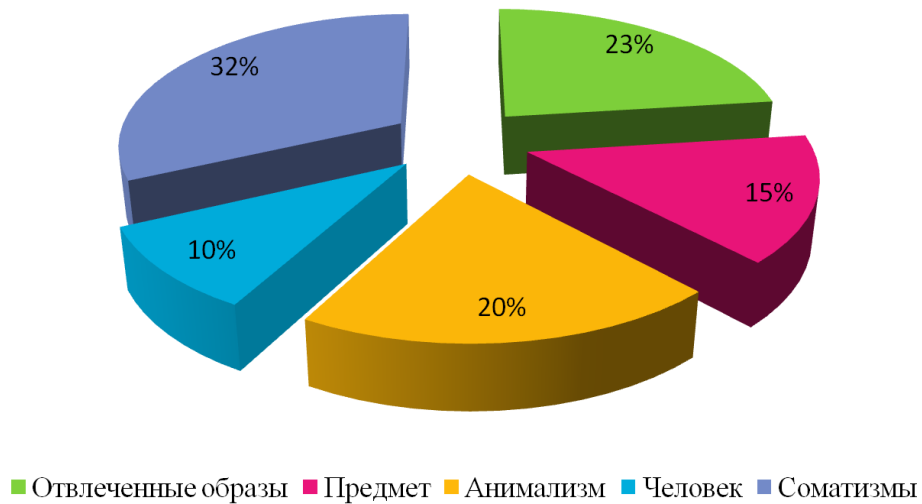
151. Hare, A. P., Blumberg H. H. *Dramaturgical Analysis of Social Interaction* / A. P. Hare, H. H. Blumberg. – New York : Praeger, 1988. – 177 p.
152. Heine, B. *Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization* / B. Heine. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 274 p.
153. Heine, B. *Ways of explaining possession* / B. Heine ; M. Herslund, I. Baron ; F. Sorensen (eds) // *Dimensions of possession. Typological Studies in Language* 47. – Copenhagen, 2001. – P. 311–328.
154. Herslund, M. *Introduction: Dimensions of possession* / M. Herslund, I. Baron ; F. Serensen (eds) // *Dimensions of possession. Typological Studies in Linguage* 47. Copenhagen, 2001. – P. 1–26.
155. Lichtenberk, F. *Possessive constructions in Oceanic languages and in Proto-Oceanic* / F. Lichtenberk // *Austronesian Linguistics at the 15th Pacific Science Congress* / Pawley&Carrington (eds.). – Canberra, 1985. – P. 93-140.
156. Lyons, J. *A note on possessive, extensional and locative sentences* / J. Lyons // *Foundations of Language* 3. 1967. – P. 390–396.
157. Lyons, Ch. G. *Semantics*. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1978. – 371p.
158. Minsky, M. *Frame-system theory* / M. Minsky // *Thinking Readings in cognitive science* / Ph.N. Johnson-Laird, P.C. Wason (ed.). – Cambridge, New York, 1977. – P. 355–376.
159. Roos, E. *Contrastive analysis and the translation of idioms: some remarks* / E. Roos. – Cambridge, 1987. – P. 230–238.
160. Seiler, H. *Possession : as an operational dimension of language* / Hansjakob Seiler. Tübingen Germany. : G. Narr, 1983. – 91 p.
161. Wierzbicka, A. *Semantics and Culture* / A. Wierzbicka. New York, 1992. – 258 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Англо-русский фразеологический словарь / под ред. А. В. Кунина. – М. : «Русский язык», 1984. – 688 с.
2. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – М. : Просвещение, 1982. – 480 с.
3. Национальный Корпус Русского Языка – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>, свободный (дата обращения: 17.12.2013).
4. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1994. – 928 с. (ТСРЯ)
5. Oxford – Оксфордский словарь английского языка / под ред. Маркуса Уиллера. – М.: Издательство «Весь мир», 2000. – 1007 с.
6. Пушкин, А. С. Сочинения в 3 т. / А. С. Пушкин. – М. : Художественная литература, 1985-1987.
7. Русско-английский фразеологический словарь / под ред. Е. Ф. Арсентьевой. – Казань: Издательство «Хэтер», 1999. – 318 с. (АФС)
8. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин ; ред. А. С. Бушмин. – М. : Художественная литература, 1965. – 12280 с.
9. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 12 т. / Л. Н. Толстой ; общ. ред. С. А. Макашина, Л. Д. Опульской. – М. : Правда, 1987. – 576 с.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А. И. Федорова. – М. : Советская энциклопедия, 1995. – 500 с.
11. Фразеологический словарь русского языка/ под ред. А. И. Молоткова. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 541 с.
12. Чехов, А. П. Избранные произведения / А. П. Чехов. – Минск : Гос. учеб. пед. издат. БССР, 1961. – 465 с.
13. British National Corpus – Electronic resource: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> свободный (дата обращения: 17.12.2013).

14. Dickens, Ch. *Oliver Twist* / Ch. Dickens. – London : Wordsworth Edition, 2000. – 376 p.
15. Fielding, H. *Bridget Jones's Diary* / H. Fielding. – NY : Penguin books, 1999. – 275 p.
16. Galsworthy, J *The Forsyte Saga. Book 1. The Man of Property* / J. Galsworthy. – Moskow: Progress Publishers, 1974. – 383 p.
17. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 7th ed. / Chief ed. S. Wehmeier. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 1856 p.
18. Rowling, J.K. *Harry Potter and the Sorcerer's Stone* / J.K. Rowling. – New York, Scholastic, 2008. – 309 p.

Образы, положенные в основу фразеологизмов русского языка

Образы, положенные в основу фразеологизмов английского языка

